

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В XXI ВЕКЕ**

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2003

**ББК 87
П 27**

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

Рецензент: *д. филос. н., профессор В. В. Целищев*

Ответственные редакторы:

*к. филос. н. А. М. Аблажей
к. филос. н. Н. В. Головко*

П 27 Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003.

В сборнике публикуются доклады участников региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН

ISBN 5-94356-140-4

© Авторы

© ИФПР СО РАН, 2003

© НГУ, 2003

Содержание

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	8
<i>Аблажей А. М. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА</i>	8
<i>Чиверская Т. С. О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА КАК ОСНОВЫ ПОЗИТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ</i>	13
<i>Топчина А. П. КОМПАРАТИВИСТСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ</i>	16
<i>Колесникова О. В. СОЗДАНИЕ МЕДИА-ТЕКСТА КАК СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННАЯ ПРАКТИКА</i>	20
<i>Васильева И. Н. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРА</i>	24
<i>Ушаков Д. В. ДИСПРОПОРЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБНОВЛЕНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ</i>	27
<i>Волков А. Б. СОВРЕМЕННЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СТУДЕНТ- ГУМАНИТАРИЙ И НАУКА: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА</i>	34
<i>Жданова М. Г. НГУ И НГТУ КАК ДВА МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ</i>	38
<i>Ерохина Е. А. ТЕКСТ, ПОНИМАНИЕ, СМЫСЛ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i>	42

РАЗДЕЛ II. ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	48
<i>Философия, логика и методология научного знания</i>	48
Головко Н. В. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЯСНЯЮЩИХ И ОПИСЫВАЮЩИХ ТЕОРИЯХ	48
Винник Д. В. ESSENCE OF SENSE	54
Сапрыгин Б. В. НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОЗНАНИЯ	57
Пивень И. А. В ОПРОВЕРЖЕНИЕ АКСИОМАТИЧЕСКОГО ПРАВИЛА ЗНАЧЕНИЯ	60
Пушкиарёв Ю. В. ФИЛОСОФИЯ О СПЕЦИФИКЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ПРОБЛЕМЕ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В МАТЕМАТИКЕ	62
Жигач А. А. ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ БОЛЬШИХ ПРОГРАММНЫХ СИСТЕМ	65
<i>История философии в новом интеллектуальном контексте</i>	74
Литовка И. И. ПРОТОНАУКА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И МЕСОПОТАМИИ В СОЦИКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	74
Вольф М. Н. ДВОЙНОЙ ДУАЛИЗМ В ИРАНСКОЙ ДОИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ	80
Берестов И. В. СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДУШИ У ПЛОТИНА	83
Лукьянцев А. А. К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ САМОСОЗНАНИЯ СИГЕРА БРАБАНТСКОГО	86

<i>Бабак М. В. ПРИНЦИП ОСНОВАНИЯ БЫТИЯ А. ШОПЕНГАУЭРА И ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ</i>	91
<i>Глебов Е. В. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ</i>	93
<i>Социально-философские исследования</i>	96
<i>Вертгейм Ю. Б. ДИСКУССИЯ О ГРУППОВЫХ ПРАВАХ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМАЦИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА</i>	96
<i>Вотинцева М. В. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – МНОГОПОЛЯРНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА</i>	99
<i>Костов С. В. ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕКТОЛОГИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ</i>	103
<i>Чистанов М. Н. ИСТОРИЗМ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ</i>	106
<i>Дробышева Е. П. КОНЦЕПЦИЯ П.БУРДЬЕ КАК НОВАЯ ИНТЕРПРИТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ</i>	108
<i>Зазулина М. Р. ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО</i>	111
<i>Грозина Н. А. СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЯ И ДИСКУРС ВЛАСТИ</i>	114
<i>Зайцева О. В. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ</i>	117
<i>Философские вопросы образования и культуры</i>	120
<i>Немцев М. Ю. К ПОСТРОЕНИЮ КОНЦЕПЦИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ</i>	120

<i>Бойко В. А. ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА</i>	123
<i>Абрамова М. А. КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ ХХI ВЕКА</i>	127
<i>Белобородов Д. В., Джсафаров С. Я. ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ЗАПАДА И ВОСТОКА</i>	130
<i>Молородов О. Ю. МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, КАК ПАРАМЕТР ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА</i>	136
<i>Аникина А. Б. ДУМАТЬ В ТЕМПЕ ВРЕМЕНИ</i>	139
<i>Сухова И. В. МОДЕЛЬ ВИРТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ</i>	142
<i>Форрат Н. В. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РОССИИ: НОВЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ?</i>	146
<i>Петров В. В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ</i>	148
<i>Исаева Ю. С. ГЕНДЕРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ</i>	151
<i>Подшибякина Л. В. ИНТУИЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В АНТИЧНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ</i>	155
РАЗДЕЛ III. ТЕОРЕТИЧЕСИК ПРОБЛЕМЫ ПРАВА	159
<i>Дидикин А. Б. МОДЕЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ</i>	159

*Шмелева Д. Н. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ
ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ С ОСОБЫМ
ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ В НЕФТЕГАЗОВОМ
КОМПЛЕКСЕ* 162

*Костяев С. С. ЗАКОН
О ВЫЯВЛЕНИИ ЛОББИЗМА 1995 ГОДА* 170

Раздел I

Социальные исследования

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА*

А. М. Аблажей

В 2000 г. в Новосибирском научном центре было проведено очередное социологическое исследование сообщества ученых, посвященное анализу условий жизни и психологического состояния ученых, их представлений о состоянии и перспективах академической науки в целом, своего института и лаборатории в частности. Также был проанализирован целый круг вопросов, связанных с влиянием вненаучных факторов на жизнедеятельность сообщества, с особенностями структурной перестройки науки и приспособления ее к радикально иным, по сравнению с прежними, социальным и экономическим требованиям; рассматривались также проблемы адаптации широкого круга ученых к новым формам интеграции сообщества ННЦ в мировую науку. Ученые давали также оценки перспектив выживания и развития научного центра как структурного целого. Исследование предполагало изучение мнения только научных сотрудников ННЦ, здесь не представлены позиции инженеров и вспомогательного персонала подразделений институтов [1]. В ряде случаев для выявления динамики изменения ценностных ориентаций членов научного сообщества ННЦ приводятся данные обследования 1996 г. [2].

Источники средств к существованию. Как и ожидалось, наиболее существенную долю в совокупном доходе ученых составляет заработка плата в институте - на это указали в среднем

* Статья подготовлена в рамках реализации проектов, поддержанных Программой «Развитие социальных исследований образования в России» Европейского Университета в Санкт-Петербурге, осуществляемой при поддержке Фонда Спенсера (грант № 01П-096) и РГНФ (грант № 01-03-00152а).

более 32% опрашиваемых. Вторым по важности источником дохода являются гранты отечественных научных фондов: наибольший удельный вес они имеют в бюджете докторов наук – немногим менее 17%, наименьший – в доходе ученых без степени – 12,6%. Достаточно значимым источником средств к существованию выступают также гранты зарубежных фондов — в среднем около 4,5% ученых указали их в качестве одного из основных источников доходов. Наибольший удельный вес, как и в случае с отечественными грантами, они имеют в бюджете докторов наук – 6,1%, наименьший — для ученых без степени: около 2%. Зарубежные гранты менее значимы для научных сотрудников старше 51 года (3,6%), чем для молодежи младше 35 лет (5,3%).

Если говорить в целом о всех существующих формах получения учеными средств к существованию, то чем старше и квалифицированней научный сотрудник, тем, как правило, большую долю в его доходе составляют такой традиционный вид дополнительного заработка, как преподавание – более 16% всех опрошенных докторов наук. Если сравнить данные 2000 и 1996 гг., то очень заметно упало число респондентов, указавших в качестве источника доходов коммерческую деятельность или оказание частных услуг.

Таким образом, совершенно определенно, что чем моложе и(или) квалифицированнее научный сотрудник, тем более он ориентирован (во всяком случае, в материальном плане) на зарубежную науку, и значит, применительно к современной российской действительности, гораздо более успешно адаптирован к сложившимся социально-экономическим условиям жизни. Бюджетное финансирование зачастую слишком мало, и научные сотрудники, живущие в основном за счет этого источника доходов, оказываются сегодня в сложном положении. Как и ожидалось, научные сотрудники до 35 лет дали наибольший процент тех, кто счел низкую заработную плату главным фактором, который послужил или может послужить причиной ухода из науки. Наименьший он оказался для ученых старше 51 года, которые реально (т.е. крайне низко) оценивают свои возможности сменить место работы и сферу деятельности. Что же касается того, что наиболее квалифицированная и молодая группа ученых ННЦ во все большей степени ориентируется на зарубежную науку - как в матери-

альном, так и в научном плане, то это само по себе уже является тревожным симптомом, а также показателем того, какая из групп ученых в возрастном и квалификационном смысле наиболее востребована сегодня зарубежной наукой.

Что отвлекает ученого от научной деятельности? Увеличение объема времени, уходящего на вненаучные занятия, что продиктовано, как правило, суровой экономической необходимостью, существенным образом снижает интенсивность научного труда, хотя зачастую подобная деятельность служит средством для того, чтобы именно наукой-то и заниматься.

Значимость такого фактора, как “поиск денег на науку из различных источников”, отметили 47% докторов наук, и лишь 13,5 ученых без степени. По сравнению с 1996 г. резко упало значение данного фактора для молодых ученых до 35 лет – с 38 до 19,6%. И причины этого, на наш взгляд, надо искать в том, что изменилось само содержание понятия «поиск денег на науку»: если раньше под этим понималось обеспечение физического существования для занятий наукой (грубо говоря, днем работа в коммерческом киоске, а ночью – в лаборатории), то теперь это действительно поиск денег на науку: подготовка заявок на гранты, ведение деловых переговоров, т.е. осуществление всего комплекса действий, входящего в понятие научного менеджмента. А поскольку занимаются этим в основном заведующие секторами и лабораториями, в большинстве своем доктора наук, то не случайно, что представители именно этой группы оказались в лидерах по данному фактору, так же, как по показателю «административная деятельность»[3].

Очень любопытными оказались цифры, отражающие состав респондентов, которые в качестве отвлекающих от науки факторов отметили такие как семейные проблемы и проблемы со здоровьем. Вряд ли будет правильным утверждение о том, что доктора наук обладают намного более лучшим здоровьем, чем ученые без степени, однако соотношение указавших этот фактор в качестве одного из тех, которые отвлекают ученого от занятий наукой, для указанных групп ученых соответственно 3,5 и 11,5%, т.е. более чем в 3 раза. Та же тенденция и в отношении семейных проблем: 7,6 и 37,5%. Объяснение подобного феномена, на наш

взгляд, хорошо выражено в известном афоризме: «Кто не хочет – ищет причину, а кто хочет – ищет средство».

Удовлетворенность уровнем жизни. В большинстве своем ученые не слишком удовлетворены уровнем жизни, это справедливо как для 2000, так и для 1996 г. Другое дело, что в 2000 г. оценки стали менее категоричными. Ученые всех категорий, как правило, выставили в основном средние оценки по важнейшим показателям уровня жизни, таким как качество питания, жилищные условия, досуг, поддержание здоровья, что говорит о постепенной адаптации к сложившимся условиям повседневной жизни. Только в отношении жилищных условий оценки докторов наук оказались немного выше, чем у кандидатов и ученых без степени.

Как показало обследование, немного оптимистичнее стали оценки уровня жизни, что, впрочем, не исключает предположения о том, что подобные оценки опять же являются результатом адаптации - меньше стало откровенно бедных (по самооценке самих опрошенных), немного увеличилось количество тех, у кого выросла социальная самооценка, но зато больше стало и тех, кто вывел себя из средних слоев, перейдя в низшие страты общества (в терминах анкеты – «живущие ниже среднего уровня»). По результатам обследования 2000 г. 15,2% опрошенных оценили свой уровень жизни как близкий к черте бедности (в 1996 г. – 25); 44% респондентов считали себя живущими ниже среднего уровня (в 1996 г. – 39%); всего 6,1% сотрудников ННЦ относили себя к живущим на уровне выше среднего (1996 г. – 3,4%).

Таким образом, почти 2/3 ученых имеют, по собственным оценкам, низкий уровень жизни, и это соответствует реальному положению дел. Можно говорить о протекающем с разной (по годам) степенью интенсивности процессе обнищания целых категорий работников высшей квалификации.

Наибольший процент лиц, указавших, что их уровень жизни ниже среднего, а то и вовсе близок к черте бедности, дали научные сотрудники без ученой степени - в сумме это составило около 65%. Доля лиц из той же категории, кто счел, что перешагнул средний уровень и стал достаточно обеспеченным, составила всего 3,6% (правда, и среди кандидатов наук таких всего 4,8%). Докторов наук, живущих, по их собственному мнению, на уровне выше средне-

го, уже 14,3%. По этим позициям оценки по сравнению с 1996 г. практически не изменились.

Попытаемся нарисовать обобщенные социологические портреты преуспевающего и бедствующего научного сотрудника ННЦ. Преуспевающий — как правило, доктор наук, достаточно молодой, имеющий неплохие жилищные условия, получающий сравнительно большой оклад в институте, преподающий в вузе, тесно связанный как с отечественными, так и зарубежными научными фондами и деловыми партнерами, удачно сочетающий в себе энергию молодости и высокую научную квалификацию, востребованную на рынке.

Бедствующий — как правило, сравнительно молодой или, наоборот, человек в возрасте, обычно без научной степени, имеющий плохие жилищные условия (нередки случаи, когда жилья нет совсем, и не случайно одним из главных способов омоложения кадров науки считается решение пресловутого «квартирного вопроса»), основным источником дохода которого остается мизерный по нынешним меркам оклад в институте, вынужденный львиную долю своего времени проводить на садово-огородном участке с целью простого выживания (для лиц старшего возраста) или на репетиторство (молодежь).

Таким образом, можно говорить о нескольких моделях социальной адаптации в ученой среде в настоящее время, что, в свою очередь, является первопричиной усиления социальной дифференциации в академической среде [4]. Первая: максимальное использование накопленного квалификационного багажа и научной известности. Основные источники доходов — гранты (отечественные и зарубежные), преподавание, выполнение хоздоговорных тем. Категория ученых — доктора наук, высшие администраторы. Вторая: отход от собственно науки как основного занятия, переключение на оклонакучную деятельность, но при сохранении связей с институтом в виде пусть небольшой, но регулярной зарплаты. Категория ученых — молодежь до 35 лет, только начинающая свой путь в науке. Иногда возможно совмещение первой и второй модели. Третья — главным смыслом жизни становится просто выживание — это означает, что львиная доля времени тратится на дачный участок и подобные этому занятия. Ни о какой полноценной научной деятельности речь в данном случае идти уже не может. Редкие исключения лишь под-

тврждают правило. Категория ученых - старшее поколение, в основном исследователи, не имеющие ученой степени, для которых другие модели адаптации непригодны по чисто объективным причинам (возраст и квалификация).

Примечания

1. Все приводимые в статье социологические данные взяты в: **Гордиенко А.А., Еремин С.Н.** Состояние и тенденции развития академического сообщества ННЦ. 2000 г. Материалы социологического исследования. – Новосибирск. – Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. Автор настоящей статьи участвовал в полевом исследовании.

2. Данные приводятся в: **Гордиенко А.А., Еремин С.Н., Плюснин Ю.М.** Социальные характеристики научного сообщества Новосибирского Академгородка. Сборник таблиц. – Новосибирск, Центр социальной адаптации и переподготовки кадров высшей квалификации, 1997

3. «...нередко научные руководители полностью берут на себя все заботы, связанные с получением средств и отчетностью по ним». **Дежина И.Г.** Грантов много – денег мало. Как удержать в науке молодежь? // Поиск, 13 февраля 2003 г.

4. **Арутюнов В.** Академическая верхушка богатеет // НГ-наука, 2003, 23 апреля. Взято на: http://www.ng.ru/science/2003-04-23/14_academy.html

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА КАК ОСНОВЫ ПОЗИТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ Т. С. Чиверская

В последнее время в отечественной социологии наметился переход от негативной, критической социологии, делающей акцент на исследование нарушений и отклонений в развитии российского общества, к, так называемой, позитивной социологии, изучающей нормальные состояния, естественные и гармоничные процессы и

структуры общественной системы. В качестве одной из основ позитивной социологии выступает институциональный подход к анализу российского общества, фиксирующий устойчивые, жизнеспособные характеристики и процессы. При этом, являясь одной из центральных, категория «социальный институт» не имеет однозначной трактовки как в западной, так и в отечественной социологии.

Анализ работ, посвященных изучению институциональных процессов, позволяет выявить два основных подхода в использовании понятия «социальный институт». Первый подход характеризуется исследованиями институциональных процессов, происходящих на микроуровне. В этом случае, социальный институт понимается, прежде всего, как *совокупность правил, регулирующих практики повседневной деятельности людей*. Данная методологическая ориентация позволяет сосредотачиваться на изучении различных сфер и видов деятельности, «охваченных» институциональным регулированием. К предметному полю данных исследований относится, в частности, изучение рыночных отношений и связанных с ними прав собственности, структур управления и правил обмена. К данному подходу относится также определение института как *правил игры, созданных в обществе людьми и организующих определенным образом взаимодействие между ними*. В такой интерпретации институты отделяются от организаций, поскольку последние понимаются как социальные формы, в которых закрепляются и реализуются, в конечном счете, те или иные институты.

В рамках второго подхода представлен макроуровень анализа институциональных процессов, при котором объектом выступает общество в целом и его важнейшие подсистемы. Речь при этом ведется о **базовых** институтах, представляющих собой *глубинные, исторически устойчивые основы социальной практики, обеспечивающие воспроизведение социальной структуры в разных типах общества*. В частности, анализу институциональной макроструктуры российского общества посвящены работы по развитию теории раздаточной экономики, разработка теоретической макросоциологической гипотезы об институциональных матрицах.

Безусловно, необходимо сочетание этих двух подходов, что, кстати, признается авторами второго институционального направления. При исследованиях на макро- и микроуровне выделяются базовые институты, формирующие рамки, пределы институциональ-

ных преобразований, осуществляемых на микроуровне, в процессе непосредственной экономической, политической и социальной деятельности.

Тем не менее, на наш взгляд, данному подходу не достает «среднего уровня» анализа институциональных процессов, что способствовало бы более глубокому анализу институциональных трансформаций, происходящих в последнее время в российском обществе.

В рамках такого подхода социальный институт понимается как *способ социального закрепления, воспроизведения, стандартизации, формализации различных видов деятельности, возникших в процессе и на основе общественного разделения труда.*

Таким образом, если для микросоциологического подхода в понимании социального института характерно исследование различных видов поведения социальных субъектов, а макросоциологический подход делает акцент на изучение глубинных регуляторов общественных явлений, то предлагаемое нами понимание социального института позволяет вести анализ институциональных образований, находящихся «между» этими уровнями общественной практики. Речь в данном случае идет об институте образования, науки, культуры и т.п. При этом, необходимо подчеркнуть, что данные институты возникали на разных этапах развития общества, и их появление было обусловлено общественными потребностями, возникающими на соответствующем этапе развития общества. Являясь одной из форм социального воспроизведения соответствующего вида деятельности и связанных с ним общественных отношений, данные институты обеспечивали трансляцию последних во времени и в пространстве. Механизмами, способствующими стандартизации и формализации этих видов общественной практики являются элементы соответствующего социального института. К ним относятся: система учреждений, как организационная компонента института; социальные роли, качественное выполнение которых обеспечивает эффективную деятельность института и социальные нормы, задающие рамки данной деятельности. Очевидно, что при таком понимании социального института организационная компонента не выводится из сферы институционального регулирования, что характерно, в частности для микросоциологического подхода.

Процесс институционализации при этом представляет собой формирование данных механизмов, и его завершение означает окончательное включение соответствующего института в структуру общественной организации. Проявлением этого является формирование связей данного института с другими подсистемами общества, что выражается, с одной стороны, в создании материальных и моральных условий для эффективного функционирования института, с другой стороны, в контроле за деятельностью института со стороны общества. Эффективность такого взаимодействия обусловлено «заинтересованностью» общества в данном институте, т.к. последний обеспечивает удовлетворение тех или иных общественных потребностей.

Данная методологическая ориентация позволяет, на наш взгляд, объяснить характер происходящих в российском обществе преобразований. Данные процессы представляются, с одной стороны, как проявление дисфункции основных институтов общества, вызванное неспособностью их удовлетворить изменившиеся общественные потребности. С другой стороны, за этими кризисными явлениями просматривается позитивная сторона этих трансформаций, содержание которых определяется стремлением институтов привести в соответствие основных своих механизмов (систему учреждений, социальных ролей и норм) с реалиями современного состояния российского общества. Это, на наш взгляд, является основой воспроизведения социальной жизни, обеспечивающей целостность общественной системы в целом.

КОМПАРАТИВИСТСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭТНОСОЦИОЛОГИИ^s

А. П. Топчина

Социальные и гуманитарные науки в XX в. испытали интенсивное развитие. Количественный и качественный рост объема информации в этот период способствовал институционализации новых

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 01-06-80469а) и РГНФ (проект № 01-03-00388).

научных специализаций. Появились сотни относительно самостоятельных научных дисциплин. Сегментация социогуманитарного знания сопровождалась углублением процесса познания, разработкой и введением специальных методических приемов и принципов исследования.

Одновременно, на протяжении всего XX в. в социогуманитарных науках возникали и развивались так называемые междисциплинарные исследования и междисциплинарные научные знания. Развитие «стыковых» научных дисциплин, основывающихся на применении знаний, относящихся к различным монодисциплинарным наукам, обусловило существенные изменения в структуре, организации и целевой ориентации научного знания.

В то же время, дифференциация социогуманитарных научных знаний явилось серьезным препятствием для целостного представления изучаемых предметов. Четко очерченное предметное поле каждой из наук способствовало ослаблению междисциплинарной коммуникации.

На современном этапе динамика социогуманитарного знания требует разработки особых методологий, позволяющих сопоставить результаты и методы различных наук. Интеграция разных областей знания выступает одной из главных тенденций развития современной науки.

В настоящее время перспективной методологической основой, способной сблизить монодисциплинарные науки могут стать, с точки зрения ряда авторов, сравнительные (компаративистские) исследования [1]. Компаративистская методология задает новую трансдисциплинарную ориентацию интеграции социогуманитарных наук. Особенность этой перспективы заключается в возможности осуществления универсального синтеза и обнаружении исходных базовых социокультурных единиц и структур [2].

В целом, в научной литературе уже представлено достаточно всестороннее обсуждение проблемы преодоления обособленности многочисленных отраслей социогуманитарных наук на основе применения компаративистской методологии [3]. В рамках же данной работы мы ограничиваем свой интерес лишь обсуждением перспективности приложения компаративистских методов исследования в этнической социологии.

Этническая социология, занимающаяся изучением социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, является междисциплинарным научным направлением. Компаративистские методы исследования, благодаря возможности выявлять общее и особенное в развитии различных этносов, чрезвычайно важны в этносоциологии. Актуальность сравнительных исследований возрастает в современных условиях российской действительности, когда в стране наблюдается активизация этнокультурных процессов и усиление этнической обособленности.

Сравнительные исследования в этносоциологии можно разделить на два основных варианта: сравнительно-исторические исследования и социокультурные этнические исследования.

Сравнительно-исторический метод направлен на ретроспективный анализ культурной и социальной жизни современных этносов. Он позволяет раскрывать историческое своеобразие сопоставляемых этносов и способствует пониманию основных этапов их развития от традиционных основ жизни до современного состояния. Сравнительно-исторические исследования не ограничиваются только поиском аналогий в истории отдельных этносов. Они играют важную роль в выявлении общих тенденций и закономерностей, определении природы и характера социальных изменений в развитии этнических общностей.

Социальная необходимость в сравнительно-исторических исследованиях в настоящее время все более возрастает, поскольку они позволяют предвидеть тенденции дальнейшего развития этносов и прогнозировать их возможное будущее состояние. Однако, в современной этнической социологии сравнительно-исторические исследования еще не получили широкого распространения.

Второе направление сравнительных исследований в этносоциологии предполагает социокультурный анализ функционирования различных этнических групп. Сравнительные этносоциологические исследования позволяют увидеть ориентации этносов в различных сферах, определить механизмы взаимодействия и общения, разработать наиболее рациональные способы предотвращения межэтнических противоречий.

Проведение конкретных сравнительных исследований в отечественной этносоциологии имеет определенный опыт. Особенно широко он применялся в 1970–1980-е годы [4]. Социологическое изу-

чение этнических групп продолжается и в наши дни. Как правило, в советской науке проведение сравнительных исследований этнических общностей подчинялось цели выяснения их общих и специфических черт, уточнения закономерностей и перспектив их развития и особенно интернационального сближения. В современных условиях, сравнительные исследования в значительной мере направлены на решение прикладных проблем.

Компаративистские исследования в отечественной этносоциологии обладают общей чертой и общим недостатком. Несмотря на солидный объем проведенных исследований, чаще всего объектом изучения становились в советское время этносы союзных республик во взаимодействии с русскими, в современных условиях – крупные этнические группы.

Вместе с тем, компаративистский подход в этнической социологии предполагает целостное изучение этнических общностей. Сравнительные исследования этнических групп необходимо проводить в более широкой перспективе, не замыкаясь только в рамках одного уровня. Новым ориентиром компаративистских исследований должен стать переход к целостным тематико-проблемным сравнениям, с целью выявления интеркультурных оснований изучаемых этносов. Выявление общего, особенного и уникального в жизни этносов предполагает нахождение универсальных ценностей и специфических нормативов культур.

Исследование социального развития этнических групп требует углубленной разработки методологии, методов, методики сравнительных исследований. Необходимо, чтобы методика исследований не была направлена только на выявление различий и сходств между разными этносами. Также она должна отказаться от тенденций сравнения этносов по внешним признакам и по произвольно отобранный проблеме. При этом некоторые явления в жизни отдельных этносов не могут быть игнорируемы, лишь по причине невозможности проведения прямых аналогий с другими этносами.

В современных условиях этносоциология все более активно взаимодействует с другими дисциплинами. Достижения в других областях – этнографии, этнической психологии, этнологии, позволяют разработать новые способы предотвращения этнических конфликтов, наладить позитивные межэтнические связи.

Литература:

1. Вербицкая Л.А., Козловский В.В., Скворцов Н.Г. Вехи и успехи компаративистики в социальных и гуманитарных науках // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2001. С. 5–11.
2. Там же. С. 7–8.
3. См.: Сравнительная политология: Теория и методология измерения демократии. СПбГУ, 1999; Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб, 2001; Компаративистика-II: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб, 2002.
4. См.: Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987; Русские. Этносоциологическое исследование. М., 1992; и др.

**СОЗДАНИЕ МЕДИА-ТЕКСТА КАК СОЦИАЛЬНО
ОТВЕТСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**
О. В. Колесникова

Тема контроля негативных эффектов от намеренного и непреднамеренного воздействия журналистских текстов на аудиторию становится все более актуальной. Общественная дискуссия разворачивается вокруг проблем манипулирования сознанием и возрастающей необходимости укрепления различных форм толерантности в мире, объединенном глобальной сетью информационных потоков, но сохраняющем культурную обособленность включенных в эту информационно-интегрированную систему сообществ. Предлагая для рассмотрения тему социальных эффектов журналистской деятельности в обрисованном контексте рассуждений, мы ставим вопрос о том, каким же образом можно реально снизить вероятность негативных эффектов от непреднамеренного и намеренного воздействия медиа-текстов на этнокультурную идентичность потребите-

лей информации. Причем в данном случае нас интересует именно специфика производства текстов, транслируемых через СМК.

Основной стратегией производства медиа-текста в мультикультурном толерантном обществе должна стать стратегия управления конфликтным событием, поскольку негативное воздействие на культурную идентичность сообщества увеличивает риск агрессивной реакции, а значит, провоцирует конфликтное поведение. Если определить «событие» в контексте социальной коммуникации, то оно может быть описано как факт изменения состояния социальной системы в связи с накоплением каких-либо интенциональных импульсов, что влечет за собой изменение алгоритма ее функционирования или кратковременную, но интенсивную реакцию на полученный информационный раздражитель. Любой медиа-текст является информационным раздражителем, который воздействует на состояние системы, он имеет целью провоцировать микрособытия. Кроме того, работники СМК осуществляют фильтрацию информационного поля, создавая контекст существования социальной системы. Поэтому воздействие на идентичность потребителей продукции СМК неизбежно. Однако снижение интенциональной «заряженности» определенного типа текстов уменьшает интенсивность конфликтогенной социальной провокации, апеллирующей к идентификационному противопоставлению в рамках принадлежности к разным этнокультурам.

Манифестиация культурной отличительности всегда сопряжена с транслированием идеологии, присущей данной социальной группе (в данном контексте идеология понимается как некоторый набор ценностных концептов, определяющих субкоды интерпретации текста, которые запускают механизм желательного смыслопорождения, таким образом имплицитно принуждая сознание структурировать реальность в соответствии с заданной оценкой и заданными предписаниями). Независимо от любого рода деклараций собственной «непредвзятости», журналист, создавая текст, не в состоянии преодолеть идеологические предписания собственной культурной идентичности (в разных ее ипостасях), в основе которой всегда содержится противопоставление «себя» и «Другого». В результате продукт журналистской деятельности оказывается идеологически маркированным. Эта особенность текста, проявляющаяся в способах формализации дискурса и коннотации суждений, может прово-

цировать нежелательные коллизии, тем более если дискурс разворачивается в поле межкультурного взаимодействия и касается тем, сопряженных с комментированием конфликтных эпизодов социальной реальности. Идеология авторской идентичности закладывает в текст набор оценок и интенциональных импульсов, которые могут уязвить идентичность «Другого», усиливая межкультурное напряжение. Кроме того, при более радикальной (чем предполагается автором-журналистом) интерпретации текста фокус-реципиентом интенциональность текста может вызвать чрезмерный резонанс, способный привести к агрессивной манифестации враждебного отношения к «Другому». Важным моментом является то, что журналистская профессиональная практика в большинстве случаев игнорирует эту особенность производства медиа-текстов, которую мы называем «монологичностью журналистской идентичности».

На наш взгляд, преодоление этого «соблазна монологичной идентичности» возможно только при условии, что журналист будет способен различать «монолог собственной идентичности» и анализ излагаемой проблемы, коллизии, информационного события. А также если он сможет переживать своеобразный «опыт травестирования», который бы позволял декодировать тексты с позиций «Другого» и улавливать те самые «импульсы» оценочно нагруженной субъективности, некорректности, в предельном варианте – вражды. Причем такая практика предполагает умение автора текста почувствовать себя на месте не только фокус-аудитории, но и случайного реципиента, в интерпретации которого текст может приобрести негативную интенцию и спровоцировать, в свою очередь, негативную реакцию, ведущую к латентному или открытому конфликту. При таком подходе к тексту должны учитываться моменты авторской «отстройки» от противополагаемой идентичности, особенно оценочно-нагруженные, а также возможные когнитивные «фильтры» предполагаемой аудитории, как ожидаемой, так и случайной. Такая практика позволит прогнозировать вероятное изменение состояния «системы», в данном случае – состояния отдельных социальных групп, на идентичность которых оказывается воздействие. А такое прогнозирование эффектов интерпретации журналистского текста позволит отчасти увеличить контроль событийности, связанной с манипулированием идентичностью в социальном пространстве и ведущей к появлению ситуаций социального напряжения.

Закономерно возникает вопрос о злоупотреблении коммуникативными технологиями в целях намеренного манипулирования публикой при конструировании квазисобытия (фальсификации информационного события, порождающего общественную дискуссию), а также с целью формирования или корректирования требуемого алгоритма поведения публики. Как нам представляется, данная проблема имеет свои корни в процессе формирования самоидентичности каждого конкретного работника СМК, поскольку именно самоидентичность диктует этические предписания и детерминирует каждый единичный акт этического выбора. Данная этическая коллизия отчасти разрешается в процессе самоидентификации журналиста, когда у него формируется эталонный образ «себя», включающий алгоритмы толерантного поведения, в том числе и речевого, а также такие ценности социального взаимодействия, как право «Другого» на иную идентичность (и санкционируемые ею практики) или презумпция правомерности презентации иной культуры в пространстве социального общения. Такое самоконструирование должно привести к уменьшению производства намеренно провокационных дискурсов и налаживанию «диалога культур» в информационно-идейном пространстве.

Итак, в процессе создания текста работнику СМК приходится преодолевать искушение собственной идентичности, которая ангажирует производимый текст, наполняя его скрытыми провокационными импульсами, способными вызвать нежелательные социальные эффекты. Поэтому журналисту необходимо владение технологией управления событием, которое может произойти в результате воздействия производимого им медиа-текста. При этом этическая коллизия, возникающая в результате искушения злоупотребить такой «дискурсивной властью», может быть разрешена только при условии конструирования специфической эталонной идентичности у работника СМК.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРА

И. Н. Васильева

Профессия современного инженера, являясь одной из основных профессий, получаемых сейчас студентами, представляет вид обширной многоплановой деятельности, требующей не только профессиональных знаний, но и навыков практической работы, ведь современное общество нуждается в инициативном, мыслящем, универсально подготовленном работнике, дисциплинированном, образованном, с широким научным кругозором, обладающим принципиально новой технологической культурой.

Чтобы дать толчок человеку самостоятельному, но не обладающему достаточным опытом в сфере самореализации, помочь ему пойти по пути прогресса, необходимо в курс преподаваемых дисциплин ввести обучение техническому творчеству, и изучать его именно в Вузе, так как студент является достаточно сформировавшейся личностью, готовой к активному самостоятельному процессу обучения.

Почему необходимо изучение творчества? С точки зрения философии творчество – это не мнимая независимость субъекта от объективной реальности, а такой процесс их взаимодействия, в ходе которого субъект, опираясь на познанные объективные закономерности, целесообразно изменяет окружающий мир. Творчество – это созидание нового в интересах прогресса общества.

Знание – это ядро сознания, его основное содержание, независимо от той формы, в которой сознание выступает. Однако имеется одна форма общественного сознания, основная функция которой связана с формированием, выработкой нового знания, адекватно отражающего закономерности объективного мира. Это – наука.

Наука призвана быть средством производства всесторонне развитой личности, богатой в своих общественных проявлениях. Уровень развития науки и техники выступает показателем того, до какой степени развиты ум человека, его способности, а, следовательно, и человеческое общество в целом.

У каждого человека есть выраженные в неодинаковой степени те или иные задатки. Лишь в том случае, если задатки развиваются в

адекватной среде, может сформироваться активная творческая личность.

При соответствующих внешних условиях талантливый человек может видеть дальше других, чувствовать глубже, творить продуктивнее, идти наперекор установившимся канонам, ему под силу бесценные открытия, обогащающие науку, технику, производство, культуру. Поэтому первое, что мы могли бы предложить в плане интеграции науки и образования в процессе подготовки современного инженера, – это необходимость дифференциации студентов по уровню развития их творческих способностей, с тем, чтобы в дальнейшем можно было организовать их привлечение к научной работе в соответствии с их способностями. Для этого мы предлагаем проводить тестирование студентов с целью выявления их творческих задатков. По полученным результатам студенческий коллектив можно разбить на группы с высоким, средним и низким уровнем развития творческого потенциала.

С первой из перечисленных групп, которую составляют студенты, обладающие раскованностью воображения, вариативностью и парадоксальностью мышления, следует работать по углубленной программе курса технического творчества. Их, по нашему мнению, надо ориентировать на активное занятие научной деятельностью под руководством преподавателя по специальности и преподавателя, специалиста по эвристическим методам.

Вторая группа – это студенты, не обладающие достаточным уровнем раскованности воображения, но обладающие креативностью мышления, в этом случае преподавателю мы бы рекомендовали не выходить за рамки предлагаемого курса, но стимулировать студентов самостоятельной работой, и, по желанию студента, его можно перевести в сильную группу.

К третьей группе относятся студенты с низким уровнем творческих задатков, они будут являться пассивными слушателями курса эвристики.

Формы включения студентов в науку могут быть самые разные: начиная от анализа ими научных работ в соответствии с учебными планами и подготовкой рефератов, научных работ, отзывов и т.п. Видимо, эти формы работы целесообразнее всего давать на первых курсах студентам с недостаточно высоким уровнем развития творческого потенциала (третья группа по нашей классификации).

На более старших курсах студентам, относящимся ко второй группе по нашей классификации, можно предлагать различные формы самостоятельной научной работы, проблематика которых не будет выходить за рамки учебных проблем.

И, наконец, для студентов с высоким уровнем творческого развития можно предложить выбор проблематики в соответствии с последними достижениями науки и техники, соответствующих их будущей специальности.

При такой разбивке на группы усиливается роль преподавателя, его задача обеспечить самостоятельность работы студента, не отрицая заведомо сомнительных решений, обеспечить правильный выбор студента и его ориентацию во всей совокупности предлагаемых научных проблем.

Кроме указанного, видимо, необходимо обратить особое внимание на правильный выбор студентами факультативных дисциплин, т.к. творческое воображение должно основываться на знаниях, например законов физики, поскольку технические усовершенствования базируются на физических эффектах. С этой стороны, помочь преподавателя узкопрофильных дисциплин, по которым разрабатывается изобретение, просто необходима.

Все это должно, по нашему мнению, целесообразно сочетаться с требованиями производства и общества в целом.

Решить проблему - это значит найти идею решения. Но идею нужно разработать, доказать её новизну и реальность, наконец, внедрить. Известно, что создание новшества идёт примерно по четырём этапам: воссоздание идеи, решение технической задачи, изготовление опытного образца, его опробование и использование.

Как известно, человеку, решающему техническую задачу нужна, во-первых, достойная цель - новая и достаточно значительная, т.е. общественно полезная; во-вторых, нужен комплекс реальных рабочих планов достижения цели и регулярный контроль за выполнением этих планов. А также, высокая работоспособность и выполнение намеченных планов.

Кроме этого, человек должен обладать хорошей техникой решения задач. На пути к цели обычно необходимо решить десятки, иногда сотни изобретательских задач. Теория решения изобретательских задач, разработанная Альтшуллером Г., помогает пройти путь от идеи до создания новшества. Изготовление и внедрение в произ-

водство – это следующий процесс, связанный уже непосредственно с производством.

Следует к тому же отметить, что для творческого процесса нужен кроме умственного потенциала еще и твердый характер, настойчивость помноженная на смекалку, умение организовать свое время и способность видеть конечный результат.

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что творческий человек является двигателем прогресса, а обучение элементарным эвристическим приемам, поможет студенту, на нелегком пути самосовершенствования, развить свои творческие задатки и обогатить своими открытиями науку.

ДИСПРОПОРЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБНОВЛЕНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА ПРОМЫШЛЕННОСТИ[§]

Д. В. Ушаков

Важнейшим условием успешного социально-экономического развития современного российского общества является восстановление и рост промышленного производства. Несомненно, общество может реализовывать различные пути развития, однако без прорыва в промышленности Россия будет вынуждена стать сырьевой базой для других обществ и развивать сферу обслуживания рынков сбыта продукции иных социальных систем, постепенно разрушая основы

* Работа выполнена при совместной финансовой поддержке РГНФ и Администрации Новосибирской области (грант РГНФ № 02-03-00101 а/т; договор с Новосибирским областным фондом поддержки науки и высшего образования № ФГ – 8 – 02). Автор выражает свою признательность и благодарность заместителю главы Администрации Новосибирской области, начальнику Управления науки, высшего, среднего, профессионального образования и технологий Геннадию Алексеевичу Сапожникову и заместителю начальника Управления науки, высшего, среднего, профессионального образования и технологий Борису Ивановичу Ивлеву за оказанное содействие в проведении социологических исследований.

собственного социального, экономического и политического существования.

В настоящее время наблюдается парадоксальная ситуация когда промышленные предприятия испытывают острую потребность в омоложении кадрового состава, а молодые специалисты, бывшие выпускники учреждений профессионального образования не могут найти работу по специальности. При этом следует отметить, что данная ситуация характерна не только для сферы промышленного производства, она проявляется в большей или меньшей степени в других сферах, таких как сельское хозяйство, образование и наука.

По мнению представителей органов государственной власти, основная проблема заключается, прежде всего, в несоответствии структуры подготовки кадров потребностям складывающегося рынка труда. Их особую обеспокоенность вызывает увеличение количества высших учебных заведений, открывшихся в последние годы. Приведем несколько цитат из прессы. Как считает министр труда и социального развития Александр Починок, в России «...грядет гигантское перепроизводство специалистов массовых профессий с высшим образованием, превышающее потребности российской экономики...». Количество предлагаемых мест в высших учебных заведениях России на 2003-2004 год «приводит его в ужас»; «у меня рабочие кончаются по балансу трудовых ресурсов», - поясняет он [1]. «...В России сегодня наблюдается избыток специалистов примерно по 150 профессиям. Мы завалили страну экономистами – международниками» - сказал Починок. Скоро, по словам министра, обнаружиться перепроизводство юристов. Зато в стране имеется острый дефицит рабочих. Скоро придет время закрывать вузы и открывать ПТУ» [2].

Отмечая актуальность и особую остроту вопросов занятости молодежи, органы управления рассматривают складывающуюся ситуацию с позиций необходимости рыночного реформирования системы образования и сокращения выделяемых на нее расходов. В докладе государственной счетной комиссии «Бремя государства и экономическая политика: либеральная альтернатива» говорится: «В настоящее время имеются существенные расхождения между структурой подготовки кадров в системе профессионального образования и реальными потребностями рынка труда. Так, не трудоустраивается по специальности в среднем от 15 до 30% выпускни-

ков технических вузов. По техническому направлению подготовки трудоустраивается около 10% выпускников... По указанной причине только в вузах по экспертным оценкам неэффективно используется от четверти до трети средств федерального бюджета, выделяемых на высшее профессиональное образование...» [3].

Выводы и решения из подобных высказываний напрашиваются сами собой – необходимо установить контроль качества образования, сократить количество учебных заведений, снизить расходы на «бесплатное образование» путем сокращения количества мест в учебных учреждениях по слабо востребованным специальностям и тем самым изменить структуру подготовки кадров в соответствии с платежеспособным спросом на рынках труда. Молодых людей, получающих образовательные услуги за счет государства, обязать к последующей отработке на определенных предприятиях при помощи введения ГИФО (государственных именных финансовых обязательств) или системы так называемого «нормативно-подушевого финансирования образования».

Вместе с тем, несмотря на кажущуюся, простоту рассматриваемой проблемы и видимое в перспективе решение, она имеет комплексный характер и затрагивает ряд проблем, имеющих различные аспекты. С целью изучения сложившейся ситуации в 2002 – 2003 гг. нами было проведено комплексное социологическое исследование проблем подготовки, трудоустройства и закрепления молодых специалистов в сфере электронной промышленности г. Новосибирска, которое позволяет отметить следующее.

Проблема избытка кадров, подготовленных по определенным специальностям, несомненно, существует. Практически каждый негосударственный и многие из государственных вузов имеют факультеты или отделения, готовящих экономистов, психологов, юристов, правоведов, аудиторов, менеджеров и т.п. Эти профессии действительно востребованы населением, непосредственно молодежью и их родителями, которые готовы оплачивать получение данных образовательных услуг, несмотря на падение спроса со стороны работодателей. А в рыночной экономике, пока есть платежеспособный спрос – этим профессиям будут обучать. Для негосударственных учебных заведений это основной источник финансирования, а для государственных серьезный дополнительный резерв существования. Поэтому юристов и экономистов готовят, и будут готовить,

на коммерческой основе не только вузы, но и среднеспециальные учебные заведения.

Почему именно получение высшего образования сегодня так цениется среди населения и наблюдается падение интереса к начальному и среднеспециальному профессиональному образованию? С одной стороны, сегодня обусловленные социально-экономическими детерминантами демографические тенденции таковы, что население от количественного воспроизводства переходит к качественному. В силу различных причин в семье рождается в среднем от одного до двух детей. При этом усилия родителей во многом направлены на то, чтобы дать своим детям как можно более престижное и высококвалифицированное образование и тем самым способствовать как их выживанию, так и продвижению в социальной иерархии. Родители считают, что, получив высшее образование, молодой человек будет в большей степени социально защищен и мобилен, а за это они готовы платить. Как родители, так и сами молодые люди полагают, что даже если после окончания вуза человек не сумеет устроиться по специальности, то все равно полученное высшее образование, более высокий общий интеллектуальный уровень, наконец, просто диплом об окончании высшего учебного заведения – всегда позволяют ему найти работу по должности предполагающей более низкую квалификацию, более легко осваивать смежные профессии, легче осуществлять свой карьерный рост. И в определенной мере это соответствует действительности, поскольку в настоящее время многие коммерческие фирмы стремятся повысить свой престиж за счет приема на работу на должности секретарей, менеджеров среднего звена, охранников людей с высшим образованием.

Какие ограничения имеют на рынке труда профессии экономистов, психологов, юристов, менеджеров? Во-первых, молодые люди, получившие такие специальности должны иметь опыт работы в той отрасли, где им предстоит работать, поскольку для любого работодателя (руководителя предприятия) ошибки этих специалистов могут иметь катастрофические последствия. Тем более, что такого рода специальности предполагают работу на должностях, связанных с планированием экономической стратегии предприятия и любой руководитель будет подбирать себе помощников из людей знакомых ему, знающих специфику деятельности всей организации, обладающих опытом работы в ней. Без опыта работы никакой рабо-

тодатель не станет их трудоустраивать, а без первоначального трудоустройства они не могут обрести необходимые навыки и опыт. Поэтому, несмотря на то, что в системе государственного образования эти специалисты готовятся для конкретных сфер экономики в русле отраслевой направленности конкретных учебных заведений (естественно, что менеджер в сфере электронной промышленности не может выполнять работу менеджера в сфере транспорта или здравоохранения) им сложно трудоустроиться по специальности в сфере промышленности. Негосударственные учебные заведения в большей степени готовят таких специалистов для работы в различных коммерческих фирмах, организациях и подразделениях, занимающихся обслуживанием рынков товаров и услуг, однако их проблемы схожи.

Во вторых, такие специальности как юрист, экономист, менеджер относятся к профессиям обслуживающего персонала, и имеющие их люди не являются непосредственными производителями материальных благ. На любом предприятии их не должно быть больше чем рабочих, или даже инженерно-технических работников. А наиболее востребованы на предприятиях сегодня люди, прежде всего планирующие, внедряющие, реализующие и обеспечивающие производственный процесс. Так, например, исследование показало, что в сфере промышленного производства из людей с высшим образованием сегодня наиболее востребованы конструктора, технологии, программисты, инженеры – электронщики, химики, электрики и др. Из людей со средним специальным образованием требуются сборщики машин, наладчики технологического оборудования, операторы станков с ЧПУ, техники, технологи, станочники. Среди рабочих специальностей наиболее актуальны профессии токаря, фрезеровщика, металообработчика, станочника, сварщика, электрогазосварщика, слесаря, слесаря сборщика, электрика, литейщика и т.п. Но в последние годы происходит падение престижа именно этих специальностей.

В какой мере сегодня необходимы молодые специалисты на производстве? С одной стороны в настоящее время на предприятиях наблюдается значительное старение кадрового состава и потребность в его омоложении существует, но возможности обновлять персонал при этом – минимизированы. Если в 1999 – 2001 гг. наблюдалось некоторое оживление промышленности, начался некото-

рый экономический рост, то с начала 2002 г. эксперты отмечают снижение темпов экономического развития и падение объемов производства в промышленности. Такие тенденции как увеличение инфляции, сокращение инвестиций, падение платежеспособного спроса на продукцию на внутреннем рынке, высокие налоги и цены на энергоносители приводят к значительному сокращению оборотных средств, требующихся не только на обновление оборудования, но и персонала.

Руководство предприятий с одной стороны заинтересовано в привлечении молодежи, однако, не может поднять уровень их заработной платы выше заработной платы работников со стажем. Кроме этого, уровень заработной платы всех работников, порой даже на негосударственных предприятиях, в большей степени сегодня зависит от норм, определенных существующей тарифной сетки разрядов, и в меньшей мере от получаемой прибыли. Так, например, в среднем, начальная заработная плата молодых специалистов на предприятиях электронной промышленности г. Новосибирска составляет: для выпускников вузов – от 2000 до 4000 руб./месяц; для выпускников ССУЗов – от 2000 до 3000 руб./месяц; для выпускников училищ – от 1000 до 3000 руб./месяц. При том, по данным официальной статистики, уровень прожиточного минимума в конце 2002 г. составлял в Новосибирской области 1967 руб. в месяц. Поэтому не удивительно, что основными причинами отказа молодых специалистов от трудоустройства и последующей работы на промышленных предприятиях явились, во-первых, низкий уровень заработной платы, не позволяющий поддерживать достойный уровень жизни, а во-вторых, сокращение возможностей социальной защиты работников со стороны предприятий, прежде всего отсутствие фонда жилья (квартир и общежитий), и социальной инфраструктуры (детских садов, спортивных залов, баз отдыха и т.п.), необходимых для привлечения и закрепления молодежи.

Вместе с тем, даже, несмотря на неудовлетворенность уровнем заработной платы более половины работающих сегодня молодых специалистов (56%) в целом удовлетворены своим рабочим местом и планируют повышать свою квалификацию на данном рабочем месте. Четверть работающих молодых специалистов предполагают учиться без отрыва от производства (25%), совсем немногие предполагают пойти учиться с отрывом от производства (2%). В то же вре-

мя 14% (среди выпускников вузов эта цифра составляет 22%) молодых специалистов не удовлетворены своей работой и хотели бы уволиться. При этом среди неудовлетворенных своим рабочим местом больше всего выпускников вузов, что говорит о нереализованных потребностях именно этой группы молодых специалистов, имеющих наиболее высокие претензии к условиям работы.

Опрос, проведенный нами среди выпускников учреждений профессионального образования показал, что не менее трети выпускников технических вузов, имеет устойчивый интерес к профессии и реальные требования к размеру зарплаты, и при условии повышения оплаты труда и улучшения системы социальной защищенности, вполне могут стать надежным кадровым резервом для промышленных предприятий г. Новосибирска. Относительно устойчивый профессиональный интерес и умеренные запросы по заработной плате имеет также примерно четвертая часть молодых рабочих из профессиональных училищ, вследствие чего также может рассматриваться в качестве кадрового резерва для промышленности. Однако наибольшие проблемы с трудоустройством и закреплением молодежи на производстве предприятия будут испытывать с выпускниками ССУЗов, из которых подавляющее большинство (70-80%) ориентированы не на профессиональный труд как таковой, а на доход и высокую зарплату. После окончания техникума (лицея) мало кто из них планирует работать на промышленном предприятии, многие желают продолжить обучение и получить высшее образование, поэтому возможен лишь “штучный” отбор таких специалистов на промышленные предприятия. В то же время именно эти специалисты наиболее востребованы на производстве.

В данной статье затронут только небольшой круг вопросов, связанных с диспропорциями в системе образования и трудоустройства молодых специалистов в промышленности. Даже не касаясь многих актуальных проблем, требующих обсуждения, таких как введение системы распределения и закрепления молодых специалистов на предприятиях посредством ГИФО, оптимизации существующих механизмов сотрудничества предприятий и учебных учреждений, системы наставничества и способов трудоустройства - можно с уверенностью констатировать, что без совершенствования системы оплаты труда и проведения государством протекционистской налоговой политики по отношению к отечественной промышленности

начинать реформы в системе образования нельзя. Основная опасность заключается в том, что радикальность предлагаемых мер реформирования системы образования может привести к уничтожению кафедр, направлений и учебных учреждений, воспитанники которых слабо востребованы на рынке труда не по причине устаревшей профессии, а лишь из-за тяжелого экономического положения промышленных предприятий и несовершенства существующей системы оплаты труда.

Литература:

1. Мнение министра труда и социального развития. России грозит перепроизводство учителей и юристов. // Человек и работа. Информационно-аналитическая газета департамента федеральной государственной службы занятости населения по Новосибирской области. № 1 (523) в газете Светская Сибирь. – 2003. № 8. – 16 янв. – С. 26.
2. Фрумкин К. В социальной сфере пришло время экспериментов. Дефицит квалифицированных рабочих на фоне избытка экономистов-международников. // Независимая газета. – 2003. – 26 февр. – С. 6.
3. Бремя государства и экономическая политика: либеральная альтернатива.

**СОВРЕМЕННЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
СТУДЕНТ-ГУМАНИТАРИЙ И НАУКА:
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА^{*}**
А. Б. Волков

В 2001 году в Санкт-Петербурге, Новосибирске и Хабаровске группой ученых проведено социологическое исследование, целью

^{*} Статья подготовлена в рамках реализации проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (грант №02-03-182850) и Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 02-06-804810).

которого было выявление различных аспектов отношения современного студенчества к науке. Исследование проводилось методом анкетного опроса в Санкт-Петербургском государственном университете, Санкт-Петербургском государственном технологическом университете, Новосибирском государственном университете, Хабаровском государственном техническом университете, Хабаровском государственном педагогическом университете и в Дальневосточном университете путей сообщения [1]. Данные, полученные в результате этого опроса, позволяют, в частности, составить общую картину отношения студентов к научной деятельности, а так же выявить зависимость этого отношения от географического размещения и от типа избранного для обучения факультета.

Целью настоящего доклада является реконструкция представлений студентов гуманитарных специальностей о науке и научной деятельности, выявление возможной зависимости этих представлений от географического размещения учебного заведения и причин, влияющих на негативное отношение к науке как сфере возможной трудовой деятельности. Актуальность доклада обусловлена процессами, идущими в российской системе высшего образования с конца 1980-х гг., когда была предпринята реформа, нацеленная на усиление гуманитарной составляющей в процессе подготовки специалистов, выпускаемых российскими вузами. Гуманитаризация высшего образования привела к росту спроса на высококвалифицированных специалистов-гуманитариев со стороны вузовской системы, обладающих качественной научной подготовкой, однако масштабный социально-экономический кризис 1990-х гг. оказал деформирующее влияние на указанные процессы [2].

Основными направлениями анализа было выявление ценности научной деятельности, рассмотрение причин отсутствия интереса к научной деятельности, направление поиска места будущей работы студентами-гуманитариями трех городов.

В оценке *престижа науки* вообще и перспектив отечественной науки в будущем среди студентов-гуманитариев мы можем уже подчеркнуть ряд региональных особенностей. В Санкт-Петербурге, столичном научном центре, престиж науки среди гуманитариев наиболее высок. Можно предположить, что это связано с крепкими научными и культурными традициями «северной столицы», наличием известных гуманитарных школ (в разных отраслях общест-

венного знания), а также достаточно устойчивым финансовым положением. Все это определяет и более высокий (по сравнению с Новосибирском и Хабаровском) социальный статус научного работника в глазах студентов. Хабаровские студенты также высоко оценивают уровень престижа науки, возможность восстановления ее прежних позиций, но устойчивость положения ученого в обществе в их глазах невысока, что подтверждается в большей степени негативной реакцией на возможность того, чтобы их близкие связали бы свою жизнь с наукой. Студенты-гуманитарии НГУ настроены наиболее пессимистично. Причины этой позиции нам видятся в том, что научные сотрудники Новосибирского научного центра, являвшиеся примером устойчивого высокого положения ученого в советском обществе, в течение 1990-х гг. очень быстро потеряли свои преимущества в сравнении с иными социальными группами. Особенно это испытали на себе ученые-гуманитарии, занимавшие ранее высокие позиции благодаря идеологическому значению предмета, которым они занимались. Сегодня ученые-гуманитарии находятся в более неустойчивом положении, чем представители большинства точных и естественных наук, так как на их продукцию отсутствует какой-либо спрос со стороны иностранных заказчиков. Позиции государства к гуманитариям также лишены какой-либо определенности. Отсутствие ясных перспектив для общественных наук в ННЦ приводит к тому, что среди студентов-гуманитариев НГУ уменьшается направленность на подготовку к научной деятельности.

Среди причин отсутствия интереса к научной деятельности со стороны студентов-гуманитариев также четко выделяется региональная специфика. «Столичные» вузы в большей степени привлекают молодых людей возможностью заняться наукой в будущем и получить хорошую подготовку для нее. Обучение в этих вузах способствует усилению желания студентов стать в будущем научными работниками. Новосибирский университет в первую очередь привлекает будущих студентов-гуманитариев как своеобразный «символ качества», а также вуз, способствующий развитию личности, в то же время он в меньшей степени способствовал желанию студентов стать учеными. Хабаровские гуманитарии уже при поступлении в вуз ориентировались на то, что жизненный успех возможен вне стен их учебного заведения или академических институтов, а свою подготовку они рассматривают как возможность получения конкурент-

тосспособной профессии. Обучение в вузе практически никак не повлияло на их нежелание заняться наукой (разве что укрепило их в нем). Невозможность реализовать себя в науке и материальные проблемы, связанные с занятиями научной деятельностью являются основными причинами, которые препятствуют ориентации студентов-гуманитариев из нестоличных вузов продолжить свое обучение. Даже при возможном отъезде за рубеж можно увидеть проявление той же тенденции – более ориентированными на научную деятельность остаются студенты из Санкт-Петербурга, для новосибирских студентов-гуманитариев наука не является приоритетной при выборе работы, хабаровские же студенты демонстрируют практически полное отсутствие желания заниматься научной деятельностью.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы.

- воспроизводственный механизм гуманитарных наук нарушен. Резко ухудшившаяся материальная обеспеченность ученых и падение престижа научной деятельности не позволяют студентам, в принципе готовым и способным к научной деятельности, идти в науку. Молодые кадры предпочитают те сферы труда, которые способны дать им возможность обеспечить себе достойные материальные условия жизни, а также условия для самореализации;

- наблюдается зависимость степени ориентированности студентов на науку от удаленности региона размещения вуза от столичных научных центров. Чем благополучнее выглядит положение науки в научном центре, тем предпочтительнее выглядит для студентов будущее, связанное с наукой. В Санкт-Петербурге научное сообщество гуманитариев по сравнению с Новосибирском и Хабаровском чувствует себя относительно благополучно - студенты-гуманитарии «северной столицы» в большей степени ориентированы на научную деятельность уже при поступлении в вуз. Среди студентов-гуманитариев Новосибирска и Хабаровска ценится, прежде всего, возможность получения диплома престижного вуза, а также возможность разностороннего развития личности в стенах вуза (НГУ) и получения конкурентоспособной профессии на рынке труда (Хабаровск). Отсутствие ориентированности студентов на научную деятельность связано с более неблагоприятным положением ученых Новосибирска и Хабаровска, а также невостребованностью гуманитарного знания в региональных центрах.

На основании сделанных выводов можно предположить, что если ситуация в России будет развиваться по тому же пути, что и сегодня, то возникновение и развитие новых центров гуманитарной культуры за Уралом становится невозможным. Более того, традиционные центры гуманитарной культуры (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) оказываются под серьезной угрозой.

Литература

1. Программа исследования и анкета разработаны д. филос. н. А. С. Кугелем, к. филос. н. С. Н. Ереминым, д. филос. н. А. А. Гордиенко. Руководство исследованием осуществлено: в Санкт-Петербурге – С.А.Кугелем; в Новосибирске – С.Н.Ереминым, А.А.Гордиенко; в Хабаровске – академиком РАН В.Н.Бузником. Материалы исследования на данный момент опубликованы (Студент и наука – 2001г. Материалы социологического исследования. – Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2002).
2. Более подробно об этом в: А. Б. Волков. Привлекательность научной деятельности в глазах студентов-гуманитариев НГУ // Философия и современность, 2001-2002. Новосибирск, 2002.

НГУ И НГТУ КАК ДВЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

М. Г. Жданова

Современный процесс интеграции науки и образования идет в рамках уже сложившейся системы взаимодействия между социальных институтов науки и образования. Различие моделей является следствием необходимых изменений формы организации академической науки в новых социальных условиях.

Сформировано несколько моделей интеграции. В качестве оценки той или иной модели выступает требование социальной эффективности интеграции науки и образования. Это требование во многом обусловлено потребностью общества в том или ином результате интеграции науки и образования. С позиции социальной эффектив-

ности было бы интересным проанализировать модели интеграции науки и образования в Новосибирского государственного университета и Новосибирского государственного технического университета.

Данный анализ проводился на материалах фокусированного интервью проведенного Ю. М. Плюсниным, в 2000 г. в рамках проекта И. Г. Дежиной, при финансовой поддержки фонда Спенсера [1]. Материалами другого рода явились данные социологического опроса студентов вузов, осуществляющих подготовку кадров для науки в трех научных центрах РАН: Санкт-Петербургском, Новосибирском и Хабаровском. Исследование было проведено в 2000 г. [2] Для анализа выбраны социологические материалы по Новосибирскому государственному университету.

Проекты, реализующиеся по программе «Интеграция» в НГУ и НГТУ преследовали различные цели в подготовке кадров высшей квалификации. Так, модель интеграции, осуществленная в учебно-научном центре в НГУ, ориентирована на воспроизведение научно-познавательной деятельности в рамках академической науки. Это предопределило структуру компонентов интеграции. Соотношение ученых и студентов в первом случае приблизительно 1 : 1, т. е. на 200 преподавателей приходится 200 студентов. Такое соотношение является идеальным, поскольку в данной модели студент включен в воспроизведение научно-познавательной деятельности уже в силу того, что в качестве педагога выступает ученый, ведущий исследование на переднем крае науки. Но этого еще недостаточно для того, чтобы сформировалась ориентация на научно-познавательную деятельность у студентов. Действительно около 54 % студентов в НГУ в целом полагают, что ориентация студентов на науку увеличилась бы при развитии инновационного бизнеса в науке и в современном образовании. Опыт УНЦ в НГУ показывает, что возможен и легко осуществим переход УНЦ в инновационные фирмы, но перед программой «Интеграция» не стоит задача развития инновационного бизнеса.

Подготовка специалистов для современного наукоемкого производства определила специфику модели интеграции науки и образования в НГТУ. Как и в первой модели НГУ в центре учебно-научного центра находится университет. Однако в отличие от УНЦ НГУ, где сравнительно небольшой университет окружен мощным

поясом из 40 институтов с общей численностью сотрудников больше 25. 000 тыс. человек, в модели интеграции НГТУ университет является сильнее академических НИИ. В данной модели интеграции учебный процесс преобладает над научной деятельностью. В учебном процессе УНЦ НГТУ участвуют ученые, но их научная деятельность направлена прежде всего на улучшение профессиональной подготовки будущих специалистов высшей квалификации для производства, а не для науки.

Различные формы интеграции науки и образования обусловлены социальными требованиями. Поэтому оценка эффективности модели интеграции зависит от потребности общества в том или ином результате. Однако необходимо помнить то, что является эффективным в результате интеграции науки и образования для производства, является недопустимым в качестве оценки эффективности интеграции для академической науки. В первом случае идет воспроизводство кадров для осуществления научной деятельности в рамках производства, во втором идет воспроизводство научно-познавательной деятельности. Разница заключается в том, что современное российское производство более заинтересовано в результатах естественнонаучной деятельности прикладной науки. Такая позиция обусловлена отсутствием средств и возможностей для поддержания и развития фундаментальной науки, которая на современном этапе своего развития требует больших вложений капитала. Кроме того, интересы и потребности производства задают временной интервал практического применения научного знания, который определяет, какая модель интеграции эффективна, а какая нет.

Оценить эффективность воспроизводства научно-познавательной деятельности в рамках академической науки можно через показатели уменьшения миграционных настроений среди студентов и молодых ученых. Из социологического исследования «Студент и наука» мы выбрали данные по опросу студентов факультета естественных наук в силу наиболее отчетливо выраженной тенденции именно на этом факультете НГУ. Согласно данному опросу, проведенного под руководством С. Н. Еремина, на формирование ориентации работать за рубежом приблизительно у 60 %, студентов ФЕН влияет желание обрести уверенность в завтрашнем дне, желание лучшей судьбы своим детям около 52 % и стремление

материально преуспеть в будущем у всех без исключения студентов. При этом только у 17 % нет желания работать за рубежом, а приблизительно 39 % студентов ФЕН не исключают такой возможности. Таким образом, результаты данного социологического исследования позволяют сделать вывод о тенденции воспроизведения современной российской академической наукой научного потенциала для зарубежной экономики и науки.

Оценка социальной эффективности той или иной модели не может быть однозначной, как это может показаться на первый взгляд. С одной стороны, очевидно, что интеграция науки и образования с целью повышения уровня профессиональной подготовки специалистов для производства важнее для современной экономики России. Однако без развития фундаментальных наук, без воспроизведения научно-познавательной деятельности со временем станет труднее повышать уровень профессиональной подготовки специалистов для современного наукоемкого производства, характерной особенностью развития которого являются инновации. Получается, что существование разнообразных интеграционных моделей является следствием того, что они являются взаимосвязанными компонентами развивающегося социального института науки. Поэтому мы полагаем, что необходимы различные модели интеграции академической науки и образования, которые, учитывая региональные особенности существования вуза и НИИ, безусловно, реализовали бы различные цели, но в конечном итоге являлись бы попыткой создания новой формы организации академической науки в изменяющихся социальных условиях.

Литература:

1. См.: *Плюснин Ю.М. Модели интеграции ведущих УНЦ университетов Сибири // Материалы II региональной конференции «Фундаментальная наука, инженерное образование и высокие технологии на пороге XXI века».* – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000.
2. См.: Студент и наука – 2001г. Материалы социологического исследования. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002.

ТЕКСТ, ПОНИМАНИЕ, СМЫСЛ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. А. Ерохина

Межкультурная коммуникация как теоретическая проблема привлекает сегодня внимание лингвистов, психологов, этнологов, философов. Этот интерес вызван, с одной стороны, необходимостью теоретического осмыслиения реалий жизни поликультурного сообщества, с другой — становлением методологии дискурсного анализа в науках о языке, конструктивизма в этнографии, постмодернизма в философии (1).

Сформулированное в рамках этих направлений положение о том, будто «все есть текст», нуждается в пересмотре. Деонтологизированная картины мира вкупе с манифестируированной «смертью автора» ставит под сомнение субъектность культурных личностей, будь то отдельный индивид (представитель определенной культуры) или культура в целом. Если принять в полной мере это положение, то не приходится говорить о возможности межкультурной коммуникации, а значит и строить научные теории по поводу ее природы. Между тем, глобализационные процессы, с одной стороны, и процессы регионализации, локализации, роста национализма, с другой, свидетельствуют об обратном: чем сильнее унифицирующее влияние глобализации, тем выше избирательная активность субъектов культуры в стремлении сохранить свое «лицо».

Исходя из представления о межкультурной коммуникации как одного из видов коммуникации в современном глобальном обществе, можно дать следующее определение данного понятия: межкультурная коммуникация — равноправное взаимодействие представителей различных культурных общностей с учетом их своеобразия и самобытности. Это приводит к необходимости выявления общечеловеческого и специфического на основе сравнения своей и иной культур (2).

Ключевой проблемой межкультурной коммуникации является проблема понимания. Если данная проблема хотя бы частично не решена коммуникантами, можно считать, что межкультурный диалог не состоялся.

В силу особой значимости проблемы понимания в межкультурном диалоге уместно обратиться к теории коммуникации, содержащей разработку таких понятий, как текст, понимание, смысл, которые являются производными от категорий язык, речь, сознание.

Мир не может быть сведен к так или иначе понимаемому тексту хотя бы потому, что текст размещен в языке. Язык, в свою очередь, невозможен, с одной стороны, вне социальности, в пределах которой он только и функционирует в качестве языка, а с другой — вне индивидуального сознания, пользующегося языком в социальных ситуациях внешней реальности, но никак ни с языковой, ни с социальной реальностью не отождествимого (3). Текст как результат речевой деятельности отражает особенности сознания и мышления его создателя (4).

Представляется обоснованным мнение А. М. Пятигорского, который рассматривал текст не только как средство передачи информации, но и как выражение сознания, субъективное отражение объективного мира. По его мнению, понимание текста есть отражение отражения — через чужое отражение к отраженному объекту (5). Данное положение представляется весьма плодотворным: социальная функция языка, в котором размещается текст, заключается не только в сохранении существующих социальных связей, но и в конструировании новых, которые только и возможны как результат многократного отражения, умножающего реальность.

Текст может существовать в разных формах: как живая речь; как речь, зафиксированная на носителе (бумаге или другом); как любая знаковая система. В любой из этих форм текст может быть рассмотрен как форма общения культур, как встреча двух субъектов, погруженных в бесконечный культурный контекст.

Однако текст имеет смысл только тогда, когда понятен другим. Сформулированное Э. Сепиром и Б. Уорфом положение гласит о том, что люди, которые говорят на разных языках, по разному воспринимают и постигают мир. Своеобразная кодировка и классификация мира в лексических единицах разных языков требует дешифровки.

Представляется правомерным в дальнейших рассуждениях о языке использовать такой термин, как языки культуры, включающий в себя не только вербализованные естественные языки, но и невербальные языки телодвижений и жестов, этикет и пр.

Соответственно, текстами культуры могут считаться пословицы, поговорки, песни, танцы, костюмы, орнаменты, произведения других жанров вербального и невербального творчества.

Предложенные термины (языки культуры, тексты культуры) позволяют вывести проблему понимания за пределы чисто лингвистического дискурса в культурологическое русло. Поскольку в процессе межкультурной коммуникации в лице представителей этнических или национальных групп происходит встреча двух культурных контекстов, представляется правомерным использование понятия культурной личности — индивидуального (конкретного представителя культуры) или коллективного (этнос, нация) субъекта, носителя культурного сознания. Сознание культурной личности обусловлено, с одной стороны, образом жизни данного субъекта (моделями поведения и деятельности в отношениях с природным и социальным окружением), с другой — картиной мира культуры, элементы которой хранятся и отражаются в языковой (вербальной и невербальной) форме.

Как было отмечено выше, своеобразная кодировка и классификация мира в лексических единицах разных языков требует дешифровки, включающей следующие аспекты:

- 1) восприятие текста;
- 2) узнавание и понимание значения в данном тексте;
- 3) узнавание и понимание в контексте данной культуры;
- 4) активное диалогическое понимание.

Понимание, по М. М. Бахтину, это встреча сознаний двух субъектов, в процессе которой происходит актуализация личностных (или культурных) смыслов, потенциально бесконечных, но способных актуализироваться лишь при встрече с другим (чужим) смыслом. Осмысление текста предполагает установку сознания на разрешение какого-либо возможного вопроса по поводу объекта, отраженного в тексте. «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (6).

Представляется обоснованным различие речи как таковой (внутренней речи) и внешнеречевой дискурсии. Это различие указывает на две взаимообусловленные стороны процесса текстопорождения. По мнению В. И. Тюпы, первая является собой акт интенциональный, вторая же — акт коммуникативный; первая осуществляется «для себя», вторая — «для другого»; первая порождается

усилием интериоризации внешнего, вторая — усилием экстериоризации внутреннего (7).

Основу дискурсии в коммуникативном процессе составляет система значений, интерсубъективных элементов содержания высказывания (слова, предложения, текста), основу речи как таковой (внутренней речи) — система смыслов, субъективных элементов содержания высказывания. Объективность знаков выступает онтологической основой системы смыслов—значений. Гарантом «объективности» значений является то обстоятельство, что они являются выражением коллективного опыта, передаваемого культурой, и существующего в этом плане независимо от индивидуального сознания. Значение есть содержание высказывания, взятое в интерсубъективном аспекте, смысл — содержание высказывания, взятое в субъективном аспекте (включающем в снятом виде интерсубъективное).

Понимание, без которого коммуникация не может состояться, — это перевод высказывания с социального («внешнего») языка значений на ментальный («внутренний») язык смыслов носителя культурного сознания (8). В практике текстопорождения употребление значений и порождение смыслов неразделимы.

Обращение к значению открывает нам горизонт внешней, социальной реальности, которой язык порождается и питается. Первоначально человек овладевает языком как внешним орудием коммуникации на основе врожденной способности осознавать, мыслить. Обращение к смыслу открывает нам горизонт внутренней реальности, реальности сознания личности. Оппозиция двух пределов бытия — внешней реальности вещей и внутренней реальности личности — раскрывается в воспроизводимости предметов внешней реальности и невоспроизводимости личности. Если любая вещь может послужить знаком, то личность — это чистый смысл и, подобно всякому смыслу, актуализируется лишь при встрече с иным смыслом, для чего ей необходима межличностная среда вещей-знаков. Встречные взаимоактуализации смыслов и составляют содержание коммуникативных процессов (9).

Все вышесказанное правомерно и в отношении этноса, и в отношении нации как культурной личности с одной существенной поправкой на невозобновимость биосфера как противостоящего полюса бытия в процессе ее грубого использования человеком. Необ-

ратимые для природы процессы техногенного воздействия делают проблематичной безопасность такой культурной личности, как нация. То же самое можно сказать в отношении возможности сохранности этноса. Сейчас как никогда остро стоит вопрос о предельных основаниях существования (жизни и смерти) многих этнических культур, а, значит, проблема сохранения уникальных культурных смыслов не является чисто теоретической.

Поскольку, как отмечалось выше, в процессе межкультурной коммуникации в лице представителей этнических или национальных групп происходит встреча двух культурных контекстов, правомерно в отношении диалога между этносами или нациями говорить о порождении культурных смыслов, в отношении взаимодействия индивидов — личностно-культурных смыслов.

Обращение к теории коммуникации, в частности, к концепции В. И. Тюпы, позволило уточнить собственное понимание межкультурной коммуникации. Тюпа говорит о коммуникации как о взаимодействии внутренних реальностей (личностей) посредством сознания — речи — языка в социальных ситуациях внешней реальности (10). Уточненное нами понимание выглядит следующим образом: межкультурная коммуникация есть ориентированное на учет самобытности равноправное взаимодействие культурных личностей, в процессе которого посредством сознания — речи — текста, выраженного языковыми (вербальными и невербальными) средствами, достигается не только осознание сущностных сторон Другого, но и своих собственных, т.е. понимание.

Понимание не предполагает лишь механический обмен информации, уравнивающий (унифицирующий) двух субъектов. В этом случае правомернее говорить об объяснении, об активности одного сознания. В современных глобализационных процессах инерция такого рода коммуникации раскрывается в унифицирующих по отношению к народам и цивилизациям тенденциях.

Понимание в его диалогической (диалектической) интерпретации, предполагает самодвижение через Другого навстречу себе, становление самосознания через взаимопонимание. Рост этнического самосознания и национализма, при всех негативных проявлениях, отражает непростую диалектику этого движения.

Примечания:

1. Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 25-38; ван Дейк Т. А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 111-135.
2. Галич Г. Г. Некоторые аспекты современной науки о языке как средстве межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2002. С. 7-8; Кулаева С. М. Лингвострановедческий текст в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация в когнитивном аспекте: Житинковские чтения. Челябинск, 2001. С. 68.
3. Тюпа В. И. Онтология коммуникации // Коммуникативные стратегии культуры: современные дискурсивные практики. Международная летняя школа. Новосибирск, 2002. С. 3.
4. Бутакова Л. О. Образ мира в сознании носителей языка (когнитивно-ментальный анализ авторского сознания по тексту) // Межкультурная коммуникация в когнитивном аспекте: Житинковские чтения. Челябинск, 2001. С. 132.
5. Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 140-151.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.
7. Тюпа В. И. Указ. соч. С. 5.
8. Тюпа В. И. Указ. соч. С. 4.
9. Тюпа В. И. Указ. соч. С. 5.
10. Тюпа В. И. Указ. соч. С. 6.

Раздел II **Философские исследования**

Философия и методология науки

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЯСНЯЮЩИХ И ОПИСЫВАЮЩИХ ТЕОРИЯХ* **Н. В. Головко**

Традиционно, в ходе философско-методологического анализа естествознания, разделяя научные теории по степени объяснения, выделяют теории феноменологические и теории объясняющие. Под феноменологическими (описывающими) теориями в науке, как правило, понимают такие, которые ограничиваются описанием внешних сторон описываемых явлений и не пытаются исследовать внутренние причины, обуславливающие свойства этих явлений. Под объясняющими теориями понимают те, которые не ограничиваются описанием внешних сторон исследуемых явлений, а пытаются вскрыть внутренние причины и следствия, обуславливающие соответствующие свойства явлений. В любой научной дисциплине, в зависимости от совокупности условий, на одном этапе развития доминируют феноменологические теории, на другом – объясняющие. Чем выше уровень фундаментальности научных теорий, тем выше феноменологичность предлагаемых объяснений. Есть все основания предполагать, что в целом научное знание феноменологично, и лишь в области эмпирических (прикладных) научных теорий – теорий, охватывающих сравнительно узкий круг явлений, связанных с анализом и обобщением результатов наблюдений и экспериментов, – у нас могут оставаться основания полагать теории именно объясняющими [1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 03-06-80367), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Россия (проект НВА 023) и Программы интеграционных проектов СО РАН – 2003 (проект № 125).

С приведенным выше делением научных теорий по степени объяснения связана одна трудность вызванная, в том числе, с отсутствием понимания как применять его на практике. Одна и та же теория по отношению к одним явлениям может быть феноменологической, а по отношению к другим – объясняющей. Например, теория Ньютона объясняет законы Кеплера, которые имеют чисто феноменологический характер, поскольку описывают обращение планет, но не объясняют, почему они обращаются именно так, а не иначе. В свою очередь сама теория Ньютона – в сопоставлении с общей теорией относительности – оказывается феноменологической, потому что она не объясняет свойств гравитационного пространства, а лишь принимает их как данное, тогда как эйнштейновская теория ставит метрику пространства в зависимость от наличия в нем гравитирующих масс. Но и «объяснительная мощность» теории Эйнштейна тоже имеет свои ограничения, поскольку теория эта не вскрывает, «что такое гравитация» [2].

Актуальность обращения к проблеме объясняющих и описывающих научных теорий на современном этапе философско-методологического анализа естествознания вызвана в первую очередь наблюдаемым в последние 60 лет переходом от стандарта непосредственной эмпирической проверки адекватности вводимых в науку представлений (понятий, гипотез, теорий и т.д.) к ситуации косвенной подтверждаемости, и возникающей, в следствии этого, проблемы обоснованности нового научного знания в таких фундаментальных областях науки, как космология и физика высоких энергий. Как правило, выводы исследователей сводится к тому, что косвенно подтверждаемые гипотезы, по-видимому, обеспечивают некоторое объяснение и помогают делать хорошие предсказания относительно данных теоретических объектов (свойств, характеристик, неувязок с «базовой» теорией и т.д.), но не более того. На наш взгляд, трансформация требований к обоснованию и принятию научным сообществом новых концепций в области фундаментальных исследований (космологии, физике высоких энергий и т.д.) может привести к «уменьшению доверия» к гносеологическому статусу научной теории, подтверждаемой косвенно, а таких сейчас большинство.

Вопрос, который мы ставим перед собой – может ли косвенно подтверждаемая научная теория считаться объясняющей? На наш

взгляд ответ на этот вопрос поможет нам, как более детально разобраться в структуре научного знания, с учетом изменений, вносимых его развитием на современном этапе, так и избавиться от противоречий, связанных с противопоставлением объяснительных и описательных теорий. На наш взгляд, разрешение подобных противоречий может быть связано с переходом к новым гносеологическим основаниям, отвечающих современному уровню философско-методологического анализа естествознания и обосновывающих принятие научным сообществом новых концепций в области фундаментальных исследований [3]. На наш взгляд, таким гносеологическим основанием может служить научный реализм [4]. Приведем ряд цитат, иллюстрирующих подход научного реализма. По словам Я.Хакинга: «основным рабочим термином научного реализма является понятие “теоретический объект”, приводимое для обозначения всякой всячины, постулируемой теориями, но которую мы не можем наблюдать; кроме всего прочего он обозначает частицы, поля, процессы, структуры, состояния и тому подобное. *Научный реализм* утверждает, что объекты, состояния и процессы, описываемые правильными теориями (те, которые удовлетворяют стандарту «хорошой интерпретации» – Н.Г.), существуют на самом деле. Слабые взаимодействия физики малых частиц так же реальны, как влюбленность. Теории относительно структур молекул, содержащих генетический код, либо истинны, либо ложны, а по-настоящему правильная теория будет обязательно истинной. Даже когда наша наука не описывает вещи правильно, реалист считает, что мы часто подходим близко к истине. *Антиреализм* утверждает обратное: электронов как вещей не существует. Конечно, существуют явления электричества и наследственности, но мы строим теории о состояниях, процессах и объектах микромира только для того, чтобы предсказать или вызвать события, которые нас интересуют. Теории, которые их описывают, служат лишь инструментами мысли. Теории могут быть адекватными, полезными, подтвержденными или применимыми, но независимо от того, насколько мы восторгаемся умозрительными и технологическими триумфами естественных наук, мы не должны считать даже наиболее убедительные их теории истинными. ... Существует два вида научного реализма: один – относящийся к теориям, другой – относящийся к объектам. *Реализм относительно объектов* утверждает, что достаточно большое ко-

личество теоретических объектов действительно существует. Антиреализм отрицает это, утверждая, что эти объекты – фикции, логические построения или части интеллектуального аппарата, привлекаемого для описания мира. Или, менее догматично: у нас нет и не может быть причин полагать, что они – не фикции. Они могут существовать, но нам не нужно предполагать это, чтобы понимать мир. *Реализм относительно теорий* утверждает, что научные теории являются истинными либо ложными независимо от того, что мы знаем: наука по крайней мере стремится к истине, а истина – это то, как устроен мир. Антиреализм утверждает, что теории в лучшем случае имеют основания; они адекватны; с ними хорошо работать; они приемлемы, но не правдоподобны и т. п.»[5].

Мы не случайно привели такой большой отрывок из работы Я. Хакинга. На наш взгляд, в свете всего вышесказанного, можно ввести следующие определения: *объясняющей научной теорией* можно назвать теорию обладающей реализмом относительно теорий и реализмом относительно понятий, а описывающей – теорию, обладающую антиреализмом относительно понятий (объектов) и реализмом относительно теорий.

На наш взгляд, позиция антиреализма в отношении научных теорий в настоящее время не может считаться достаточно легитимной, по крайней мере, придерживаясь реализма относительно теорий в области фундаментальных исследований у нас остается возможность не поддаваться излишнему скептицизму в отношении достигнутых результатов. Позиция научного реализма относительно теорий выгодна также и тем, что она, на наш взгляд, отвечает сложившемуся представлению о реальности в целом, как о «хорошо проинтерпретированной» научной теории. Таким образом, различие между объясняющими и описывающими теориями свелось к различию между реализмом и антиреализмом относительно объектов. В упомянутом нами выше противоречии, связанном с трактовкой «объяснительной силы» научных теорий, на наш взгляд, можно избежать неопределенности по поводу того, когда и по отношению к чему теория теряет свой «объяснительный статус (объяснительные возможности)». В развиваемых нами представлениях [6] развитие научного знания сопровождается возникновением принципиально новых теоретических объектов, приобретение статуса научного реализма которыми ведет к приобретению статуса научного анти-

реализма сложившимися ранее в этой области знания базовыми теоретическими объектами. Приобретение статуса научного реализма новыми теоретическими объектами может сопровождаться, на наш взгляд, как выяснением ограниченности сложившихся «базовых» теорий [7], так и закреплением новых стандартов «хорошей интерпретации» научных теорий. Соответственно, на наш взгляд, в рамках научного реализма элиминирование статуса объясняющей научной теории для механики Ньютона в связи с возникновением общей теории относительности является четко детерминированным. Однако, кроме изложенного сценария возможно и непосредственное формулирование научной теории, отвечающей антиреализму относительно объектов, данное обстоятельство имеет место быть, например, при формировании нескольких научных теорий на основе одного эмпирического набора данных (как например это происходит в современной космологии). Такие теории, в случае если эмпирических данных недостаточно ни для собственно обоснования, ни для обоснования выбора одной из них, называют альтернативными.

Так или иначе, но в ходе развития научного знания можно выделить теории, которые в силу ряда различных причин (успешности, наложения ограничаемости и т.д.), объявлялись объясняющими, однако, как правило, этот вывод делался исключительно на основе фиксации степени эмпирического обоснования научной теории. В настоящий момент, в связи с тем, что наиболее фундаментальные теории, например, в современных космологии и физике высоких энергий, уже получают исключительно косвенное подтверждение, не может, например, не возникнуть вопрос – насколько объясняющей будет считаться «самая объясняющая» из предполагаемых теорий – Теория Великого Объединения, если подтверждать ее, по-видимому, мы сможем лишь косвенно?

Вернемся к нашему вопросу, если по крайней мере косвенно подтверждаемую теорию можно считать описывающей, то можно ли считать ее объясняющей? Как было показано [8], косвенную подтверждаемость можно связать (интерпретировать) исключительно с утверждениями относительно теоретических объектов, а не относительно теорий.

Поскольку основной аргумент в пользу реализма согласно Хакингу [9] состоит в возможности манипулирования теоретическими

объектами, как нами было показано ранее [10] в случае косвенной подтверждаемости манипулирование может представляться как теоретическое указание на область ограниченности сложившейся научной теории. Таким образом, в случае отсутствия прямой эмпирической подтверждаемости и в случае когда мы имеем возможность удовлетворить стандарту научного реализма относительно того теоретического объекта, относительно которого и строится косвенное подтверждение, наша косвенно подтверждаемая научная теория может претендовать на статус объясняющей теории. Такая теория будет удовлетворять реализму относительно теорий и реализму относительно объектов, а объяснение «причинных сил» (термин Я.Хакинга – Н.Г.) исследуемого теоретического объекта будет обеспечивать необходимое (конечно в рамках научного реализма) объяснение, по крайней мере по отношению к теориям, ограниченность которых была выявлена в ходе «манипулирования» с данным теоретическим объектом в результате косвенной проверки.

Литература

1. См., например, *Симанов А.Л.* Методологическая функция философии и научная теория. – Новосибирск: Наука, 1986.
2. См. *Лем С.* Сумма технологии. – М.: Мир, 1968.
3. См.: *Головко Н.В.* Пошатнулись ли позиции стандартной модели: взгляд с позиции научного реализма? // Философия науки. – 2003. – № 2(17).
4. См.: *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998.
5. Там же. – С. 35-37.
6. См.: *Головко Н.В.* Пошатнулись ли позиции стандартной модели: взгляд с позиции научного реализма? // Философия науки. – 2003. – № 2(17).
7. Там же.
8. Там же.
9. См., например: *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998, а также *Hacking I.* Extragalactic reality: the case of gravitational lensing // Philosophy of science, 56 (1989) – pp. 555-581.

10. См.: Головко Н.В. Пошатнулись ли позиции стандартной модели: взгляд с позиции научного реализма? // Философия науки. – 2003. – № 2(17).

ESSENCE OF SENSE^{*}

Д. В. Винник

1. Онтологический статус смысла.

1.1 Смысл существует ровно настолько, насколько мы признаём существование идеальных объектов. Бытие смысла несомненно есть идеальное бытие. Смысл есть сущность. Всякая сущность подлежит схватыванию, усмотрению и эйдетическому созерцанию. Следовательно, и всякий смысл познаётся с помощью эйдетического созерцания и никак иначе. В данном случае рефлексивные субъекты говорят: «Я вижу [в этом] смысл».

1.2. Множество смыслов счётно. Смыслы дискретны. Смыслы способны вступать в различные отношения с другими смыслами и образовывать смысловые структуры.

1.3. Всякий реальный смысл несёт заряд энергии, по крайней мере психической. Некоторые смыслы способны вызывать выбросы чудовищного количества физической энергии.

2. Эпистемический способ доступа к смыслу.

2. 1. Смысл феноменален. Смыслом можно обладать. Обладание смыслом всегда есть осознанное обладание. Невозможно иметь смысл и не знать об этом. Однако, искомое осознание может варьироваться по степени интенсивности, оно может пребывать в *активном* и *пассивном* модусах. Например, находясь в позиции конкретного учёного и даже обывателя, мы обладаем множеством всевозможных смыслов, однако они не находятся в фокусе нашего категориального созерцания, пребывают в пассивном модусе, поскольку мы более всего нацелены на предмет и/или некую проблему. Перемещаясь в критическую позицию философа-методолога науки или

* «Природа Смысла». (пер. с англ.) Данный текст является пародией на характерный феноменологический текст. Тем не менее, автор просит воспринимать его по возможности серьёзно.

даже социального маргинала, мы смещаем фокус нашего внимание с предметов и проблем на сами смыслы, переводим их в активный модус. Созерцающий смыслы как непосредственную данность есть философ. Перевод смысла в активный модус созерцания есть экспликация смысла. Если смысл периодически не эксплицируется, он исчезает. Бытие *философа* есть не более чем трансценденция смысла. *Философ* есть инструмент смысла, инструмент самопорождения, самоубийства и самовозрождения. Только тот, кто пережил гибель всех смыслов, но остался жить сам, может стать философом. Осознавший себя философом обретает свой новый смысл. *Задача философа – поддерживать бытие смысла своим эйдетическим созерцанием.*

2.2. Существует два способа доступа к обладанию смыслом. Первый — *обретение* смысла. Второй — *познание* смысла. Обретевший смысл понимает. Познавший смысл — знает. Обретение смысла происходит в рамках некоторой деятельности эмерджентным образом. Существуют настолько автономные смыслы, что их познание извне в качестве наблюдения за некоторой деятельностью практически невозможно, однако их можно обрести непосредственно занимаясь этой деятельностью. Верно и обратное. Некоторые смыслы даются только при наличии рефлексивной дистанции.

2.3. Обладающий смыслом имеет несомненное эпистемическое преимущество перед тем, кто им не обладает. Обладающий смыслом в пассивном модусе имеет оперативное преимущество перед тем, кто обладает им в модусе активном. Непосредственное созерцание смысла требует концентрации и времени. Созерцающий смысл непосредственно, в активном модусе, имеет преимущества стратегические.

3.Лингвистический аспект смысла.

3.1. Понятие смысла есть понятие метазыка.

3.2. Как семантическое явление смысл парадоксален. Например, если некто написал бессмысленный трактат с целью ввести читателя в заблуждение, то в этом и был его смысл. Трактат бессмысленный и осмысленный одновременно. Это парадокс. Парадокс разрешается введением различия на предметный смысл и метасмысл. Метасмысл может существовать автономно от предметного смысла. У фразы «Глокая куздра...» нет предметного смысла вовсе, но она обладает метасмыслом в качестве примера из области семантики.

3.3. Возможна иерархия метасмыслов, не имеющая предметного основания. Они являются тем, что иные называют симулякрами. *Задача философа — выявлять такие смысловые конструкции и разоблачать их, ибо обрести смысл в рамках них невозможно.* Мыслитель — осознанно строящий такие конструкции с целью заблуждения других разумных существ есть предатель и не достоин высокого звания философа. Обретение смысла внутри смысловых конструкций возможно только при наличии предметного смысла, в основании таких конструкций. Также мы называем его *подлинным смыслом*.

4. Смысл и индивидуальность.

4.1. Смысл по своей онтологической природе надиндивидуален, особенно смысл жизни. Смысл жизни есть его цель. Смысл жизни есть рубрика для всех прочих смыслов его носителя.

4.2 Смысл жизни *нельзя познать*, его можно только *обрести*. В данном случае мы говорим, что смысл жизни трансцендентен для его носителя. Осознавший смысл своей жизни есть уже не совсем человеческое существо. Познавший смысл своей жизни есть нечеловеческое существо вовсе.

5. Смысл и социум.

5.1. Смысл по своей онтологической природе внесоциален. Однако, существуют специфические социальные смыслы. Например — пресловутый здравый смысл (common sense). Неумеренно эйдетьески созерцая здравые смыслы, философы преодолевают их, становясь скептиками и метафизиками. Напротив, сталкиваясь с явными нарушениями здравого смысла, они способны обнаружить скрытые социальные структуры. *Долг философа — выявлять такие структуры.* Философ, выявивший такую структуру имеет три возможности: 1) оправдать нарушение здравого смысла, показав его закономерную социальную основу; 2) уничтожить социальную структуру, ответственную за нарушение здравого смысла; 3) аннигилировать здравый смысл как неотрывный от социальной структуры, показав его бессмысленность с точки зрения высших смыслов; социальная структура при этом разрушится сама.

6. Разумные существа и смысл.

6.1. Разумные существа есть носители смысла.

6.2 Носители вечных смыслов есть вечные разумные существа.

7. Аксиологический аспект смысла

7.1. Смысл есть ценность.

7.2. Высший смысл есть высшая ценность.

8. Динамический аспект смысла

8.1 Будучи вневременной сущностью, смысл проявляется динамически. Смысл всякой вещи есть его функция.

9. Миистическая природа смысла.

9.1. Природа смысла до конца непознаваема.

9.2. Существование скрытых смыслов оправдывает существование мистицизма.

9.3 Понятие смысла есть одно из самых глубоких понятий, а потому философично.

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОЗНАНИЯ

Б. В. Сапрыгин

Существует целый ряд авторов, полагающих, что мышление и познание имеют исключительно лингвистическую природу. Так, Р. Рорти, исходя из бихевиористских концепций Куайна и Селларса, считает, что, хотя невербальные ментальные образы и представления и можно назвать причинными условиями познания, они все же не имеют значения для эпистемологии в качестве оснований познания [1, с. 135]. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать неоправданность подходов, отрицающих необходимость учитывать нелингвистические факторы при анализе познания, показать, что нелингвистическая ментальность имеет эпистемические следствия и оказывает влияние на языковое мышление.

Интересные мысли по этому поводу можно обнаружить у таких авторов, как Т. Кун, Л. Витгенштейн, М. Полани. Имеется в виду феномен изменения аспекта «видения» и гештальтные переключения, на которые указывают эти авторы. Признание подобных явлений вызывает целый ряд возражений против бихевиористских концепций в эпистемологии.

Явление перехода от одного «видения» к другому интересно тем, что при нем можно отметить диссоциацию между языком и неязыковым восприятием, «отрыв» слов от несловесной реальности. Мы

не просто начинаем неожиданно употреблять иные слова в условиях той же самой «сенсорной стимуляции», как сказал бы, пожалуй, Рорти [ср.: 1, с. 239-241]. Слова мы начинаем употреблять вовсе не неожиданно, а спустя какое-то время – иногда достаточно длительное – несловесного понимания ситуации, обладания новым осознанным образом, новым гештальтом.

Ясное субъективное осознавание происходящих перемен свидетельствует о том, что место имеют изменения не только перцептивные, но и когнитивные, то есть затрагивается не только чувственность, но и мышление. Однако, поскольку вербализации еще не произошло, это мышление нелингвистическое, или, как называет его Полани, «неартикулированное» [см.: 2, с. 128-139].

Поскольку «ясное нелингвистическое осознавание» не может считаться понятием, отвечающим требованиям поведенческого критерия, необходимо, – дабы это выглядело убедительным для бихевиористски настроенных критиков, – дополнить его свидетельством интерсубъективным. Для нашего рассуждения особенно важно то, что мы можем указать на изменение «видения» другому человеку. Мы, естественно, не можем указать ему на такое изменение непосредственно. Но путем уподобления наших невербальных ментальных образов внешним объектам, мы способны показать другому человеку, в чем состоит наше новое «видение» [см.: 3, с. 136, 280, 281, 284 и др.]. То обстоятельство, что еще до вербализации и концептуализации своего нового «видения» его обладатель может «поведенческим образом», своими жестами и действиями, указать на него другому, свидетельствует о том, что он все же отдает себе отчет, о каком предмете идет речь, что вновь подтверждает факт неязыкового осознавания.

Неважно, признаем ли мы, что при феномене изменения «видения» имеют место какие-то внутренние невербальные состояния и их изменения, значимо то, что существует некий феномен, называемый изменением «видения», который может быть зафиксирован интерсубъективно, не носит лингвистического характера и который, несомненно, следует назвать мыслительным. И этот феномен необходимо учитывать при анализе мышления и познания в целом.

Конечно, могут сказать, как сказал бы вслед за Селларсом Р. Рорти, что это лишь «различающее поведение», представляющее собой «условие индивидуального организма, благодаря которым он

становится инструментом познания» [1, с. 135, 104]. Следовательно, необходимо показать, что такая нелингвистическая ментальность на самом деле является не только причинным условием познания, но и его основанием, для чего необходимо показать, что она является не просто нейтральным «носителем» некой языковой программы, как утверждает Рорти, но на самом деле влияет на язык, на значения его слов и предложений.

При изменении «видения» человек совсем не обязательно начнет использовать иные слова для описания наличной ситуации. На те же самые «стимулы» в этом случае он может продолжать реагировать теми же словами и предложениями. Выражаясь языком Куайна, на теории которого в значительной степени основывает свою концепцию Рорти, останется неизменной «совокупность диспозиций к вербальному поведению»; «совокупность предложений языка говорящего», относящихся к данным «стимульным условиям», не будет перестроена; «образец, по которому эти предложения ассоциируются друг с другом и с невербальной стимуляцией», сохранится. И, тем не менее, корреляция предложений, которые связаны с предложениями, «ассоциированными с данной невербальной стимуляцией», но которые сами не ассоциированы с ней, – то есть предложений, не являющихся «предложениями наблюдения», но связанных с таковыми, – будет в случае двух разных «видений» нарушена. При изменении «видения» ясно будут видны изменения значений слов и предложений в куайновском смысле. И, что показательно, изменения эти произойдут не в условиях изменения «стимульной ситуации», что допускает и Куайн, а в условиях той же самой «стимульной ситуации». Тогда мы вынуждены будем постулировать наличие некоего невербального ментального фактора, оказывающего влияние на употребление слов и являющегося причиной различия в употреблении слов при одинаковых «стимульных» условиях. Хотя мы продолжаем употреблять те же слова, смысл, который мы вкладываем в них, будет иным. Это свидетельствует в пользу признания таких сущностей, как значения слов и предложений.

Если бы феномен изменения «видения» не выявлял нелингвистического компонента мышления, мы вынуждены были бы признать, что такие авторы, как Куайн и Рорти правы. Ибо в этом случае наблюдался бы разрыв между мышлением, носящим исключительно языковой характер, и чувственными данными, относительно

которых мы все же могли бы допустить возможность неких перцептивных изменений. Хотя мы видели бы факты и даже их изменения в смысле Куна, мы все же не могли бы выразить их в языке без того, чтобы не попасть в узы «онтологической относительности». Однако возникает совсем иная картина взаимоотношений языка и факта. Разрушается представление об исключительно языковой природе мышления. Неязыковое мышление устанавливает связь между фактами и языком, и связь эта намного более тесная, чем та, о которой говорит бихевиоризм.

Литература:

1. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
2. Полани М. Личностное знание. – М.: «Прогресс», 1985.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994.

В ОПРОВЕРЖЕНИЕ АКСИОМАТИЧЕСКОГО ПРАВИЛА ЗНАЧЕНИЯ И. А. Пивень

Исследуя темы понятийного аппарата, значения и соотношения языков, К.Айдукевич выводит подход «радикального конвенционализма». Среди прочего, он основывается на трёх видах правил значения, которые являются критериями «смены языка» (то есть приписывания иного значения предложению) при прежней неизменности выражений. Это следующие виды правил [1]:

1. Аксиоматические правила значения.
2. Дедуктивные правила значения.
3. Эмпирические правила значения.

Остановимся на аксиоматическом правиле. «Аксиоматические правила значения, определяющие значения предложений, отрицание которых, независимо от ситуации, в которых это отрицание происходит, указывает на искажение свойственного данному языку способа приписывания значения» [2].

Поясним на примере: есть предложение «вода закипает при ста градусах по Цельсию»; его отрицание свидетельствует о приписывании иного значения понятиям «вода» либо «закипает», либо «градус» и т.д., то есть о произошедшей смене языка.

Наши тезисы:

- При использовании того же понятийного аппарата всегда найдётся предложение, отрицающее исходное. Это утверждение, если принять его правильность, ставит вопрос о неправомерности аксиоматических правил. *Например, утверждаем: «Вода не закипает при ста градусах по Цельсию».*
- Значение предложения меняется (вплоть до противоположного) если учесть «дополнительные условия». Под «дополнительными условиями» мы понимаем множество значений обстоятельств, которые определяют параметры и значение предложения. *Например, предложение «вода не закипает при ста градусах по Цельсию при пониженном или повышенном давлении, под воздействием электромагнитного поля» не будет свидетельствовать обискажении способа приписывания значения.* Некоторые из этих условий мыслятся всегда и устанавливаются «по-умолчанию» и в большей мере определяются именно той «ситуацией», которая упомянута в аксиоматическом правиле значения. *Например, если есть предложение «вода закипает при ста градусах по Цельсию», сама собой подразумевается, что процесс закипания происходит на Земле, в нормальных физических условиях, что вода не ионизирована и не замкнута в герметичном сосуде, и т.д.*

Вопрос, конкретизирующий и определяющий значения дополнительных условий, восходит к теме выделения существенных свойств понятия. При этом учёт несущественных свойств в определении дополнительных условий остаётся не менее важным, так как несущественными свойствами пренебрегается, при этом неосознанно им приписываются некоторые значения, которые во многом становятся определяющими.

При большой неопределённости объекта выделение существенных свойств определяется сознательным и подсознательным выбором человека. Этот выбор характеризует человека, выделяет его акценты и установки, и, в некотором роде, определяет его «базисный понятийный аппарат» (этот приём получил широкое распространение в психологии в качестве психодиагностических методов).

Таким образом, значение предложения определяется в соответствии с «дополнительными условиями», то есть контекстом или ситуацией, в которой оно употребляется.

- Учёт дополнительных условий не является действием, ведущим к изменению понятийного аппарата, так как:

- Дефиниции понятий остаются неизменными.

- В противном случае не имеет смысла говорить о наличии единого языка, так как множество вариантов значений дополнительных условий приводят к уникальности значения каждого понятия. При этом, раскрывая полноту значения понятия и стремясь к описанию всей его многозначности, определение понятия сводится к бесконечному перечислению его свойств и характеристик.

Итак, приходим к выводу, что отрицание предложения не всегда указывает на искажение свойственного данному языку способа присыпывания значения.

Литература:

1. *Ajdukiewicz K. O znaczeniu wyrażeń // Księga Pamiątkowa Polskiego Towarzystwa Filozoficznego we Lwowie (12.II,1904–12.II,1929)*, Lwów, 1931. S. 31–77.

2. Айдукевич К. «Картина мира и понятийный аппарат». www.philosophy.ru/iphras/library.

ФИЛОСОФИЯ О СПЕЦИФИКЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ПРОБЛЕМЕ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В МАТЕМАТИКЕ **Ю. В. Пушкарёв**

ПримириТЬ разные взгляды на то, что такое истинная математика, можно надеяться лишь основываясь на прогрессе в решении тех спорных вопросов, по которым расходятся во мнениях математики разных школ. Больше всего разногласий вызывает вопрос о понятии существования.

В эпоху Евклида математические объекты воспринимались как идеализированные, более точные и совершенные образы

реальных вещей. Спорным был только вопрос о том, каков статус "существования" этих объектов. Платон считал, что они априорны, неизменны, вечны и существуют в некотором абсолютном, независимом, сверхчувственном мире идей. В противовес своему учителю Платону Аристотель признает объективный характер математических объектов. Он не помещает их в какой-то особый мир идей, как это делал Платон, а считает существующими в особом смысле в реальном мире. Большой заслугой Аристотеля является именно выяснение специфики математического существования [1]. Математические объекты, по мысли Аристотеля, не могут как отдельные предметы находиться в чувственных вещах. С другой стороны, они не могут существовать и обособленно от реальных тел. «...Если принимать, что математические предметы существуют как некоторые отдельные реальности, то приходишь в столкновение и с истиной и с обычными взглядами на то, как обстоит дело» [2]. Но концепция Аристотеля не могла объяснить возникновения более сложных абстракций, полученных путем далеко идущих обобщений.

Таким образом математические объекты выделяются из мира нашего опыта в «чистом» виде с помощью абстракции. «Математическая абстракция характеризуется тем, что отвлекается от всех качественных особенностей предметов и сохраняет только количественную определенность и непрерывность» [1].

Рассматривая математические объекты как результат абстрагирующей деятельности мышления, материалистическая концепция, восходящая к Аристотелю, смогла объяснить, почему математика может применяться для изучения действительности. Однако и аристотелевская, и возникшая позднее локковская теории абстракции не смогли дать ответа на вопрос, почему мы используем в математике такие понятия, как математическая бесконечность, хотя они и не имеют своих коррелятов в действительности. Эта слабость домарксистских теорий абстракции объясняется тем, что они описывали только процесс отвлечения чувственно воспринимаемых свойств и поэтому в лучшем случае годились лишь для классификации и описания явлений, но не для раскрытия их сущности. Даже французские материалисты XVIIIв., резко нападавшие на идеализм и религию, в объяснении математической абстракции сами... впадали в идеализм.

«Алгебраические понятия не имеют никакого реального значения до применения их к чувственным предметам и не представляют никакой определенной идеи» [3]. «Математические идеи являются лишь способами мышления, объекты их, вещи универсальные, обладают только идеальным существованием» [4].

Диалектико-материалистическая теория абстракции не сводит процесс абстрагирования лишь к выделению чувственно воспринимаемых свойств вещей. Этим она принципиально отличается от любой эмпирической теории абстракции. Для нее абстракция представляет метод проникновения в наиболее глубокие, существенные связи предметов и явлений, а их нельзя постигнуть с помощью одного эмпирического созерцания.

А.К Сухотин в своей работе об абстракции в математике говорит следующим образом: «Образуя понятия, другие науки имеют дело с моделями, выделяя некоторые свойства изучаемых предметов (отбрасывая все остальные характеристики). Особенностью математического объекта является то, что он - отвлечение не просто свойства, но свойство свойств и потому представляет абстракцию от абстракции или «обобщающую абстракцию». Возьмем число, при том не абстрактное число, а конкретное число 8. Обнаруживается, что в качестве предиката количественная характеристика не относится непосредственно к пересчитываемым предметам. Поскольку каждая вещь только одна, то никакие иные числа, кроме 1, будь они свойствами вещей не могли бы вообще появиться. Так, утверждение «имеется 8 стульев» вовсе не предполагает, что каждый из стульев обладает свойством «быть восьмью».

Итак, конкретное число есть определённое свойство класса. Но сам класс уже есть свойство. Это и означает, что количественная характеристика фиксирует свойство свойств, что конкретное число есть предикат от предиката. Символически его можно представить $P(P(x))$Если же говорить о числе вообще (не конкретно, а о понятии числа), получаем абстракцию ещё более высокого порядка, именно - свойство свойства свойств, ибо понятие числа вообще описывает класс всех конкретных чисел, то есть - класс классов классов. Это и выводит математическое знание на уровень специфической абстракции» [5] В результате абстрагирования мы получаем различные абст-

рактные объекты. В математике такими объектами являются число, функция, пространство, множество и т. д. Абстрактные объекты являются отображением реальных объектов, но воспроизводят их не во всей конкретности и цельности.

По мнению М.А.Розова «математические объекты существуют как нормативные системы. Это и есть их «устройство» или способ их бытия. Они не зависят от индивидуального человеческого сознания, ибо они в своем бытии обусловлены всем контекстом культуры, всей практикой человечества и противостоят отдельному человеку или целому поколению как явление не менее объективное, чем язык. Но будучи явлением культуры, они и развиваются не по знакам естественно-научных объектов, а вместе с культурой и по ее законам» [7].

Литература:

1. Рузавин Г.И. О природе математического знания. М. 1968г.
2. Аристотель. Метафизика.
3. Гельвеций А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938г.
4. Дидро Д. Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1939г.
5. Сухотин А.К. Философия в математическом познании. Томск, 1977г
6. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 20,
7. Розов М.А. Способ бытия математических объектов. // Методологические проблемы развития и применения математики. М., 1985г.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ БОЛЬШИХ ПРОГРАММНЫХ СИСТЕМ **А. А. Жигач**

Развитие в последние годы компьютерных систем высокой вычислительной мощности послужило широкому использованию компьютеров в процессе моделирования процессов, происходящие

в природе. Вычислительные системы уже на существующем уровне производительности открывают широкие возможности моделирования процессов во всевозможных областях научно-технических исследований. Например, можно говорить о компьютере как о единственном доступном на данный момент времени средстве, который может служить для анализа ряда теорий, проверка которых человеком невозможна из-за большого количества необходимых для этого вычислений (например, расшифровка генома человека). Тут следует сделать очень важное замечание, анализ таких объемов данных непосредственно человеком, или же группой людей, практически невозможен, ввиду огромных вычислительных ресурсов, необходимых для этого. В качестве примера можно привести вычислительные мощности, используемые на данный момент для анализа генома человека, заключающемся в сравнении фрагментов ДНК и определении их принадлежности к конкретным генам, в проекте Human Genom осуществляющем фирмой Celera. Это 800 взаимосвязанных машин Compaq AlphaServer, каждый микропроцессор которой может сравнивать более 250 млрд. фрагментов в час [1].

Собственно говоря, можно сказать что появление компьютеров обусловило собой появление нового вида научных исследований, *численного моделирования или численного эксперимента*. Приведенный выше пример очень показателен, как с точки зрения метода таких исследований, характера и объема анализируемых данных. Не менее важным является возможность проведения численного эксперимента в условиях когда проведение «обычного» эксперимента невозможно (например, мы не можем поставить эксперимент в масштабах звездной системы). Однако, с появлением компьютеров появилась возможность *на базе накопленных знаний* построить некую *программную модель* (термин «программная модель» будет рассмотрен позднее – А.Ж.) явления и просчитать варианты эволюции такой системы.

Кроме того, появление компьютеров обусловило появление новых областей научного знания, так или иначе связанных непосредственно с численным моделированием. как то, дискретная математика, вычислительная геометрия, теория сплайн – функций и т. д. Помимо этого, различные коллизии при попытках применить стандартные математические формализации для операций над реальны-

ми объектами, повлекли за собой изменение первоначальных. Приведем простой пример, описанный в [2,3] «попытки формализации структуры деталей машин с помощью теоретико – множественных операций показали, что несмотря на широкую универсальность операций объединения и пересечения множеств возникает необходимость в расширении этой системы операций. Одной из причин является введение дополнительных операций с групповыми свойствами подобную алгебре Буля. ... Применение операции отрицания к телу описанному неравенством $f(x, y, z) \geq 0$, порождает множество описанное неравенством $f(x, y, z) < 0$, последнее не является телом. Стремление разрешить противоречия булевой алгебры в системе геометрических тел привело к обоснованию специальной алгебры, которую мы назвали алгеброй геометрических тел.»

Появление компьютеров обусловило собой появление на наш взгляд, еще одной очень интересной проблеме, которая выходит за рамки данной статьи, но о которой однако стоит упомянуть. Это проблема создания искусственного интеллекта. Здесь уже акцентируется внимание непосредственно на самом процессе мышления. Производится анализ процесса мышления, выбора решения и т. д.

Все вышеперечисленное, на наш взгляд, делает необходимым оценку мировоззренческого влияния процесса компьютерного моделирования, и методологических проблем самого метода. Сразу следует оговориться, что существенным отличием этого метода познания от, например, исключительно эмпирического является то, что зависимость от особенностей человеческого восприятия тут принимает форму опосредования модели через призму особенностей самих программных систем (от языка до платформы). Не претендуя на полное и всестороннее решение этой проблемы – оценки мировоззренческого влияния на процесс познания, численных моделей, ограниченных особенностями программных систем, мы остановимся на анализе самих конструктивных особенностей программных систем. Не менее интересными нам представляются и некоторые методологические проблемы,ственные данному методу исследования, а так же и возможные их исторические параллели с подобными, на наш взгляд вопросами, в трудах античных (например, Платона и Аристотеля) и средневековых философов.

- Начнем наш анализ с рассмотрения самих программных систем, есть ряд проблем присущих программным системам как

таковыми. Вот наиболее общие. Первая проблема – оказывают ли влияние на вычисления и, если да то как, физические процессы, на основе которых реализована логическая машина. В качестве примера здесь можно привести проблему представления числа с плавающей точкой и проблему точности вычислений.

Вторая проблема заключается в том, что компьютер это дискретная, пусть с большим, но все же конечным числом состояний, система. В то время как общепринятые сейчас идеализации всех реальных процессов непрерывны. Соответственно существует проблема истинности соответствия между моделирующими дискретными процессами и моделируемыми непрерывными.

Третья проблема присуща не столько самим компьютерам, сколько программным средствам (программным моделям). Это проблема описания (создания лингвистической модели) некоего процесса. Сразу оговоримся о том, что в дальнейшем будет рассматриваться проблематика присущая исключительно разработке больших, промышленных программных систем, далее просто ПС. Характерной чертой ПС является очень высокая сложность Г. Буч [4] характеризует такие системы следующим образом «существенная черта промышленной программы - уровень сложности: один разработчик практически не в состоянии охватить все аспекты такой системы. Грубо говоря, сложность промышленных программ превышает возможности человеческого интеллекта», там же «... эксперименты психологов, например Миллера, показывают, что максимальное количество структурных единиц информации, за которыми человеческий мозг может одновременно следить, приблизительно равно семи плюс-минус два [5]. Вероятно, это связано с объемом краткосрочной памяти у человека. Саймон [6] также отмечает, что дополнительным ограничивающим фактором является скорость обработки мозгом поступающей информации: на восприятие каждой новой единицы информации ему требуется около 5 секунд»

Основываясь на работах [7-10] Г. Буч, также выделяет пять основных признаков сложной системы, упомянем их

1. Сложные системы являются иерархическими и состоят из взаимозависимых подсистем, которые в свою очередь тоже могут быть разделены на подсистемы.

2. Выбор, какие компоненты в данной системе считаются элементарными, относительно произволен, и в большей степени оставляется на усмотрение исследователя.

3. Внутрикомпонентная связь обычно сильнее чем связь между компонентами.

4. Иерархические системы обычно состоят из немногих типов подсистем, по разному скомбинированных и организованных.

5. Любая работающая сложная система является результатом развития работавшей более простой системы.

Далее, под программной системой будет пониматься лингвистическая модель (написанная на языке программирования) некоего явления, при этом сложность системы такова, что один человек не в состоянии охватить всю систему целиком.

Рассмотрим теперь процесс поиска математического решения. Этот процесс можно описать как «с точки зрения проблемно – ориентированного подхода при постановке какой – либо проблемы близкой к реальной жизни одним из наиболее важных шагов является решение, нужно ли математически поставить это проблему ... сама постановка задачи есть моделирование, потом возникает другая, уже математическая задача существования решения, внутренняя. Когда получено некоторое решение, нужно посмотреть, соответствует ли оно действительности. Опять возвращаемся, теперь к практике» [11].

При численном моделировании, процессу получения решения предшествует создание на базе чисто математической модели, лингвистической. После чего, производиться проверка корректности самой лингвистической модели, затем производиться *численный эксперимент*, заключающийся в исполнении программы на компьютере. После этого анализируются полученные результаты, на основе которых могут быть выявлены ошибки в лингвистической модели, тогда, после внесений соответствующих изменений, процесс повторяется. Так же при анализе полученных данных могут быть выявлены ошибки и в математической модели. Таким образом основным преимуществом данного метода перед классическим, заключается в более полном анализе некой теории, за счет автоматизации процесса проверки.

По мере эволюции соответственно возрастает сложность модели. Следовательно, исходя из вышеперечисленного, проблему создания

лингвистической модели можно сформулировать как проблему существования лингвистической модели исследуемого явления, которая может быть осознана одним человеком, на некоем уровне абстракции данной модели. Именно проблеме создания лингвистической модели и будет посвящена следующая глава нашего исследования. После чего именно в этом контексте будет проведен анализ мировоззренческого влияния, но для начала, кратко рассмотрим существующие методики создания программных систем, за более подробным их анализом можно обратиться к [4].

Для того что бы один человек был в состоянии разрабатывать некую программную систему, при превышении порога сложности, следует разбиение исходной задачи на несколько более простых, каждая из которых может быть полностью им осознана. Таким образом по мере возрастания сложности системы, производится ее декомпозиция на более простые. На данный момент времени существуют две принципиально различающиеся методики декомпозиции, алгоритмическая и объектно - ориентированная.

При алгоритмической декомпозиции происходит обычное разделение алгоритма, где каждый модуль системы выполняет один из этапов общего процесса. Традиционный функционально-модульный подход к разработке ПС предусматривает строго последовательный порядок действий (так называемая "модель водопада"). Главный недостаток такой модели заключается в склонности информации «течь» только в одну сторону. Если проблема оказывается «внизу по течению», то часто возникает сильный организационный и методический нажим с целью проводить лишь ограниченные исправления и разрешить проблему без воздействия на предыдущие стадии проекта. Такая недостаточная обратная связь приводит к проектированию, ущербному во многих отношениях, а ограниченные исправления ведут к деформированным реализациям. Изменение требований к системе может привести к ее полному перепроектированию, поэтому ошибки, заложенные на ранних этапах, сильно сказываются на времени и конечной цене разработки. Ориентация на такую последовательную модель увеличивает вероятность того, что будет утрачен контроль над решением возникающих проблем.

Объектно-ориентированная декомпозиция (с ней мы связываем наибольшие перспективы, как в самом моделировании, так и в мировоззренческом «заряде», интерпретация которого позволит, на

наш взгляд, дать ответ на центральный вопрос исследования). Разделение, при котором критерием декомпозиции является принадлежность к той или иной абстракции в области системы. Разделение по алгоритмам концентрирует внимание на порядке происходящих событий, а разделение по объектам придает особое значение агентам, которые являются либо объектами, либо субъектами действия.

Таким образом, основную проблему проектирования программных систем можно сформулировать как проблему построения *упорядоченной иерархии сущностей*, которая на любом, отдельно взятом уровне может быть *целиком воспринята человеком*.

Отсюда возникает проблема абстракции на модельном уровне, одним из выходов является ООП. На наш взгляд наиболее полное и лаконичное определение ООП дано Г. Бучем [4] «Объектно-ориентированное программирование (ООП) это методика программирования, основанная на представлении программы в виде совокупности взаимодействующих между собой объектов, каждый из которых является экземпляром определенного класса, а классы образуют иерархию наследования. *Объект* - обозначает некую сущность, определенную в пространстве и во времени, которая может быть осязаема или же воспринята мышлением и характеризуется состоянием поведением и идентичностью».

На наш взгляд, основными и взаимосвязанными принципами являются понятия *абстрагирование и иерархия*.

Абстрагирование это выделение существенных характеристик объекта отличающих его от других видов объектов и таким образом четко определяет его концептуальные границы с точки зрения наблюдателя. «Идея квалифицируется как абстракция, только если она может быть изложена, понята и проанализирована независимо от механизма, который будет в дальнейшем принят для ее реализации» [12], что, на наш взгляд, указывает на возможность методологического (уже с позиции мировоззрения) рассмотрения ООП.

Абстракция есть упрощение информации до некой степени, после чего ряд объектов воспринимается как идентичные. Абстрагирование (упрощение информации) и построение иерархии (упорядочивание абстракций и расположение их по уровням) происходит на основе выбранной *классификации*.

Классификация - средство упорядочения знаний. В объектно-ориентированном анализе определение общих свойств объектов помогает найти общие ключевые абстракции и механизмы.

Иерархия представляет собой средство упорядочивания абстракций. Для описания непосредственно абстракций и их иерархии в ООП используются понятия класса и объекта. *Класс* - определяет абстракцию существенного в объекте. Наряду с понятием класса существует понятие *метакласса*, оно позволяет трактовать класс как объект, т.е. *метакласс* это класс класса. Другими словами метакласс это класс, объектом которого является класс. Объект представляет собой экземпляр класса.

- На наш взгляд основное влияние которое оказали компьютеры на мировоззрение человека, заключается в том что они позволили ему оперировать с большими объемами данных. При этом сами данные непосредственно человеком воспринимаются на некоем уровне абстракции, т. е. упрощенно. Однако необходимость анализа такого объема данных если не подтолкнула то, на наш взгляд, сделала более актуальным новый метод мышления (анализа). Поясним более подробно.

Мышление основанное на действии. По сути, набор правил, выполнение которых может привести к правильному решению. Модель конвейера. Дело в том, что данный мышления приемлем для поиска решения стандартных задач. И если проблематика некой задачи не описывается правилами то поиск решения данной задачи при таком подходе, может быть очень долгим, и по сути носит характер «угадывания» решения.

Например одним из стандартных методов математического рассуждения является индукция, т.е. по сути метод последовательных итераций. Другими словами, процесс анализа представляет собой непрерывную цепочку рассуждений, каждое из которых вытекает из предыдущего. Представление теории в виде взаимодействующих объектов позволяет, на определенном уровне абстракции, рассмотреть данную теорию целиком. Дело в том что невозможно учесть практически каждый аспект проблемной области. На проведение данного анализа, послужила книга C. Sanger and A. Carter, «Programmers Stone». По сути это книга является попыткой ответить на вопрос (который они сами и задают) «почему в программной инженерии некоторые люди на порядок, а то и на

ной инженерии некоторые люди на порядок, а то и на два, продуктивнее большинства людей»

- В заключении имеет смысл привести ряд исторических параллелей, интерпретация которых, на наш взгляд, может прояснить все вышесказанное. «С другой стороны, следует признать, что альтернативы платонизму – интуиционизм и номинализм – ставят не меньше проблем в концепции существования, чем решают, а как философия работающего математика, уверенного в реальном существовании изучаемых им объектов, платонизм гораздо более естественен, чем имеющиеся альтернативы» [9] «Стремление современной физики к изучению новой предметной области – области релятивистских квантово-гравитационных явлений, неожиданно делает актуальным анализ древних мифологических и натурфилософских учений о мире»[13]

Литература

1. PC Magazine (русское издание) № 6 2002 стр. 81
2. Стародетко Е. А. Элементы вычислительной геометрии. Мн. «Наука и техника» 1986.
3. Стародетко Е. А. Об алгебраическом описании геометрических объектов типа деталей машин.- В кн. Тр. ин-та ОНТЭИ ПТНИИ. Горький. 1967. вып 5, с 19-27.
4. Буч Г. Объектно –ориентированный анализ и проектирование с примерами приложений на С++. Перевод с английского. «Бином» М. 1999.
5. Miller, G. March 1956. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information. The Psychological Review vol.63(2), p.86.
6. Simon. Sciences, p.81.
7. Courtois, P. June 1985. On Time and Space Decomposition of Complex Structures. Communications of the ACM vol.28(6), p.596.
8. Simon, H. 1982. The Sciences of the Artificial. Cambridge, MA: The MIT Press, p.218.
9. Rechtin, E. October 1992. The Art of Systems Architecting. IEEE Spectrum, vol.29(10), p.66.
10. Simon. Sciences, p.217.

11. Проблемно-ориентированный подход к науке. Новосибирск «Наука» 2001
12. Berzins, V. Gray, M. and Naumann, D. May 1986. Abstraction-Based Software Development. Communications of the ACM vol. 29(5), p.403.
13. Философия науки. № 1 2002 стр. 26

История философии в новом интеллектуальном контексте

**ПРОТОНАУКА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И МЕСОПОТАМИИ
В СОЦИКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ**
И. И. Литовка

Предмет настоящего исследования – протонаучные достижения народов Древней Месопотамии и Египта. Эта область истории науки и техники сравнительно с прочими недостаточно последовательно изучена и требует концептуализации. Необходимо, прежде всего, систематизировать данные о возникновении и развитии протонаучных форм рационального познания действительности, на материале истории древнейших культур и провести их типологический анализ. Достичь этой цели мы пытались решением следующих задач:

- Рассмотрение и анализ эмпирического материала по истории мировоззренческих протонаучных представлений в древних цивилизациях Месопотамии и Египта.
- Анализ философско-методологических проблем изучения протонауки Древнего Египта и Месопотамии, отражающий различные подходы в определении степени научности познаний.
- Построение определения протонауки как типа познавательной деятельности, репрезентуемого комплексом объективного знания древнего человека об окружающем мире.
- Сравнение типологических особенностей естественнонаучных представлений цивилизаций Древнего Востока и Древней Греции, рассматриваемых наукой как исторически различные формы познавательной деятельности.

- Выявление внутренних мировоззренческих механизмов, повлиявших на формирование направлений рационального освоения действительности в древности.

Возникновение естественнонаучных представлений в глубокой древности – одна из спорных и актуальных проблем истории и философии науки. Эмпирический материал для построения концептуальных моделей философия науки черпает из истории. Протонаука Древнего Египта и Месопотамии – это тема, расположенная на стыке общей истории, философии науки и истории философии, и ее исследование может быть актуальным как минимум для двух философских дисциплин. Проблема онтологического и гносеологического статуса протонаучных представлений народов древнейших цивилизаций Древнего Египта и Месопотамии в философской литературе отражена преимущественно фрагментарно и однолинейно. Историей философии исследуются главным образом те связи, которые опосредованы точками соприкосновения с античной философией. Тема протонаучных знаний древнеегипетских и древнемесопотамских народов не включена ни в один из философских курсов. Исследуя обозначенную тематику, мы стремились:

- Осуществить попытку первичной систематизации разрозненных эмпирических данных о протонауке Древней Месопотамии и Древнего Египта.

- На основе типологического анализа онтологических и ценностных оснований культурно-исторической развития цивилизаций древности реконструировать базовые типологические особенности, оказавшие влияние на формирование протонаучной системы знаний.

- Обосновать идею о необходимости включения в историко-научные и философские концепции генезиса научного знания темы протонауки народов древнего Востока как важного элемента общей концептуальной схемы истории и философии науки.

Различное понимание и реконструкция древнеегипетских и древнемесопотамских текстов, влияют не только на оценку конкретных документов, а на общее представление об уровне развития естествознания древних цивилизаций в целом. Главный критерий оценки по отношению к протонауке – степень “научности” системы знаний. Древневосточные достижения в области естествознания игнорируются как предмет исследования в рамках истории и фило-

софии науки именно в силу того обстоятельства, что в них отсутствует доказательная теоретическая форма, которая является одним из основных признаков «научности» знаний. Эти особенности историки традиционно объясняют тем, что любые науки в древности имели лишь практическое прикладное значение. Проблема демаркационного разграничения "науки" и "не-науки" не нова. Поиск начала наук имеет свою историю. Наибольшую трудность представляет определение временного диапазона возникновения науки в познавательном аспекте. Действительно, как определить ту границу, за которой человек впервые задумался о познании мира безотносительно к своим сиюминутным потребностям? Или, можем ли мы считать когнитивным базисом науки те рациональные знания, которые накапливались тысячелетиями и закреплялись на уровне здравого смысла? Если ответить на эти вопросы утвердительно, то будет трудно зафиксировать точный водораздел между "наукой" и "не наукой".

В философской и исторической литературе часто встречается утверждение, что препятствием на пути развития науки на Древнем Востоке служило мифологизированное сознание носителей религиозной картины мира. В Древней Греции на протяжении всего периода ее существования также господствовала мифологическая картина мира. Представления многих греческих мыслителей о "природе вещей", как нам известно из курса истории философии, мало чем отличались от мифа, но если в Египте и Месопотамии познающий субъект стремился непременно вписаться в традиционный религиозный канон, то в Греции, напротив, мыслитель активно конкурировал с традицией, предлагая свое видение мира. Можно даже сказать, что каждый из них разрабатывал собственную новую картину мира как новую религию, противоречащую традиционной, основания которой он находил в силе собственного разума. Может быть, отчасти стремление к доказательности объясняется тем, что все принципиально новое требует веских обоснований.

В результате проведенного сравнительно-типологического анализа социокультурных черт Древней Греции – с одной стороны, Египта и Месопотамии – с другой, мы выделили следующие типологические особенности, повлиявших на формирование типов познавательной деятельности, которые в философии принято называть

“исторически различными формами познавательной деятельности”. Их можно выразить через оппозиции по пяти пунктам.

Древняя Месопотамия и Египет:	Древняя Греция:
кумулятивность	революционность (в отношении аprobации и функционирования любых форм знания)
статичность	динамизм (как общественно-культурные проявления)
анонимность	персонифицированность (в отношении личностно-творческого начала)
сакрализация	популяризация (как ценностная характеристика отношения к результатам познания)
синтетичность	аналитичность (как мировоззренческая основа, непосредственно влиявшая на процесс познания)

Выделенные типологические особенности, по нашему мнению, повлияли на познавательный и определили когнитивный и более того социальный аспекты протонауки Месопотамии и Египта. Однако, проводя подобное разграничение, мы отнюдь не стремились углубить пропасть между греческими и догреческими формами познания действительности. Напротив, приведенные выше специфические отличия призваны продемонстрировать возможность преемственного развития некого «чистого» рационального знания, получающего свое обоснование в зависимости от социально-ментальных условий, в которых существует его носитель. Мы склоняемся к тому, что внутренние механизмы формирования направлений рационального освоения действительности, иными словами - внутренние свойства человеческого мышления, у всех народов и во все времена не имеют никаких принципиальных отличий. Достижения познающего разума в Месопотамии и Египте, возможно, были, не менее существенны, нежели в Греции, но стремление «вписаться и не противоречить» общепринятым культурным канонам, не привело к созданию той системы, которую мы называем системой научных

знаний. Перечисленные факторы в полной мере не отвечают на вопрос о том, почему на берегах Нила, Тигра и Евфрата не сложилось тех условий, которые вызвали своеобразную интеллектуально-творческую революцию в Греции, но являются попыткой первичной систематизации представлений о протонауке, которую было бы трудно осуществить, не опираясь на сравнение с явлениями той культуры, которая по праву считается “колыбелью науки”.

Первыми исследователями и интерпретаторами культурного наследия древнеегипетской и древнемесопотамской цивилизаций были античные авторы, но даже для них, не смотря на временную и пространственную близость, явления духовной жизни этих народов, и в особенности египетского, во многом представлялись таинственными. В последнее время интерес западной науки к изучению древнейших цивилизаций Востока вновь возрастает, однако, вслед за некоторыми античными мыслителями, многие воспринимают древнее культурное наследие лишь через призму герметических текстов.

Любые древние тексты, без сомнения, значимы для понимания культуры в целом, но не все из них дают верное представление о развитии рационального познания реальной действительности. Историческая реконструкция спустя тысячелетия при недостатке первоисточников проблемная процедура но, опираясь на факты, верную научную методологию и здравый смысл, вполне возможно восстановить хотя бы отдельные фрагменты знаний древнейших народов о мире и человеке и на этой основе реконструировать взаимовлияние и взаимодействие различных «познавательных» культур, стилей мышления, мировоззрений, выявив тем самым их реальную роль в развитии философии и науки.

Как уже говорилось, в работе обосновывается идея о необходимости включения в историко-научные и философские концепции генезиса научного знания темы протонауки народов древнего Востока как важного элемента общей концептуальной схемы истории и философии науки. Плодотворность подобного подхода для понимания процесса развития научного знания нам представляется вполне очевидной. Осмысление всей совокупности феномена научной деятельности требует рассмотрения в общем контексте и того “эмбрионального состояния” науки, которое мы обозначили как протонаука.

Вместе с тем, по мнению многих исследователей, занимающихся историей и философией науки, включение этой темы в курс философских дисциплин ничем не обосновано. Существуют общепринятая позиция, согласно которой то явление, которое мы называем наукой, возникло не ранее VII-VI вв. до н.э. в Греции, а более жесткая точка зрения относит момент возникновения науки к XVII в. н.э. Именно эти вехи обозначаются как периоды активизации мыслительной деятельности, преобразившие обыденное мировоззренческое знание в теоретическое и научное. Подобная доктрина не вполне согласуется с научно-методологическими принципами историзма и причинности, так как для активизации чего бы то ни было, требуется предварительное кумулятивное накопление и апробация материала. Возможно, именно мыслители древневосточных цивилизаций выполнили эту аккумулирующую функцию, заложив базовые основы для будущего рождения науки.

Расширение тематического горизонта исследований в области философии и истории науки за счет включения в него обозначенной темы представляется вполне логичным, так как это дает возможность продемонстрировать историческую обусловленность возникновения науки как явления, имеющего свои генетические корни. Несомненно, подобный подход требует критического философского осмысления с учетом всех проблем, выявленных нами в ходе исследования. К их числу относятся:

- проблема интерпретации текстов, касающаяся дешифровки смыслового значения труднообъяснимых фактов;
- проблема обнаружения возможной связи между системой знаний Древнего Востока и последующим развитием натурфилософии в античном мире;
- проблема соотнесения рациональных и иррациональных мировоззренческих, аспектов, требующая метамировоззренческого уровня рассмотрения;
- проблема эффективности методологических подходов в рамках изучения истории древнего мира;
- проблема построения теоретических моделей исследования.

Историки обычно не выделяют протонаучные знания “древних” о мире и человеке из общекультурного мифологического фона, предпочитая рассматривать его в рамках единой недифференцированной культуры. В нашем случае, прежде всего, необходимо

обобщить и систематизировать эмпирический материал и на этой основе попытаться уяснить основные линии формирования, развития и функционирования протонаучной познавательной деятельности. Для нашего современника, рожденного и воспитанного в эру господства научной картины мира, мировосприятие древних кажется парадоксальным, что усложняет исследование. Однако сама наука во многом основана на парадоксах, и если взять в качестве исходной идею о том, что общие механизмы мышления, свойственные человеку, даже спустя тысячелетия не претерпели существенных изменений, проблемы осмыслиения творческого наследия древних народов не будут столь неразрешимы, как кажется на первый взгляд.

ДВОЙНОЙ ДУАЛИЗМ В ИРАНСКОЙ ДОИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ[§]

М. Н. Вольф

Классический космологический дуализм традиционно приписывается зороастризму, манихейству, и некоторые элементы дуализма сохраняются в гностицизме, то есть в тех направлениях развития религиозных представлений, которые или берут начало в иранской традиции, или могли испытать ее влияние и утверждают наличие двух несводимых друг к другу субстанций.

Термин *дуализм*, по сравнению с *монизмом* или *плурализмом*, является наиболее ёмким по количеству концептуальных доктрин, которые он описывает и каждый раз требует развернутого объяснения того, что под этим термином подразумевается.

Традиционные взгляды о первичных началах (и монизм, и дуализм) опираются на представления о вечности, неизменности и бесконечности либо некоторого, одного *начала* (материи, идеи), либо и материального, и духовного параллельно. Согласно Дж. Сёрлу, вместе с картезианской традицией западная мысль унаследовала словарь и определенный набор категорий, в пределах которых идет

* Работа выполнена при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Россия (проект НВА 023).

размышление об этих проблемах. Словарь включает серию противоположностей: “физическое” против “ментального”, “тело” против “сознания”, “материализм” против “ментализма”, “материя” против “духа”, которые с позиций, например, современных исследований психофизической проблемы оказываются ложными [1].

Рассматривая дуализм в иранской традиции, которая зачастую оказывается несопоставимой с привычными определениями нашего словаря, мы неизбежно сталкиваемся с определенными терминологическими трудностями именно в силу смысловой нагруженности понятия “дуализм”. Показательно, что те же трудности испытывает современная философия сознания, в которой подход, представленный картезианством или какой-либо традиционной религиозной концепцией сознания, базирующейся в первую очередь на иудео-христианской, европейской традиции, оказывается несовместимым с новыми данными науки, что, вероятно, требует определенного пересмотра традиционного картезианского словаря [1]. Потребность в таком пересмотре актуализирует обращение к культурной традиции, содержащей альтернативные онтологические идеи. Таковой является иранская традиция.

Иранские воззрения представляются дуалистическими в своей основе и этот дуализм мы бы определили как *двойной*.

Исходное направление для дальнейшего развития дуалистических воззрений в иранской традиции задаётся противопоставлением добра и зла. Деление на «своих и чужих» осуществляется не по принципу гражданской или этнической принадлежности, а по принципу «аксиологической» принадлежности к «доброму» или «злу». Таким образом, дуализм который засвидетельствован в данном случае - *этический*. Противопоставляемые этические категории, “добро” и “зло”, атрибутируются двум субстанциям - свету и тьме соответственно. Светлая субстанция характеризуется жизнью и разумом, темная - не-жизнью и тленностью, причем субстанция зла принадлежит только физическому миру и не распространяется на ментальный мир или мир разума. Таким образом этический дуализм совпадает с *онтологическим* [2].

Противопоставление сфер бытия - *tēnōg* как ментальной, разумной сферы и *gētīg* как сферы физического, чувственно воспринимаемого - представляется еще одной, *космологической*, дуалистической концепцией в рамках иранской традиции.

На наш взгляд, принципиальное отличие иранской традиции от западноевропейской в заключается в "двойном" онтологическом дуализме сфер *tēnōg* и *gētīg*, и субстанций добра и зла (света и тьмы), а также в их понимании.

В иранском дуализме уровень "добрь – зло" не совпадает с уровнем "нематериальное – материальное" или "ощущаемый мир – умопостигаемый мир". Добрь и зло как субстанциональные (а не этические) начала противостоят на уровне *tēnōg* как на внечувственном уровне. Этот дуализм мы могли бы специфицировать как "горизонтальный" и не сопрягаемый с уровнем человеческого существования. Другая форма дуализма – противопоставление *tēnōg* и *gētīg* в его вертикальном отношении как умопостигаемого и материального, но без их аксиологически полярной нагруженности. Материя в этом случае понимается как наилучший и совершенный аспект Духа (*tēnōg*), материальное существование, даже испорченное злом (*gētīg*), – как один из способов реализации духовного состояния и наилучшее средство борьбы с лишенными "светлой" материи злыми силами. Концепция иранского онтологического дуализма принципиально отличается от западноевропейской, где второй составляющей пары является протяженная субстанция – материя. Материя в иранской дуализме в отличие от манихейского, неоплатонического и гностического дуализма в том числе, не является порождением зла. Напротив, также как и всё сотворенное, она сотворена из собственной сущности Ормазда – света, тленность в нее привнесена темной субстанцией, злом. Такая схема принципиально дуалистична в своем основании и не имеет соответствий в западной традиции.

Таким образом, мы можем отметить наличие двух дуалистических концепций – онтологического дуализма, совпадающего с этическим, и космологического дуализма; определить иранский дуализм как *двойной* и зафиксировать, тем самым, его принципиальное отличие от иудео-христианской и картезианской традиций.

Литература:

1. Сёрл Джон. Новое открытие сознания // Логос. - 2001 (30). - № 4. - С. 22-40.

2. Вольф М.Н. Реконструкция онтологических представлений в иранской доисламской религиозной традиции // Гуманитарные науки в Сибири. - 2003. - №1. - С. 35-40.

СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ДУШИ У ПЛОТИНА

И. В. Берестов

В «мире Души», или в «мире чувственно-воспринимаемого» Плотин различает Душу (как 3-ю ипостась), мировую душу («душу целого», или «душу всего»), индивидуальные души. Кроме того, к «миру Души», по-видимому, можно отнести следующие, более «частные» сущие (точнее – «образы сущих»): низшую часть мировой души, иногда называемую Плотином *hJ fu>siv* [природой], низшую часть индивидуальной души, иногда называемую Плотином *to< futiko>n* ['то, что вызывает рост {тела}'] или *to< qreptiko>n* ['то, что питает {тело}'], которая совпадает со всей душой неразумных и «бесчувственных» существ (следует учитывать, что в чувственном мире любое нечто постольку, поскольку оно не является полностью лишённым следов эйдосов, т.е. не является материей, одушевлено и обладает жизнью), Логос и «частные» логосы, Провидение и «частные» провидения. Как видим, картина довольно сложная, хотя налицо определённая «симметрия» между «тем, что относится к мировой душе» (Логос, Провидение, *hJ fu>siv*) и «тем, что относится к индивидуальным душам» (логосы, провидения, *to< futiko>n*). Разумеется, кроме перечисленного, к «чувственному миру» относятся: некоторые комплексы, состоящие из души и тел (*to< sunamfo>teron*); собственно тела (существующие не самостоятельно, а только как компонент *to< sunamfo>teron*); не существующая ни самостоятельно, ни в рамках какого-либо «целого» «чувственная материя».

Из учения Плотина о «падении» индивидуальных душ можно сделать следующий вывод: *любая* взятая нами душа или часть души присутствует в Уме. Соответственно, среди сущего невозможно выделить того, что не было бы одушевлено и не мыслило бы в некотором отношении. В этом смысле следует понимать «единую цепь жизни», связывающую всё сущее. Поэтому невозможно указать ка-

кой-либо предел для «нисхождения» душ, нечто вроде «последнего шага». Любой этап «нисхождения» может подразумевать бесконечное число шагов «вниз», однако все они не умножают числа ипостасей, а совершаются в рамках мира Души. Сам мир Души, поэтому, не есть один из этапов нисхождения, но есть как бы «поле» на котором совершается нисхождение, в отличие от мира Ума, который есть как бы «поле истины», на котором совершается совершенное мышление.

Плотин выделяет 2 условные «части» индивидуальной души – «высшую» и «низшую». Основанием для выделения этих «частей» является различная степень свободы, присущая действиям (*hJ ejne>rgeia*), которые составляют эти «части» (точнее говоря, соотнесённость действий с волей). К «высшей части» относятся, прежде всего, наиболее свободные действия, т.е. такие «волевые» действия, как «дискурсивное, или рассудосное мышление» и «воля, или воление» (*hJ bou>lhsiv*), а к «низшей» – такие «безвольные» действия, как ощущение (*hJ ai>sqhsiv*) и рост (*to< futiko>n*). Поэтому мы можем сказать, что к «высшей» части относятся те действия, относительно которых «принимается решение (*hJ boulh>*)» каждый раз, а к низшей «части» относятся те действия, относительно которых «решение было принято при падении души» один раз.

«Мышление» и «воление», принадлежащие высшей части, не зависят от тела, а «ощущение» и «рост», принадлежащий «низшей» части, зависят от тела. Т.о., «независимость от тела» и «зависимость от тела» являются основанием для ещё одного варианта разбиения души на «высшую» и «низшую» части. Обе эти классификации одинаково относят к «высшей» и «низшей» части души все рассмотренные действия.

Однако душа, по Плотину, совершает также и «сложные» действия, которые подвергаются ограничениям, присущим как «бестелесным» действиям, так и «телесным». К таким действиям относятся почти все сознательные поступки, или действия в практической жизни человека (*to< ergon*), когда за *волевым* актом принятия *разумного* решения, являющегося выбором (*hJ proai>resiv*) одного из нескольких мыслимых вариантов, следует реализация «замысленного» (*to< no>hma*). Поступок ограничен нашими способностями «ясно» мыслить, точностью наших знаний, а также воз-

многостями нашего тела. В этом смысле можно условно сказать, что он есть действие «сообщодного». Поскольку в каждом таком поступке присутствует «воление», то он «не безволен», т.е. относится к «высшей части» по 1-й классификации, но поскольку он «зависит от тела», то он относится к «низшей части» по 2-й классификации. Видно, что эти классификации различны.

Но, кроме, перечисленных ограничений, поступок ограничен и многочисленными «внешними» обстоятельствами. Поэтому Плотин и говорит о «практическом действии» как о «сложном». Т.о., в «сознательном поступке» мы можем различить по крайней мере 2 «части»: *действие рассудочного мышления* (*το< logistiko>n, οJ logismo>v, το< logi>zesqai, hJ kri>siv*) (включающее обдумывание поступка и принятие волевого решения его совершить) и *действие реализации* (*hJ pra>xiv*). Первая «часть» относится к «высшей части» души по обеим классификациям (как «включающая воление» и «независящая от тела»), а также в том смысле, что она логически предшествует «низшей», является необходимым условием для неё. Вторая «часть» зависит как от тела, так и от «внешних» обстоятельств.

Итак, на основании степени свободы действий души мы можем построить следующую иерархию действий души (или иерархию «частей» душ): (1) наиболее свободные из всех действия «воления» и «мышления»; (2) «поступок», являющийся действием, включающим «воление» (= «принятие решения»), «мышление», «реализацию», причём последняя зависит от тела и внешних ограничений; (3) «ощущение» и «рост», которые после «падения» не включают в себя ни «воление», ни «мышление», но зависят от тела и внешних ограничений. Следует заметить, что (1), как высшая «часть» души, не обладая совершенством «интуитивного» мышления (*hJ no>hsiv*) Ума, нуждается в ощущении для принятия какого-либо решения. «Перенос» ощущений из (3) в (1) заключается в том, что ощущения становятся доступными для «мысленного созерцания» (1). Но для этого они должны перестать быть собственно «ощущениями», а стать «мыслями». Поэтому имеет место *процесс прояснения* «неясной мысли», которой является ощущение, до той «ясности» (*hJ e jna>rgeia*), которая имеет место в (1). Поэтому термин «схватывание, восприятие» (*hJ ajnti>lhyiv*) применим и к мышлению, и к ощущению. Вообще, к «неясным мыслям» относят-

ся все действия, принадлежащие (2) и (3). Их общее «прояснение» есть «очищение» (hJ ka>qarsiv), осуществляемое благодаря «добродетелям». Очищение означает избавление какого-либо действия души от не-сущего, т.е. от «налипших» на него ограничений его свободы, в процессе чего рассматриваемое действие постепенно становится наиболее свободным действием – мыслью, и, далее, по мере дальнейшего «прояснения» мышления, душа «восходит» до «интуитивного мышления» Ума.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ САМОСОЗНАНИЯ СИГЕРА БРАБАНТСКОГО

А. А. Лукьянцев

Проблема детерминации историко-философского процесса является одной из ключевых в историко-философской науке. Ведущая роль социогенной составляющей в его детерминации прослеживается не только на переломных этапах истории, но и на эволюционных этапах, характеризующихся относительной культурной устойчивостью, как, например, в эпоху западноевропейского средневековья, когда подъем городов приводил к перемещению в них интеллектуальных центров из монастырей, а становление университетского образования способствовало возникновению ученых сообществ, и усилиению идейного обмена, поднявшего схоластическую философию на качественно новый уровень.

Расцвет средневековых университетов относится к середине XIII в. Его следствием стала активизация идейных исканий среди представителей схоластической философии, в большинстве своем являвшихся университетскими преподавателями. В их числе был ма-гистр Парижского университета Сигер Брабантский (ок. 1240 – ок. 1281/84 г.) – фигура, вызвавшая уже среди современников весьма неоднозначную реакцию, затем подвергшаяся на несколько веков забвению, и «реабилитированная» историками философии лишь к началу XX в.

Настоящее исследование представляет собой реконструкцию и анализ концепции самосознания Сигера Брабантского на основе его трактата «Вопросы о разумной душе». Целью исследования является

ся поиск ответа на вопрос о причине восприятия латинскими аверроистами именно материалистической линии аристотелизма в отличие от их современников – Альберта Великого, легализовавшего изучение Аристотеля, и Фомы Аквинского.

О жизни Сигера сохранилось крайне малое количество сведений. Известно, что родился он на территории нынешней Бельгии, в герцогстве Брабантском, что в 1255 г. он, будучи сен-мартенским каноником, переселился из Льежа в Париж. После получения в 1260 г. звания магистра, Сигер Брабантский начинает преподавание на факультете искусств Парижского университета. Этот факультет, расположенный на улице Фуар, на котором изучалась философия, был подготовительным к теологическому факультету. 23 ноября 1277 г. легат инквизиции во Франции Симон де Валь вызвал Сигера для допроса, и потребовал его немедленного переселения из Парижа в Орвието, где находилась летняя резиденция папы. Это означало пожизненное заключение под надзором монаха-агента инквизиции, приставленного к Сигеру в качестве секретаря. Своим «секретарем» Сигер Брабантский и был убит в годы папства Мартина IV (1281-1285). Однако обстоятельства его гибели не вполне ясны: было ли это убийство совершено с прямой санкции папы, либо оно объясняется сумасшествием приставленного к узнику монаха, остается неизвестным. Во всяком случае, формально Сигер не был приговорен инквизицией к смертной казни [1].

Причиной внимания инквизиции к Сигеру Брабантскому явились его философские взгляды, сформировавшиеся под воздействием философии Аристотеля, и его арабского комментатора Ибн Рушда (Аверроэса) (1126–1198). В XIII в. подлинники Аристотеля, которого в университетских кругах почтенно титуловали Философом с большой буквы, и сочинения Ибн Рушда, получившего соответственно имя «Комментатор», Западная Европа узнала благодаря расширению связей с Востоком через Испанию, а также – через Византию и Ближний Восток. Огромную роль в деле рецепции аристотелизма в Западной Европе сыграли крестовые походы. Но усвоение текстов Аристотеля шло при посредстве комментариев Ибн Рушда, усилившего материалистическую и рационалистическую тенденции в философии Стагирита. Тезис Ибн Рушда о вечности мира и отрицание им бессмертия растительной части души стали основой для формирования философских взглядов кружка латинских аверроистов.

стов во главе с Сигером Брабантским, и в частности – для их концепции самосознания.

Уже в первой главе трактата «Вопросы о разумной душе» Сигер Брабантский четко ставит вопрос о самосознании души как необходимом условии достоверности познания «другого», то есть внешнего мира: «Так как душа познает другое, постыдно, чтобы она не знала самое себя. Если же она не знает самое себя, то как может она верно судить о другом? И души более всего желают знать о себе то, каким образом они бывают отделенными от тел»[2].

Самосознание как проявление мыслительной активности есть одно из проявлений жизни, началом и причиной которой и выступает душа: «Жить для одушевленного тела значит питаться, расти, рождать, чувствовать, видеть и слышать, желать, мыслить (курсив мой – А.Л.), перемещаться самостоятельно, а не под влиянием чего-то внешнего. Поэтому мы называем живым и одушевленным каждое тело, которому свойственно любое из перечисленных [действий], и душа есть начало и причина названных [действий] в одушевленных телах...».

Самосознание разумной души возможно благодаря соединению мышления «некоторым образом» с материей и отделению «некоторым образом» от нее. Если бы не имело места соединение с материей, то «было бы неправильным утверждение, что мыслит сам человек». С другой стороны, имеет место и некоторая автономность мышления от материи, поскольку «в отличие от зрения в глазу оно не существует в [каком-нибудь] телесном органе, как говорит Философ». «Поэтому и сам Философ иногда говорит, что разум отделен от тела и не общается в материи с умопостигаемым, а иногда изображает разум актом (actus) тела и связанным с протяженностью (magnitudini), благодаря чему разумная душа соединена с телом и отделена от него»[3].

На первый взгляд, эти рассуждения близки к характеристике человека как психофизиологического существа в антропологии Фомы Аквинского. *Doctor angelicus* полагал, что такая природа человека определяется его местом в универсуме – человек смыкает собой два мира, мир чисто духовных творений и материальный мир. В связи с этим под человеческой личностью (*hypostasis vel persona* – "Сумма теологии" I q. 75, a. 2, ad 2.) Фомой Аквинским понимается человек в целом, а не только его душа [4].

Но в трактате Сигера Брабантского прослеживается и открытая полемика с Альбертом Великим и Фомой Аквинским. По словам Сигера, позиция этих «прославленных мужей» сводится к утверждению о соединении субстанции разумной души с телом, которому она дает бытие, при одновременном признании автономности потенции разумной души от тела, так как разумная душа не действует через телесный орган.

Сигер опровергает данное положение, опираясь на следующее рассуждение Философа: разумная душа в мыслительном акте соединена с телом до такой степени, «что чувственные образы не только необходимы, если исходить из принципа, приемлющего разум и знание, но даже невозможно рассматривать знание вещей без тех или иных чувственных форм, сохранных воображением». В качестве доказательства этого положения Сигер приводит аргумент об утрате знания у человека, прежде обладавшего знанием, в случае повреждения «в такой части тела, как орган воображения». Этого не случалось бы, если бы в процессе мышления не существовало зависимости разума от тела. Отсюда следует, что не только разум, но и [весь] человек наделен мышлением. Поэтому было бы странным полагать потенцию отделенной, а субстанцию соединенной.

Развивая свою мысль в ходе опровержения тезиса Альберта Великого и Фомы Аквинского, Сигер Брабантский приходит к заключению о необходимости разведения истин религии и истин философии: «Мы же здесь стараемся узнать только мнение философов, и особенно Аристотеля, даже если бы Философ думал [о душе] не так, как гласит истина, и то, что сообщено о душе Откровением, иначе говоря, то, что нельзя вывести естественным путем из доказательств. Но нельзя [касаться] Божиих чудес, когда мы рассуждаем о естественном естественным путем»[5].

Рассуждая о способе отделения разумной души от тела, Сигер Брабантский указывает на неполную ее отделимость от тела: «душа отделяется от тела таким образом, что она сохраняется, хотя уже не есть его акт, однако отделяется от тела не полностью, потому что даже если она и не есть [уже] акт данного разрушенного тела, она есть акт некоего другого тела, так как, согласно мнению Философа, род человеческий вечен, как и его осуществление – разумная душа...»[6]. Поэтому с разрушением конкретного тела не разрушается мышление, и разумная душа вчена по своей природе, как и мир.

Мысль же о гибели индивидуальной души как формы человека с разрушением тела будет оформлена в 13 тезисах аверроистов, осужденных хартией парижского епископа Этьена Тампье. 7-й тезис латинских аверроистов гласил: «Душа – форма человека, поскольку он человек, она гибнет, когда разрушается тело»[7].

Подведем итог. В построении своей концепции самосознания Сигер Брабантский исходит из положений монопсихизма о существовании надындивидуальной единой разумной души как «существования» («perfectio») тела, а также из посылки о том, что самосознание души является критерием достоверности любого познания.

Представляется, что восприятие Сигером Брабантским именно материалистической тенденции аристотелизма, заключение на ее основе о необходимости различия двух видов истин было подготовлено предшествующим этапом развития средневековой философии. Материалистическая тенденция в учении Стагирита как нельзя лучше артикулировала то, что в зачаточной форме содержалось уже в формуле Петра Дамиани (1007-1072) «*philosophia est ancilla theologiae*». Именно благодаря Петру Дамиани произошла легализация философии в статусе «служанки теологии»[8]. Последующее их ценностное ранжирование, отразившееся даже на системе университетского образования (факультет искусств как подготовительный к теологическому факультету), привело в конечном итоге к разведению этих сфер знания в концепции двух истин. Материалистическое прочтение философии Аристотеля послужило лишь катализатором в этом процессе. Оно помогло в осмыслении наработанного схоластикой опыта, с одной стороны, и служило инструментом интеллектуального обмена, приводило к росту интеллектуальной активности в лагере противников латинского аверроизма – с другой[9].

Литература

1. См.: Быховский Б.Э. Сигер Брабантский. М., 1979. С. 9.
2. Сигер Брабантский. Вопросы о разумной душе. // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т. 2. СПб., 2002. С. 242.
3. Там же. С. 243.

4. Бандуровский К.В. Концепция бессмертия души в философии Фомы Аквинского и ее историко-философские истоки. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2001. С. 18.
5. Сигер Брабантский. Вопросы о разумной душе. С. 245.
6. Там же. С. 247.
7. Цит. по: Антология средневековой мысли. С. 251.
8. См.: Горан В.П. Философия и наука в европейской истории. // Философия науки. Новосибирск, 2001. № 3 (11). С. 25; Лукьянцев А.А. Петр Дамиани и проблема инкорпорации философии в культуру западноевропейского средневековья. // Философия: история и современность 2001–2002. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2002. С. 226.
9. Об этом свидетельствуют хотя бы послание Альберта Великого Эгидию Лесинскому «О пятнадцати проблемах» и трактат Фомы Аквинского «О единстве интеллекта против аверроистов».

ПРИНЦИП ОСНОВАНИЯ БЫТИЯ А. ШОПЕНГАУЭРА И ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ **М. В. Бабак**

В работе "О четверояком корне закона достаточного основания" Шопенгауэр в качестве одного из видов этого закона выделяет принцип достаточного основания бытия, с помощью которого описывает состояние убежденности человека в истинности некоторого суждения. Шопенгауэр относит данный вид закона к классу математических объектов и иллюстрирует его действие на геометрических теоремах, доказательства которых лишь указывают субъекту на их истинность, но не всегда позволяют "ухватить" их суть. Здесь Шопенгауэр акцентирует внимание на некотором разрыве между согласованностью суждения (теоремы) с другими суждениями - ко-герентная истинность - и его истинностью в сущи, в некотором смысле изолированно от других суждений (в этом случае возможно говорить о корреспондентной истинности).

Шопенгауэр связывает принцип основания бытия с априорными формами чувственности, пространством и временем, и потому об-

ласть действия закона классом математических объектов ограничивается.

Однако состояние подобной убежденности можно наблюдать не только в сфере математики, но и в обыденном сознании. Нередко случается так, что человек внезапно проникает в смысл фразы, которую слышал до этого много раз, и которая, возможно, даже встраивалась в его сознание по принципу когерентности, т.е. не противоречила его видению мира. Такое внезапное "схватывание" с необходимостью некоторым образом изменяет картину мира субъекта; меняется не только понимание им данного суждения, но и понятийная структура его сознания: понятия меняют свое содержание, как-то перераспределяются связи между ними.

Таким образом, невозможно сводить феномен понимания лишь к рассудочной деятельности человека. Понимание всегда связано с переорганизацией сознания. Человек убеждается в истинности конкретного высказывания, лишь когда оно органично сливается с его индивидуальным опытом, т.е. заполняется *реальным* содержанием. В этом смысле уместно говорить о субъективности истины. Строссон пишет, что "прямая или косвенная ссылка на выражение убеждения неустранима из анализа высказывания чего-то истинного". При этом убеждения человека могут быть основаны лишь на его личном опыте. Только субъект, высказывая какое-то суждение, может (в принципе) в полной мере понять, что он хочет этим суждением выразить (это, однако, далеко не означает, что, высказывая суждение, человек полностью осознает его содержание; во многих случаях наоборот: лишь произнеся что-нибудь и наблюдая за реакцией собеседника он получает возможность более глубокого осмысления сказанного; именно в этом раскрывается подлинный смысл человеческого общения.).

Итак, понимание – акт, производящий нечто большее, нежели простое согласование суждений. А. Маслоу говорит в этом случае о "пике переживания", - когда человек вдруг видит, ощущает мир в его целостности. Такие "пики переживания" обычно не осознаются людьми; последние просто чувствуют некую необычность, приподнятость ощущений, которая вскоре проходит вследствие инертности сознания.

Философ сознательно стремится, посредством философской рефлексии, подвести себя к "пiku переживания", чтобы, сгенериро-

вав суждение, привести сознание в более адекватное соответствие с реальностью. В результате философ способен прийти к основополагающему суждению, выражающему, в его понимании, суть бытия. Примерами таких суждений являются ключевые формулы Фалеса, Parmenida, Demokrita, Dekarta и других философов. (Шопенгауэр: "Мир есть мое представление".)

Такое суждение обосновывает все мировоззрение философа, стягивает в себе весь его индивидуальный опыт, и вся его философия – экспликация смыслов, скрытых в нем.

Литература

1. Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии: Пер. с нем. / Ин-т философии.- М.: Наука, 1993. 672 с.
2. Стросон П. Значение и истина // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Пер. с англ., нем.- М.: "Дом интеллектуальной книги", "Прогресс-Традиция", 1998.- С. 213-231.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Е. В. Глебов

В Средневековье сложилась концепция «двух мечей», согласно которой у Церкви со времён апостола Петра два меча – тварный и нетварный, и тварный меч доверен ей своему вассалу, императору Священной Римской империи, для поддержания обыденного порядка, а высший нетварный меч находится у Наместника Святого Петра для утверждения Божественного промысла. На практике императоры (и другие – короли, герцоги, графы и т.п.) неоднократно пытались бунтовать, и избавится от арбитража и прямого вмешательства церкви в их дела, но интердикта, а то и только угрозы его применения, оказывалось достаточно для приведения их к покорности. Таким образом, светская власть получала легитимацию из рук церкви и в случае конфликта не могла адекватно защищать национальные интересы. В то время как хозяйственное развитие неизбежно вело к

формированию национальных государств, концепция «двух мечей» эффективно этому препятствовала. Следует учесть – что нам кажется совершенно очевидным, вовсе не обязательно является таковым для других. Например, Квинт Курций Руф писал: «За ними следовали 365 одетых в пурпурные плащи юношей, по числу дней года, так как и у персов год делится на столько же дней» (История Александра Македонского, III(1), 3, 10; перевод см. [1, т. 2, стр. 283]). То есть для римлянина совершенно не обязательно, что у варваров такое же членение года, как и у него, благородного римлянина, и когда он встречает варваров, чьё мнение совпадает с его, он считает нужным отметить это особо. Да что говорить о «варварах», у самых-самых «неварваров», греков, тоже не всегда бывало по 365 дней в году. И речь вовсе не о погрешностях календаря, например, Фукидид свидетельствует, что во время Пелопонесской войны «после ухода лакедемонян аргосцы вторглись в Эпидаврийскую область за четыре дня до конца месяца, предшествующего карнею (священный месяц, на протяжении которого войны были запрещены – Е. Г.), продлили этот календарный день на все времена похода и принялись разорять эту область» (Фукидид, История, кн. 5, 54, 3; см. [1, т.1, стр. 379]). Мыслителю часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда, казалось бы, самые очевидные факты оказываются не достоверными или вовсе не очевидными для других, и в этой ситуации необходим какой-либо метод, который позволяет убедить собеседника в своей правоте и работать только с достоверными фактами.

Первым обратил на это внимание, видимо, Данте. В своей работе «Монархия» (1313) [2] он доказывает, что власть императора легитимизируется самим Богом напрямую, и таким образом тварный меч не менее сакрален, чем нетварный. Интересно отметить у Данте появление, наряду со схолархическими, методов аргументации, которые станут обычными в эпоху Возрождения и позже, например, филологический анализ (в частности, Данте показывает, что в тексте Библии Христос говорит о 12 физических мечах, каждому апостолу) и психологический анализ (весьма радикальными для своего времени являются рассуждения о поверхностном мышлении апостола Петра). Позже Макиавелли показал, что Церковь всегда добивалась своих целей лишь тогда, когда сама использовала «тварный меч», и таким образом, «нетварный меч» играл роль «кинжала для левой руки», который наёмные убийцы того времени использовали,

если не удавалось «честно» поразить противника. Была подготовлена основа для небожественной, природной и социальной легитимации государств, обосновывали которую в дальнейшем Ж. Боден и Г. Гроций (см., например, [3]).

Для выявления истоков проблемы легитимности национальных государств концепцию «двух мечей» следует рассматривать в соотнесении с концепцией «двух истин». В период, когда государство представляло собой конгломерат герцогств, графств, баронств, и национальная принадлежность была фактором вторичным, единственная истина, как и «два меча», была у Церкви, и никому не требовалось её доказывать, а лишь понимать. Ансельм д'Аоста писал в «Прослогионе»: «Хочу я понять ничтожную толику Твоей правды, которую сердце моё любит и в которую верит. Я ищу понять Тебя не затем, чтобы верить, но верю, чтоб смочь Тебя понять». (Цит. по [4, стр. 102]). Первым «уклонистом», насколько известно автору, невольно стал Алан Лильский (Лиль - 1202, Сито, Франция), который в трактате «Против ересей» писал: «Поскольку у авторитета нос из воска, то есть его можно повернуть в разном смысле, он должен подкрепляться разумными основаниями» [5, стр. 336]. Цель была вполне ортодоксальная, требовалось заставить разум служить авторитету Священного Писания, однако лекарство оказалось сильнее, чем нужно для этой болезни. Вскоре выяснилось, что разум не приказчик, а, как минимум, совладелец предприятия. Концепция «двух истин», появившаяся в работах шартрской школы, затем уже закономерно привела к утверждению сначала независимости, а затем и внеположенности истин разума относительно «истин веры». В результате обоснование легитимности национальных государств стало производиться на основе аргументов природных, социальных, исторических, научных, или хотя бы выглядевших таковыми, а не божественных. Интересно заметить, что этапы этого процесса более чем на век опережали соответствующие им логически этапы борьбы из-за «двух мечей». То есть в период от позднего Средневековья до начала Нового Времени гносеологическая проблематика опережала и в значительной мере определяла тематику социально-философского конструирования и применение теоретических конструктов в политической и идеологической борьбе. Анекдотическим, но убедительным примером может служить книга Шпенглера и Историка «Молот ведьм», в которой первая часть посвящена

решению чисто гносеологических вопросов о познании и восприятии феноменов, их соответствии реальности, затем делается вывод, что наблюдаемые дьяволы реальны, а уж затем начинаются инструкции по допросу, пыткам, суду.

Таким образом, можно показать, что дискуссия вокруг концепции «двух истин» и концепции «двух мечей» в значительной мере способствовала осознанию и обоснованию задач национальной самоидентификации и оформления национальных государств в Европе.

Литература

1. Историки античности, тт 1,2. М., 1989
2. Данте Алигьери. Монархия. М., 1999
3. Глебов Е.В. Формирование системы нововременных ценностей в трудах Н. Макиавелли и Г. Гроция. // Материалы XXXIX международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Философия. Новосибирск, 2001, стр. 21 – 22
4. Дж. Реале, Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994, т. 2
5. Гаспаров Л.М. Алан Лильский \\Памятники средневековой латинской литературы 10 -12 вв. М., 1972, стр. 330-347.

Проблемы социально-философских исследований

ДИСКУССИЯ О ГРУППОВЫХ ПРАВАХ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМАЦИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА Ю. Б. Вертгейм

Современную эпоху достаточно часто описывают как период кризиса — технико-экологического, кризиса цивилизации, кризиса человека (согласно, напр., Н.А.Бердяеву), кризиса мирового порядка. Представляется, что одним из важных аспектов этого кризиса является кризис инноваций — недостаточность инновационной деятельности по сравнению с имеющимися вызовами во всех сферах

(геополитической, геоэкономической, геокультурной). В данной работе нас будет интересовать только геополитический аспект современных глобальных проблем — неустойчивость и недостаточность мирового правового порядка, отсутствие надежных правовых методов разрешения конфликтов, опасности, связанные с действием современных систем безопасности.

Как известно, в настоящее время основные угрозы поставляют два типа ситуаций — локальные (этнические) конфликты и войны великих держав с малыми в контексте так называемого «столкновения цивилизаций» (война в Югославии, ситуация вокруг Ирака). Для обоих типов характерны значительные трудности при попытках мирного разрешения ресурсного конфликта и раздела сфер влияния, связанные с отсутствием или недостаточностью общих принципов и ценностей, к которым можно было бы апеллировать при использовании правовых средств. Одной из междисциплинарных областей, где осуществляется поиск преодоления этих трудностей, является дискуссия о групповых правах, в ходе которой преодолевается односторонняя либеральная ориентация на права индивидов. Утверждается, что различные группы (культурные, языковые, этнические и т.д.) также обладают особыми правами, которые необходимо защищать, в том числе с использованием правовых механизмов и мощи государства. При этом осуществляется синтез либеральной идеи прав и коммунитаристского подхода с его акцентом на роли групп.

Общий тон дискуссии задает Дэвид Ингрем. Он утверждает, что равное отношение может, по-видимому, включать компенсацию за прежние неблагоприятные обстоятельства. С его точки зрения, «различия в статусе благодаря расе, классу, этничности, религиозной ориентации, гендеру, сексуальности или физическому недостатку взывают к признанию прав, защищающих против доминирования» [Ingram, 2000, p. 14]. Таким образом, он отстаивает двойное понимание понятия «равное отношение» — как одинаковое и как различное (для тех людей, которые «имеют уникальный интерес противостоять своему неблагоприятному положению и уязвимости» [Ibid, p.15].

Уилл Кимликка защищает идеи «либерального национализма». Утверждается, что «легитимной функцией государства является защита и продвижение национальных культур и языков наций внутри их границ. Это может быть сделано ... посредством допущения са-

моуправления для национальных групп по вопросам, имеющим решающее значение для воспроизведения их языка и культуры» [Kumlicka, 2001, p. 39]. Тем самым политические права групп обсуждаются в контексте сохранения их языка и культуры.

Дениз Реом обсуждает вопрос о том, какого рода практики культурных меньшинств должны защищаться в мультикультурном обществе. Он настаивает на том, что культурное наследие обладает внутренней, а не только внешней инструментальной ценностью, и что защита групповых прав культурных меньшинств должна вестись на основе признания такого рода внутренней значимости культуры [Reaume, 2000].

Данная дискуссия о групповых правах может быть переведена на более общий уровень дискуссии о ценностях и ценностном сознании. Выделяются кардинальные ценности (связанные с выживанием человека) и субкардинальные ценности (обеспечивающие реализацию кардинальных) [Розов, 1998, с.34–38, 132–136]. Поскольку значимым является не только выживание человека как биологического, но и социокультурного существа, то в состав кардинальных ценностей может быть включено «сохранение и преумножение историко-культурного наследия». В свою очередь, выполнение этой ценности невозможно без осуществления такой субкардинальной ценности, как «культурное разнообразие».

Отметим трудности данного подхода. Любой правовой режим может быть устойчивым только при наличии такого достаточно мощного механизма принуждения, способного противостоять отклонениям от правового режима. В настоящее время таким механизмом *de facto* являются армии великой державы/держав, не обладающие требуемой легитимностью в мировом масштабе. Еще одной трудностью является необщепринятый характер позиции групповых прав даже для стран ядра геополитической системы. Это затрудняет распространение указанного подхода через механизм заимствования геокультурной инновации у геополитического лидера. Кроме того, позитивный опыт разрешения конфликтов на основе позиции групповых прав относительно невелик (напр., Бельгия). Наконец, неясно, на каком основании выделяются группы и соответствующий объем групповых прав и как разрешать конфликты, возникающие между правами различных групп.

Обсуждаемая проблематика входит в области перспективных исследований различных философских дисциплин — социальной философии, философии права, аксиологии. Социальная философия рассматривает закономерности функционирования и трансформации геополитических систем, закономерности разработки и распространения геокультурных инноваций. Философия права исследует связь правовых принципов и ценностей, а также взаимодействие правовых и социальных механизмов. Наконец, аксиология изучает ценностные основания реформирования и легитимации современных социальных и политических порядков.

Литература

1. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. Н-ск, 1998.
2. Conflict and Coexistence in Belgium. The Dynamics of a Culturally Divided Society. Ed. by Arend Lijphart. Berkeley, 1981.
3. Ingram, David. Group Rights. Reconciling Equality and Difference. Kansas Univ. Press, 2000.
4. Kymlicka, Will. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford Univ. Press, 2001.
5. Reaume, Denise. Official-Language Rights: Intrinsic Value and the Protection of Difference // Citizenship in Diverse Societies. Oxford Univ. Press, 2000. P.245–252.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – МНОГОПОЛЯРНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА

М. В. Вотинцева

Процесс глобализации является сегодня одной из наиболее обсуждаемых тем, как учеными, политиками, экономистами, так и широкими кругами общественности. В чем же заключается процесс глобализации? Предлагаю обратиться к истории и рассмотреть различные подходы на содержание данного процесса.

Термин «Глобализация» получил широкое распространение с 80-х годов 20 века благодаря работам И.Валлерстайна. И.Валлерстайн в своей работе «Мировая экономическая система», написанной с

неомарксистких позиций, рассматривает глобализацию как новую стадию в развитии капитализма, как новую стратегию подчинения одних стран другими».[1]

Сегодня существует несколько трактовок понятия «глобализация», данных в различных теориях и доктринах. Существуют, помимо указанного неомарксистского подхода, транснациональные, либеральные, социалистические, социал-демократические, националистические, национально-освободительные и иные концепции глобализации.

Наиболее распространенным сегодня является транснациональный подход, разработанный исследователями, связанными с транснациональными корпорациями (ТНК). В рамках данного подхода глобализация определяется как «новое качество рыночной демократической системы», когда основная власть в экономике, политике и даже духовной жизни переходит к «глобальным игрокам», способным прямо или косвенно подчинять своему влиянию национальные государства, экономики, социальную, политическую и культурную жизнь народов, а так же международные организации. В число основных глобальных игроков входят: ТНК; наднациональные межгосударственные институты (ВТО, МВФ, МБ); ряд национальных государств (США и другие страны «большой семерки»). В результате следует говорить о формировании нового мирового порядка, где основная власть принадлежит объективно и во многом стихийно сложившейся «глобальной номенклатуре».[2] Именно этот новый мировой порядок, называемый глобализацией формирует систему отношений, в которых слабые страны (в т.ч. Россия) оказываются в подчиненном положении.

П.Ратленд, американский профессор, предлагает иной взгляд. Он считает, что «глобализация сосредоточена на интеграции в реальном времени. Её суть составляет революция в технологии средств связи, которая отменяет историческое время, а в некоторой степени и пространство».[3] Глобализация пришла на смену модернизации и имеет следующие ключевые черты:

1. Революция в информационных технологиях.
2. Экономическая революция (плавающие обменные курсы; снижение торговых барьеров; «зеленая революция» в сельском хозяйстве; дешевая энергия; ускоренное развитие сектора услуг; по-

ощрение ТНК; ослабление регулирующей роли правительства в национальной экономике).

3. Триумф либеральной демократии. Глобальная эра подразумевает также отход от коммунистической альтернативы и победу либерально-демократических ценностей.

4. Горизонтальные связи. Глобализация не сводится к унифицированной культуре и не исходит из единого источника. Однако все еще сохраняется большой разрыв между странами, которые выступают преимущественно генераторами глобальной культуры, в противоположность ее потребителям.

5. Поляризация мира. Неравенство одна из ярких черт и следствие глобализации. Возник разрыв между странами, находящимися на переднем крае глобализации, и теми, которые по существу остаются и оказываются исключенными из глобальной системы.

Каждая из таких концепций непосредственно связана с социальными интересами тех сил, на вооружении которых она находится. Важно отметить, что в российском обществоведении официальные неолиберальные подходы, продвигаемые на Западе, принимаются за некую общемировую теорию глобализации. Но также существуют другие точки зрения на содержание понятия «глобализация».

В.П.Кутылгин, руководитель Центра Института социально-политических исследований РАН, определяет глобализацию как тенденцию, процессы, основной чертой которых является связывание различных стран в некое единое мировое целое в социальной, политической, экономической, культурной областях.

Ю.Тютюнник из НАН Украины определяет глобализацию с геополитической точки зрения как территориальную организацию мирового сообщества на внешнегосударственной основе. Экспансия вовне, завоевания, «расширение жизненных пространств», «покорение народов», выполнение цивилизаторских миссий, - было свойственно фазе развития, которая называется «исторической», субстратом которой является Государство (в отличие от «доисторической»). Глобализацию, следовательно, следует считать «концом истории»: оттеснение с исторической арены национального государства, возможно отождествить с окончанием исторического времени, понимаемого как противоположность времени доисторическому.[4]

Учитывая выше указанные дефиниции, определим глобализацию как всеобщую мировую взаимозависимость стран, предприятий и

людей в рамках открытой системы финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на базе современных коммуникационных и информационных технологий.

Имеется существенный момент. В ходе глобализации совершается один из важнейших поворотов в истории мирового сообщества – девальвация государства. Государство из «всевластного и суверенного вершителя судеб своей экономики» превратилось в «одно из звеньев все более усложняющегося многоярусного механизма, регулирующего глобальные экономические и другие отношения».[5]

Ещё один важный момент: «Действительно ли глобализация в достаточной мере глобальный процесс?» Очевидно, что данный процесс коснулся в полной мере лишь таких областей, как мировые информационные сети, банковско-финансовая сфера, деятельность ТНК, а в geopolитическом плане ограничился лишь ореолом развитых стран.

Другой серьезный вопрос, в том кто стоит «у руля глобальной экономики»? В поисках регулирующего мирохозяйственные связи механизма часть экономического сообщества пришла к идее, суть которой выражается лозунгом «Глобальное управление без глобального правительства» («Global governance, not global government»). А если глобальная экономика носит спонтанный характер, то это может вызвать ряд нежелательных следствий. Данное обстоятельство ставит перед человечеством беспрецедентную задачу – найти принципиально новые механизмы регулирования глобальной экономики.

Уже сегодня под вопрос ставится сохранение национальных культур в будущем, возникновение массового стандарта культуры.

Необходимо признать тот факт, что процесс глобализации является неизбежной и важнейшей тенденцией развития современного мира, его экономики и международных экономических отношений. Будущее стран и наций сегодня зависит от того, насколько они сумеют воспользоваться преимуществами и сгладить недостатки данного процесса.

В тоже время в World Vision's Discussion указывается, что глобализация в её нынешнем виде – всего лишь «складывающаяся система, переживающая переходный период, который займет минимум 10-15 лет» и не следует рассматривать эту систему как раз и навсегда данную.[6]

Литература

1. В.П.Култыгин. Незападные концепции глобализации // Личность. Культура. Общество., Т4, вып.1-2 (11-12), 2002г, стр.80.
2. А.В.Бузгалин. Глобализация, антиглобалистское движение и Россия //Альтернативы, №4, 2001г, стр.5.
3. П.Ратленд. Глобализация и посткоммунизм // МЭМО, №4, 2002г, стр.37.
4. Ю.Тютюнник. Антиглобализм и тоталлогия // Альтернативы, №4, 2001г, стр.53.
5. Ю.К.Шишков. Внешнеэкономические связи в 20 веке // МЭМО, №8, 2001г., стр.46.
6. И.Н.Фалинский. Экономическая глобализация: основа, компоненты, противоречия, вызовы для России // РЭЖ, №10, 2000г., стр.29.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕКТОЛОГИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ **С. В. Костов**

Среди гуманитариев широко распространено мнение, что в историческом изучении невозможны теоретические обобщения. На Западе история появления такой точки зрения восходит еще к В. Дильтею, В. Вильдебранту и Г. Риккерту, разделившим всю научную сферу на идиографические науки о культуре с индивидуализирующими и понимающими методами и номотетические науки о природе с генерализующими и объясняющими методами. Базовым аргументом в пользу такого разграничения является утверждение, что уникальность исторических явлений исключает всякую возможность применения общих теорий. Однако номотетическая экспансия в заповедную идиографическую зону привела к последовательному отторжению целого ряда ранее свободных от теоретизирования наук. Когда же наступила очередь истории, то в идиографическую ее защиту выступил К. Поппер, категорично заявивший, что «теоретическая история невозможна» ни в объясняющей ипо-

стаси, поскольку вообще не существует никаких законов исторического развития, ни в предсказывающей ипостаси, поскольку в принципе «невозможна теория исторического развития, основываясь на которой, можно было бы заниматься историческим предсказанием»[1]. Таким образом, западная научная мысль, если, разумеется, считать Поппера выразителем ее общего умонастроения, опять вернулась к концепции стихийного исторического развития, не зависимого от целей человечества, роль которого сводится лишь к пошаговым реакциям на вызовы истории.

Более оптимистична в этом смысле отечественная научная мысль, которая, проделав стремительный эволюционный путь от «истории культуры» и «исторической социологии» В.О. Ключевского [2] до тектологии А.А. Богданова, еще в начале XX в. положительно ответила на все вопросы относительно теоретической истории и, в частности, на вопросы, поставленные полвека спустя Поппером.

Анализ всего эмпирического универсума, накопленного человечеством, позволил Богданову сделать фундаментальный по своему общенаучному значению вывод: все процессы в мире — организационные. Обобщение этого опыта в виде выявленных единых закономерностей протекания и взаимосвязи всех без исключения организационных процессов дало возможность Богданову не только свести любые научные исследования к всеобщей точке зрения — организационной, но и создать в качестве универсальной методологии всеобщую организационную науку — тектологию. Именно исключительная универсальность познавательных и практических возможностей тектологии позволяет возвести ее как всеобщую «модель постановки проблем и их решений» [3] не просто в ранг научной парадигмы, удовлетворяющей определению Т. Куна, а в ранг общенаучной, т.е. метанаучной, парадигмы. А поскольку теоретическая история «охватывает все, что касается приложения теорий и теоретических методов к познанию исторической действительности»[4], то именно в тектологии она не только находит свое научное обоснование, утверждаясь окончательно с ее помощью как наука, но и в ее же методологии обретает широкие теоретические перспективы.

С позиции всеобщей науки тектология легко разрушает всю аргументацию Поппера против самой возможности теоретической

истории и с такой же легкостью, как и теория тяготения, выдерживает испытание на фальсифицируемость, поскольку во всем доступном человечеству эмпирическом универсуме нет ни одного факта, опровергающего основной постулат тектологии о том, что все процессы в мире — организационные. Что же касается множества таких «аномалий», как, например, гибель индейских цивилизаций, распад СССР или разрушительная деятельность революций, то, если рассматривать их обособленно, эти процессы вроде бы дезорганизационные. Но это только на первый взгляд, т.к. в действительности и они есть результат столкновения разных организационных процессов: «если общество, классы, группы разрушительно сталкиваются, дезорганизуют друг друга, то именно потому, что каждый такой коллектив стремится организовать мир и человечество для себя, по-своему», т.е. «это борьба организационных форм»[5]. Но поскольку любые исторические процессы есть организационные, то законы протекания и тех, и других единые. Таким образом, отрицаемые Поппером законы исторического развития все же существуют и являются по своей сути тектологическими.

С точки зрения Поппера история человечества — это уникальный процесс, но с организационной точки зрения он мало чем отличается от роста и деления дождевой капли: первый — это сложный самоорганизационный процесс, представляющий собой суперпозицию параллельно протекающих, взаимосвязанных и в различной степени самоуправляемых процессов; а второй — элементарный организационный и полностью управляемый извне процесс. Если роль человеческой деятельности с точки зрения Поппера незначительна, то с организационной точки зрения она велика и постоянно растет с освоением организационного человеческого опыта: знание, что при конкретных условиях вполне определенная причина вызовет вполне определенное следствие, дает возможность человеку так изменять условия, чтобы эта же причина вызвала другое, но уже нужное ему следствие. Рассматривая любой исторический процесс прежде всего как организационный, тектологический подход позволяет не только понять и объяснить его, но в определенных пределах и скорректировать, и предсказать дальнейшее его развитие.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что тектология Боданова, синтезируя организационный опыт всего человечества, предоставляет ему не только универсальную точку зрения на при-

родные и общественные процессы, но и позволяет специалистам любой области знания проводить свои исследования в единых методологических координатах. Относительно же теоретической истории следует отметить, что в силу всего вышесказанного научные исследования в рамках парадигмы Богданова открывают перед историками неограниченные когнитивные, практические и прогностические перспективы.

Литература

1. Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 5.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987-1990. Т. 1. С. 34-35.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11.
4. Розов Н.С. Теоретическая история — место в социальном познании, принципы и проблематика // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 140.
5. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. М., 1989. Кн. 1. С. 71.

ИСТОРИЗМ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ **М. Н. Чистанов**

Проблема выделения предмета философии истории не раз ставилась в европейской философской традиции еще со времен Просвещения. Грубо говоря, сама эта проблема сводится к сакрментальному вопросу: «Что есть история?» Вопрос этот приобрел особую остроту в ситуации, которую именуют «концом метафизики», поскольку одновременно это означало и отказ от концепта мировой истории как процесса. По образному выражению В.Н. Сырова: «Закат Европы» О. Шпенглера одновременно сигнализирует и о закате классической европейской философии истории [1. 376-392]. Однако кризис метафизики вовсе не означал полного забвения философско-исторической проблематики. Наоборот, вопрос о специфике истории и историзма как формы сознания стал еще более важным, ведь

теперь на карту был поставлен вопрос о статусе истории как науки. В этой связи не лишена интереса позиция, занимаемая по данной проблеме Г.Г. Шпетом.

Понятно, что в рамках исповедуемого Густавом Густавовичем подхода классическая философия истории не могла не быть при-числена к столь ненавистной ему кантианской традиции и, как следствие, не могла избежать обвинений в психологизме. И в самом деле, «кенигсбергский Коперник», переведя основную линию философствования в русло гносеологии, уводит историю из сферы вне положенного в сферу полагаемого, фактически выводя ее за рамки действительного. Такого рода положение вещей, безусловно, не устраивает ни Шпета, ни его учителя Гуссерля, предпринимающих крестовый поход в котором роль «гроба Господня» играют «сами вещи», в частности, «сама история». Как пишет сам Шпет: «[Философия истории] единственно возможна не как логика исторической науки, а как философия исторической действительности, причем проблема самой действительности и есть первая проблема философии истории» [2; 574].

История здесь, естественно, является идеальным объектом, «тем, что действительно дано». В таком случае, традиционная теоретическая философия истории неизбежно оказывается «по эту сторону», а предмет такой философии истории является метафизической проекцией истории в собственном смысле. Наверное и такая философия истории имеет право на существование, но лишь постольку, поскольку «господь любит чудесное многообразие». Собственно главный фокус интереса Шпета лежит не здесь, но «по ту сторону», в сфере интуитивного содержания восприятия истории, поскольку теоретическое рассмотрение с необходимостью вторично по отношению к нему.

Справедливости ради, следует еще раз оговориться, что и тот и другой смыслы философии истории признаются Шпетом, более того, признается в какой-то мере их единство: «Это до известной степени искусственно выделенная область в до-теоретическом изучении, до-научном, или пред-научном вместе с областью метафизического, после-научного, и составляет целое философии истории. Таким образом, история как наука, обращенная к той же действительности, составляет как бы некоторое «между» по отношению к обеим частям философии истории» [2; 575].

Тем не менее, как уже говорилось, второй смысл философии истории является лишь производным от первого и может претендовать только на роль служебной, технической дисциплины, ни в коей мере не заменяющей философии истории в первом, подлинном смысле. Соответственно, предпринимать исследования второго рода, не разрешив проблему в основе, не имеет большого смысла. Тем не менее, при попытке построения философии истории как основной науки неизбежно возникают серьезные затруднения.

Наибольшей проблемой здесь становится проблема социального (та же самая проблема, которая у Гуссерля обозначена как проблема интерсубъективности). И в самом деле, дабы избежать обвинений в «замыкании на субъект» и, соответственно, не сделать философско-историческую сферу областью чистой гносеологии совершенно необходиым кажется шаг в направлении другого субъекта. Данный шаг декларируется самим Шпетом как единственно возможный путь. Тем самым фундируется совершенно новое предметное поле философии истории, поле социальной онтологии (в рамках феноменологического подхода). Справедливости ради следует отметить, что столь многообещающее начинание не было завершено в силу известных причин. Тем не менее, представляется возможным дальнейшее развитие данного направления.

Литература

1. Сыров В.Н. Расцвет и закат европейской философии истории. – Томск: Курсив, 1997. – 387 с.
2. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. В двух частях. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 1168 с.

КОНЦЕПЦИЯ П.БУРДЬЕ КАК НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ **Е. П. Дробышева**

Пьер Бурдье один из и наиболее известных современных социологов. Его концептуальные построения имеют тщательно разрабо-

тannую философскую основу, детальную теоретическую проработку, собственную методологию и эмпирическое обоснование. Бурдье создает универсальную концептуальную теорию, действующую и на локальном и на глобальном уровне. Изучение методологии предложенной Бурдье и сделанных им выводов представляется сегодня актуальным и перспективным. Основанные на ней описания социальной реальности позволяет дать новую интерпретацию про-исходящему в области политики, культуры, науки и т.д. Отметим так же то обстоятельство, что концепция Бурдье интегрировала многие из положений, разработанных в рамках постмодернистко-постструктуралистского комплекса. Однако, если последний всегда упрекали в нестрогости, условности., то социологические концепции Бурдье представляет из себя образец строгого научного по-строения.

В основании концепции лежит утверждение о том, что при рас-смотрении социальной реальности необходимо отказаться от про-тивопоставления объективистского и субъективистского подхода (физикализма и психологизма) в пользу третьего соединяющего их. Первый рассматривает «социальные факты как вещи» [1] и сосре-доточен на поиске объективных структур и их изучении, второй сводит социальный мир к представлениям о нем, конструируемым самими агентами . Подход предложенный Бурдье предполагает со-четание первого и второго. «С одной стороны, объективные струк-туры ... лежат в основе субъективных их представлений агентов и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены ес-ли хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной борьбе, нацеленной на трансформацию или со-хранение объективных структур»[2].

«Социальная реальность» в концепции Бурдье есть ансамбль не-видимых связей формирующих пространство позиций определяе-мых через друг друга по близости или дистанции, а также по отно-сительной позиции[3].

Социальное пространство конструируется из нескольких полей (экономического, символического, интеллектуального и т.д.) каж-дое из которых есть система объективных связей между позициями. В каждом поле существует свой специфический капитал, властные отношения, набор специфических стратегий и интересов. Оно есть

поле сил и в то же время поле борьбы которая направлена на трансформацию или сохранение установленного соотношения сил в которые неизбежно включены агенты. На деле в их основе лежит очень своеобразный тип капитала (экономического, символического, «интеллектуального») являющегося одновременно и инструментом, и ставкой конкурентной борьбы в поле. Именно позиция в поле определяет представления и деятельностные стратегии агента. В каждом из полей ведется постоянная символическая борьба за «производство здравого смысла» или за монополию на легитимное видение мира.

В политическом поле одним из важнейших видов капитала является способность легитимации тех или иных политических действий. Он необходим как социальным группам и агентам, заинтересованным в сохранении статус-кво, так и стремящимся к социальным и политическим изменениям. В интеллектуальном, в частности в научном, пространстве этот процесс приобретает характер борьбы за право «обладания истинной».

Бурдье отказывается от идеалистических представлений о науке которые приписывают ей способность развиваться в соответствии с имманентной ей логикой, от разграничения между сугубо научными и сугубо социальными определениями практиками различия внутреннего и внешнего (т.е. политически и социально обусловленного) интереса направляющего ученого.

Научное поле, в концепции Бурдье, будучи «местом политической борьбы за научное доминирование, предписывает каждому исследователю, в зависимости от занимаемой им позиции, политические и, одновременно, научные проблемы и методы, эти научные стратегии, которые являются в то же время политическими стратегиями»[4].

Бурдье выносит новое понимание в развитие социологии знания, о взаимоотношении интеллектуальных, культурных и политических практик. Он настаивает на изменения представления о сути знания и вопреки сложившимся представлениям превращает «социологию знания» в «социологию истины».

Литература

1. П. Бурдье. Начала. М., 1994., стр. 183.

2. П. Бурдье. Начала. М., 1994., стр. 185.
3. П. Бурдье. Практический смысл. С-Пб., 2001., стр. 183.
4. П. Бурдье. Поле науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. СПб.: 2002.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО

М. Р. Зазулина

Проблема оснований социального порядка является, пожалуй, одной из самых важных в творчестве Фуко, и на протяжении всего своего творчества он так или иначе обращается к ней. Для Фуко социальное может существовать только как некоторая упорядоченность, говорить о социальном порядке – значит говорить о том, как мы можем мыслить социальный порядок.

С этой проблемой Фуко сталкивается уже в период разработки археологии и решать ее он пытается за рамками структуралистского анализа. Согласно структурализму индивидуальная речь (*parole*) может существовать только в пределах уже составленной системы знаков (*langue*). Знак не имеет никакого значения сам по себе; он становится значащим только в дифференциальном отношении к тотальной означающей структуре. Но эта мысль о полной структуре выявляет критическое противоречие в пределах структуралистской аксиоматики. Так, если значение знака производится игрой структурного различия, то эта дифференциальная игра должна также конституировать систему или тотальность, которая сама стремится объяснить эту игру. Постструктуралистская критика возникает из понимания того, что каждая означающая структура произведена игрой различий, которые никогда не могут быть оценены или объяснены изнутри самой системы. Вместо этого, означающая структура всегда должна основываться на некоторой детерминации которая, в силу того, что она производит текст, не может быть исчерпывающе знаема самим текстом.

Для Фуко эта проблема заключается в том, что в пределах нашего языкового сообщества и с помощью тех произвольных языковых

практик, которые стали нашей второй природой, мы не в состоянии замечать способ, которым мы конституируем то о чем мы говорим (предмет высказывания). Не зная этого способа, не рефлексируя его, мы группируем различные объекты в единства и таким образом конституируем наши объекты. Таким образом проблема оснований социального порядка - это проблема способа которым мы конституируем то о чем говорим, а также проблема того как находясь в структуре мы можем ее мыслить.

Для Фуко контекст решения этой проблемы задается, прежде всего, Кантом и Гуссерлем. Во-первых, в социально-историческое исследование Фуко привносит технику феноменологического созерцания. Для Гуссерля единичное восприятие невозможно, поскольку оно всегда существует на фоне горизонта; поэтому предметом феноменологии может быть только поток восприятий. Для Фуко дискурс всегда функционирует на фоне дискурсивного поля и поэтому, как показали Дрейфус и Рабиноу, предметом исследования является «дискурсивный фон». Основная задача как археологии, так и генеалогии Фуко формулируется на языке гуссерлевской феноменологии: чистое описание группировок событий в общем пространстве дискурса, представление «чистого опыта порядка» или установление специфической области, образуемой отношениями власти.

Но Фуко предлагает опереться не на декартовско-гуссерлевскую данность сознания самому себе, а на что-то явно неустойчивое, скользящее, что преследует самое мышление мыслящее себя, на некую тень Двойника (Ницше), на немыслимое (Хайдеггер), - опереться на то, что не может быть опорой ни в экзистенциальном, ни в онтологическом смысле. Из описания выпадает синтетическое основание традиционной истории и социального познания – сознание, временной ряд и вообще схема последовательности каузально связанных событий.

Взамен учреждается новое основание синтеза, в качестве которого выступает полученная (и с самого начала предполагаемая) собственная упорядоченность горизонта дискурса. Значение любого дискурса или формы власти устанавливается через отнесение к схеме синхронного ей горизонта, который мыслится как порождающий, то есть производящий значения. Горизонт не является единственным или универсальным и может быть отнесен к схеме другого синхронного горизонта, производящего иное значение дискурса или

иную форму власти. В то же время он является внутренне неоднородным и прерывистым. То есть Фуко мыслит горизонт как исторически априорный - включающий те исторически изменяющиеся структуры, которые определяют условия возможности мнений, теорий или даже наук в каждый исторический период. В работе «Слова и вещи» Фуко называет их "эпистемами". Эпистемы – это основные способы конструирования предметности, возникающей в корреляции между сознанием и миром. Они являются всеобщими лишь в рамках конкретного исторического периода, независимы от эмпирического опыта, от развития науки и общества и сами их детерминируют. Работа Фуко выступает историзированным раскрытием кантовской априорности так как раскрывает функционирование бессознательных механизмов, которые являются коллективными, историчными, обладающими имманентной рациональностью и являются скрытым механизмом сознательных знаковых систем.

Стратегию объяснения, которую осуществляет Фуко можно охарактеризовать как кантианство «второго приближения», она преодолевает классическую репрезентацию, источником которой является трансцендентальное Эго и высвобождает «язык, волю, жизнь», что способствует построению новых метафизик, сводящихся к попыткам онтологизировать сознание и язык.

Схема социального объяснения размещается внутри социальной логики: порождающий горизонт выступает основанием социального порядка, причем основанием не трансцендентным, а имманентным социальному порядку, поскольку как чистое пространство опыта оно конституируется совокупностью всех дискурсивных и недискурсивных практик наличных в данный период (то что Фуко называет «язык» и «свет») и определяющих возможную конфигурацию социальной организации.

Проблема выявления оснований социального порядка сводиться к выявлению внутреннего порядка этого горизонта. Сам горизонт определяется через оппозиции: слова-вещи, знание-власть, сеть властных отношений-социальное тело, формы сексуальности-дискурс власти и т. д. Внутренний порядок горизонта раскрывается через отнесение элементов одного полюса к элементам другого.

Постулируя исторически априорный характер порождающего горизонта Фуко постулирует тем самым что общество не имеет внеположенных ему оснований и что основания социального по-

рядка общества не являются универсальными, а исторически преходящими.

СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЯ И ДИСКУРС ВЛАСТИ

Н. А. Грозина

1. Две модели властных отношений.

В настоящее время существуют два основных подхода к анализу власти. Первый, имеющий длительную историю своего развития, условно можно назвать марксо-веберовским, это централизованное понимание власти. В теории Маркса власть сконцентрирована в руках правящего класса, а в работах Вебера сосредоточена в государственных институтах, имеющих легитимную монополию на проявление силы. Возможные комбинации и вариации этих подходов сути дела не меняют – во всех них устанавливается держатель власти, которая рассматривается как чисто идеологический, подконтрольный разуму феномен, и направление ее действия.

Второй подход сложился уже в XX веке – это неклассические философские версии децентрализованной диффузной власти. С первым наброском такого подхода выступил Ницше. Безличная сила "воли к власти" лежит, по Ницше, в основании существования и познания мира. Идеи Ницше были восприняты и развиты современной французской философией, особенно в работах Мишеля Фуко. В этих работах он показывает, что такие учреждения как тюрьмы, клиники и психиатрической лечебницы, кажущиеся современному человеку от века данными и совершенно естественными, формировались при определенных социальных отношениях и в определенных структурах власти и в то же время сами формировали определенные типы знания и власти, столь тесно связанные и взаимообусловленные, что Фуко вводит специальный термин "Власть-знание".

Исследуя комплексы "Власти-знания", Фуко рассматривает "структуры власти" как принципиально децентрированные образования, специфика которых в том, что они – "везде". Специфика понимания "власти" у Фуко заключается прежде всего в том, что она проявляется как власть различных взаимодействующих "научных

дискурсов" над сознанием человека. Дискурс здесь выступает как способ говорить о той или иной теме на определенном языке, как способ конструирования некоторого взгляда на проблему задает и саму проблему. Иными словами, через описание реальности дискурс влияет на саму реальность.

Таким образом, сегодня эти две главных модели понимания власти существуют одновременно, они описывают разные стороны властных отношений.

2. Мифотворчество и массовое сознание

Взрослый человек, безусловно, способен рефлексировать свой опыт в формально-логическом мышлении. Но рациональная обработка материала производится далеко не для всех сфер опыта и касается, прежде всего, сферы профессиональной деятельности. В области непрофессиональной деятельности, дотеоретическое мифологическое мышление сохраняет свою силу: сюда входит личная жизнь, политика, общество и т.п.

Кассирер, объясняя необходимость мифа, писал, что миф – одна из символических функций (наряду с наукой, искусством, религией, языком), имманентных человеку. Там, где рассудок ищет сложности, миф обобщает опыт непосредственно, просто, нерефлексивно.

Действенная сила мифа была известна еще Платону. Использование мифов в политике по Платону – это использование эмоциональных переживаний в противовес рациональным идеям, доступным и интересным не всякому. Причем политический миф не отделен от мифа как такового, политическая функция мифа возникает лишь применительно к условиям его использования. Таким образом, уже в древности упомянутый к месту или сконструированный мифосюжет мог быть инструментом манипулирования общественным сознанием.

Целью такой манипуляции может являться либо конкретный, непосредственный результат, либо формирование устойчивого общественного мнения по тому или иному вопросу. В наше время существующие институты формирования общественного мнения, получая социальный заказ, занимаются сознательным конструированием мифов, используя фундаментальные архетипические структуры человеческого сознания.

Символы и архетипы преднамеренно создать невозможно, но их можно использовать. Описывая механизм формирования искусств-

венных мифов, Р.Барт описывает свободные скачки с одних смысловых рядов на другие, полное слияние означающего и означаемого и т.д. Задача мифа, по Барту, заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных. Внешний мир поставляет мифу некоторую историческую реальность, которая была произведена и использована людьми. Миф же, утверждает Барт, придает этой реальности видимость естественности. По Лосеву так же, миф – фундаментальная форма строения реальности, со своей собственной истинностью, достоверностью и структурой.

3. Мифы "политические" и "социальные"

Со времен классической мифологии миф конструировал режим человеческого бытия. Он не просто отображал действительность, а посредством этого отображения активно вводил в социальную жизнь определенные социальные нормы и ориентиры, формирующие основы жизни социальных групп, обеспечивая координацию восприятия и поведения разрозненных индивидов.

Возвращаясь к двум концепциям власти, можно сказать, что центрированная власть в соответствии со своими чаще всего *сиюминутными целями* через свои институты *сознательно* создает и запускает в массовое сознание *конкретные* специально сконструированные мифы, которые можно назвать "политическими". Сюда же условно можно отнести мифы, формирующие потребности в тех или иных товарах и услугах складывающие мозаичную картину общества потребления.

В диффузной концепции, власть для Фуко – не ресурс, принадлежащий индивидам или группам, она воплощена не в государстве, а в повседневной деятельности и в социальных отношениях. Фактически понятие "власти" у Фуко не совпадает с понятием "социальной власти", это действительно "метафизический принцип", который по своей природе *неуправляем сознательно*. Но именно в этой сфере происходит формирование *общих* представлений о пределах нормы и отклонения. И именно таким образом формируется идентичность человека, заставляющая его следовать социальным стандартам, при этом происхождение норм неосознаваемо, и они кажутся самоочевидными. Символическая классификация людей относительно заданной нормы способствует реальному воспроизведству структурированного социального неравенства. Таким образом,

власть функционирует, структурируя для индивидов поле выбора, решений и практики.

Говоря словами Фуко, "Я" есть продукт определенной совокупности пересекающихся и налагающихся дискурсов и практик. Находя свое воплощение в "социальных" мифах, эти практики попадают в область бессознательного некритического восприятия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как центрированный, так и децентрированный тип власти порождают свою соответствующую мифологию как различные виды дискурсивной практики.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. В. Зайцева

В последние годы в мире наблюдается повышение интереса обществоведов к проблематике, обозначаемой понятием «политическая культура». Мы понимаем политическую культуру как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых ценностей, установок, убеждений, проявляющихся в деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизведение политической жизни общества на основе преемственности. Характер взаимосвязи государства и общества, формирование и функционирование политических институтов в немалой степени зависят от существующей политической культуры. Для более целостного понимания ее места и роли в функционировании и развитии политической системы необходимо выявить социально-философские (онтологические, гносеологические, аксиологические) основания изучения данной проблематики.

Необходимой частью социально-философского исследования является разработка онтологического аспекта. Мы исходим из представления о четырех сферах бытия социально-исторической реальности, связанных между собой и образующих целостную социальную онтологию. В каждой из сфер работают собственные закономерности, поэтому, приступая к исследованию сложного комплексного объекта, необходимо изучить его в рамках каждой из сфер, а

потом результаты синтезировать. Для характеристики политической культуры, которую в широком смысле можно обозначить как совокупность культурных ценностей, имеющих политическую окраску, наибольшее значение имеют целостности «культуросферы», с которыми люди сообразуют свою деятельность. Благодаря системе образцов сознания и поведения, которые передаются из поколения в поколение и обеспечивают все сферы процессов, связанных с деятельностью людей, культура является необходимым условием функционирования политической системы. Благодаря особенности образцов транслироваться из поколения в поколение и достигается определенный способ социальной организации. Человеческое общество приобретает все новый опыт, который либо совпадает с предыдущим, либо противоречит ему. Одни элементы опыта укрепляют сложившиеся представления обо всей совокупности общественных отношений, другие – изменяют их. В связи с этим необходимо отличать относительно постоянный субстрат политической культуры (элементы «культуросферы», которые передаются независимо от индивидов и остаются неизменными в течение длительного времени) и переменный компонент (установки, ориентации, оценки, представления людей, принадлежащие «психосфере»).

Индивиды и социальные институты выступают носителями систем ценностей, которые входят в структуры других сфер, тем самым обеспечивая их деятельность. Ценности при взаимодействии со сложившимися социальными структурами и отношениями могут определять тип социально-экономического и политического устройства государства, поэтому разработка аксиологического аспекта изучения политической культуры является важной частью целостного исследования. Необходимо поставить вопрос: оправдан ли ценностно-нейтральный подход к изучению политической культуры, и до каких пределов? Одной крайностью является полный релятивизм, построенный на тезисе об отсутствии каких-либо внешних критериев оценки ввиду качественной нестабильности явлений, их зависимости от различных условий и ситуаций. Тезис релятивизма – историческая изменчивость любой ценностной системы, культурной традиции, что продолжает традицию скептицизма. Другая крайность – когда одной идеи приписывается абсолютная ценность, что приводит к ущемлению всех других ценностей. Так, западные авторы, основатели концепции политической культуры, настаивают

на необходимости проведения демократических ценностей в любом обществе. Подобная ситуация во многом обусловлена условиями возникновения данной концепции, поскольку политический (идеологический) заказ требовал разработки определенных идеальных образцов политических систем, в основе которых лежала бы модель политической системы США.

Специфика политической культуры состоит в том, что, представляя собой известные ценности, она в то же время сама приобретает характер ценности и тоже подлежит оценке. Поскольку многие попытки разбиения ценностей по важности страдают вмешательством идеологических и цивилизационных предпочтений, необходимо выработать критерии оценки политической культуры. Что значит «хорошая» политическая культура? Как с ее помощью можно оценить функционирование политической системы? Какие ценности самые значимые для всех цивилизаций? Для ответа на подобные вопросы необходимо уделить внимание одной из главных проблем философии – гносеологической, чтобы выявить правомерные подходы, методы и средства познания. Для наиболее адекватного познания политической культуры, построения теоретических конструкций и моделей, необходимо определиться, основываясь на каких познавательных принципах мы сможем открывать неизвестные до этого закономерности. Обратившись к истории социальных, исторических и гуманитарных наук можно выделить два основных подхода к познанию социальной реальности – идиографический (описательный, традиционно-исторический) и номотетический (основанный на законах, социологический), которые обычно рассматриваются как противоречащие. Но результаты, полученные путем описания и интерпретации, можно и нужно использовать для построения оснований понятий и выявления закономерностей развития и функционирования объектов. В этом перспектива синтеза идиографического и номотетического подходов в целях формирования более адекватной реальности политической культуры как целостной системы, обеспечивающей воспроизведение политической жизни на основе исторической преемственности.

Все эти пока еще не решенные проблемы указывают на то, что без надлежащего внимания к философским основаниям изучения политической культуры невозможно составить адекватное пред-

ставление о ее сущности, следовательно, и о политических реалиях и процессах в целом.

Философские вопросы образования и культуры

К ПОСТРОЕНИЮ КОНЦЕПЦИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ **М. Ю. Немцев**

1. Эволюционная культурология - новый подход в культурологических исследованиях, закономерно возникающий в современной социальной науке как применение объяснительных принципов эволюционной теории для объяснения происходящих в культуре процессов. Он генетически связан с такими современными квазиэволюционными учениями, как эволюционная эпистемология (Поппер, Кэмпбелл) и меметика (Докинз) (1), и становится еще одним направлением исследований, ведущих к Универсальной Истории. Для становления эволюционной культурологии как самостоятельной научной дисциплины, необходимо выделение особого предмета исследований. В случае с культурологическим знанием необходимо ввести основные понятия, позволяющие применять к данному материалу эволюционные концепции. Важной проблемой является степень независимости культурных процессов от социальных процессов: если культурные изменения объяснимы социальными изменениями, нет необходимости в эволюционной культурологии как самостоятельном научном направлении.

2. Примем следующие общие определения основных понятий. Культура - всё, порожденное видовой способностью человека к осмысливанию и означиванию. *Homo sapiens* отличается от иных видов фундаментальной способностью, описанной Ж. Деррида как *differance* (2), а А. Пелипенко и И. Яковенко как (в их терминологии) "перманентный распад синкрезиса" (3); ее возникновение обусловило возможность развития языка, далее мышления и культуры как таковой. Человек создает/творит смыслы как особые сущности, которые невозможно определять в понятиях субъективного или объ-

ективного, и которые сочетают в себе 1) когнитивную информацию (сущностное знание "что это"), 2) нормативную информацию (необходимо возникающую в процессе совместной деятельности), 3) аксиологическую информацию. Л.Уайт называл эти сущности - предмет исследований культурологии - "символатами"(4). Принятое в современной науке определение "смысла" как выражения связи означающего (знака) и означаемого (значения), восходящее к Фреге (5), упрощенно и применимо только для анализа формализованных языков, кодов и т.п. В культурологии смыслы имеют онтологический статус.

3. Будем исходить из представления о трех фундаментальных практиках, в которые встроены любой индивид, общество и т.д. в своей жизнедеятельности:

А) Политическая практика – создание и поддержание коммуникативного пространства организации совместной деятельности; порождает социальную реальность, развивающуюся эволюционно;

Б) культурная практика – развитие и поддержание смыслов реальности, "второй природы"; порождает культурную реальность ("третий мир" Поппера);

В) Хозяйственная (экономическая) практика - обеспечение жизнедеятельности, порождает технику (которая в данном докладе не рассматривается).

Над индивидом надстроены созданные этими практиками структуры, которые можно рассматривать как отдельные реальности и которые "вложены" одна в другую.

4. Эволюция культуры определяется как качественное необратимое усложнение смысловых (семантико-семиотических) структур, продуктом которого в к независимых обществах становится возникновение структурно и функционально изоморфных структур и явлений («культурных универсалий»), происходящее под влиянием внешних (экологических и социальных) и собственно культурных факторов. Социальное является внешним («объемлющим») для культурного, и его динамика выступает как внешний фактор эволюции культуры (например, через механизм "двухэтапной детерминации" Р. Коллинза). В культурологии необходимо обращение к моделям эволюции, основанным на преемственной роли внутренних факторов изменчивости и развития (7); внешний отбор является достаточным, но не необходимым фактором эволюции куль-

туры. Внутренние факторы сводимы к аспектам (творческой) активности акторов – индивидов носителей, пользователей и производителей смыслов.

5. Для обоснования предмета ЭК примем периодизацию мировой истории, предложенную в концепции «осевого времени» (6). Все достаточно развитые общества в ходе социальной эволюции вступают в особый период формирования и институциализации «личности», т.е. фактически появления человека современного типа. Только для пост-осевых обществ возможно выделение культурной эволюции как автономного процесса. Культура обретает особый носитель – сообщество интеллектуалов, квазисоциальный институт, занятый расширенным воспроизведением смыслов. Его формирование необходимо происходит под воздействием следующих процессов: 1) усложнение социального разделения труда, ведущее к возникновению позиции профессионального носителя знания; 2) становление письменности как «экстериоризованной памяти», а вместе с ней – архива как ядерного носителя «Большой» культурной традиции; 3) массовое изменение сознания – феномен онтологического разрыва реального и трансцендентного миров, и в связи с этим – массовая потребность в метафизических концепциях (6); 4) институциализация носителей абстрактных обобщенных знаний, превращающих их в социально востребованные смыслы – формирование интеллектуальных сетей «Больших культур». Эти сети, сами являющиеся культурной универсалией, образуют особую структуру, динамика которой становится дополнительным важнейшим фактором эволюции культуры. Динамика сетей описывается эпистемологическими, социальными и антропологическими факторами.

Литература:

1. Эволюционная эпистемология Карла Поппера и логика социальных наук. М.: Эдиториал –УРСС, 2001; Розов С.В. Меметика и процессы эволюции культуры // Теория Социальных Эстафет: история – идеи – перспективы. Новосибирск: издательство НГУ, 1997. С. 291-316.
2. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance. Томск: Водолей, 1999.

3. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки Русской Культуры, 1998.
4. Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 17-48.
5. Фреге Г. Смысл и значение. www.philosophy.ru/library/frege/02/htm.
6. Айзенштадт Ш. «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий // Ориентация – поиск. Восток в теориях и гипотезах. М.: Наука, 1992. С. 42-62. Понятие «Большая культура» он заимствует у Э. Шилза.
7. В том различении, которое проводит, например, С.Л. Хайтун. См.: Хайтун С.Л. Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы Философии 2001, № 2, с.153.

ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА **В. А. Бойко**

Вопрос как форма мысли является себя субъекту познавательной активности в ситуации отчетливого соприкосновения с *отсутствием* знания. Факт отсутствия знания не просто неприемлем для разума, он отсылает разум в сферу всеобщего, этического. Отсутствие знания есть оскорбление, наносимое рациональному существу в средоточие его явленности миру. Долг разума – нанести ответный удар. Поединок предстоит нелегкий, но правом выбора оружия обладает обиженная сторона. Формулировка вопроса предназначена зафиксировать сложившуюся ситуацию, дать разуму возможность сбраться с силами и нанести своему антагонисту сокрушающий удар. Фактически от формулировки вопроса зависит исход поединка. «Правильный» вопрос – предвестник «правильного» ответа, т.е. успешного для разума разрешения скандальной ситуации.

Однако ареной сражения выступает сам разум. Вовлеченность в вопрос-ответные игрища позволяет разумному существу целенаправленно осуществить подмену ситуаций. Отраженное оружием разума величие незнания снимает остроту конфликта. Разум попа-

дает в «мертвую зону», где отсутствующее знание, представленное в качестве своего отражения, одновременно есть и не есть.

Согласно логике “здравого смысла” существование вопроса обусловлено существованием ответа. Великий человек, согласно “Книге перемен”, владеет правдой еще до гадания [1]. Правильный вопрос содержит в себе указание направления движения к сущности, предшествующей вопросу, вызвавшей существование вопроса. Правильный вопрос не может не иметь ответа, услышать вопрос означает начать двигаться к ответу. Вопрос служит условием *проявленности* ранее скрытой сущности. Окончательная форма проявленности того, что первоначально было скрыто - ответ. Поэтому именно понимание того, что такое ответ, с неизбежностью влечет за собой понимание того, что такое вопрос. Для обыденного сознания и мыслительных стратегий, обретающих в нем имплицитные основания, вопрос лишь воспроизводит, “копирует” ответ. Вопрос в контексте обыденного сознания, отмечал Ж.Делез, выступает как “нейтрализованный двойник предположения, полагаемого предсуществующим, которое может или должно служить ответом”, а во-прошающий - даже если он не знает ответа - убежден, “что ответ уже дан, что он по праву предсуществовал в другом сознании” [2].

Однако правильно ли мыслить вопрошение только лишь как условие проявления сущности ответа?

Если ответ и вопрос логически связаны, то они тавтологичны. «Предложения логики суть тавтологии, - утверждал Л.Витгенштейн, - Для ответа, который невозможно высказать, нельзя также высказать и вопрос. Тайны не существует. Если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно и ответить» [3]. Идеальный правильный вопрос, т.е. вопрос, приведенный к образцовому состоянию в согласии с логикой «здравого смысла», лишен самостоятельности. Он - не только условие, но, по сути своей, проявляющаяся сущность ответа. Совершенство идеального правильного вопроса состоит в том, что ответ на него требует минимальных усилий: смены интонации на речевом уровне и повторения на уровне ментальном. Идеальный правильный вопрос практически одновременно и есть ответ. С другой стороны, ответ, высказанный в форме, нетождественной «образцовому» вопросу, есть самоотрицание ответа. Повторение - характеристика ситуации, где отсутствующая сущность вопроса имитирует сущность ответа. Круг повтор-

рений, тавтологий, отражений есть «мертвая зона» разума, где сам разум одновременно присутствует и отсутствует.

Вернуть субъекту познания полноту его бытия, можно лишь утверждением самостоятельной сущности вопроса. Тогда цель во-прошания уже не должна сводится к поиску ответа, ибо сущность ответа не рассматривается как условие существования вопроса. Тавтология вопроса и ответа устраивается, когда отсутствуют их необходимая логическая взаимосвязь, однозначные правила вывода, экспликации ответа. При этом ответ утрачивает дарованную ему «здравым смыслом» способность вмещать в себя вопрос и преодолевать его. Вопрос становится самодостаточным явлением. Взаимо-отношения вопроса и ответа, избегая власти Логики, попадают в объятия Муз. А познавательная активность в своем стремлении преодолеть неведомое должна трансформироваться в творческую деятельность, т.е. *демонстрацию* неведомого, тайного. Этика и эстетика суть одно, - полагал Л.Витгенштейн, - это трансцендентальное, которое не поддается высказыванию, но показывает себя [4]. Поэтому философия, выступая в качестве средства самоутверждения разума, его проводника на путях поиска истины, обречена быть не теорией, но творческой работой, образом действий на грани разума и безумия.

История философии есть история борьбы разума с отсутствующим знанием. В максимально сжатом, конспективном виде история философия может быть представлена в виде философских вопросов. Высокая степень абстрактности этих вопросов не позволяет надеяться на их «устраниние» с помощью ответов, которые в силу своей отвлеченности не могут быть ничем иным как лишенными конкретного содержания банальностями. Самим фактом своего существования философия утверждает наличие самостоятельной сущности вопроса. Философские вопросы отсылают не к возможным ответам, а к «глубоко обеспокоенному разуму» (Фр.Вайсман), лирическому герою философских текстов.

Творческий характер философской деятельности предполагает свободу выбора способов выражений, связанных в единую систему понятий и образов. Однако философская система теряет всякий смысл, отрываясь от *переживания* породившего ее вопроса. В ответах своих подлинный философ неизбежно возвращается в стихию во-прошания. Философом ответ ценится как прояснение, коммен-

рий, расширенное толкование вопроса. А идеал философствования – Сократ – вообще не нуждается в «философских», т.е. адекватным его вопросам, ответах. Античный философ, высшая мудрость которого состоит в отказе от обладания мудростью, предстает последующим поколениям в образе человека, стремящегося находиться внутри вопроса и постоянно совершенствующегося в постановке вопроса. Сократ занят рассмотрением вопросов, он не желает расставаться с ними, менять «свое» (вопросы) на «чужое» (ответы). Причем «свое» – это не сформулированный вопрос, от ошибочных формулировок Сократ всегда готов отказаться. «Свое» философа – это еще не заданный вопрос, вопрос как интенция [5].

Когда философ дает ответ прежде, чем прекращает рассматривать вопрос, он обречен на ошибку, – провозглашал Фр. Вайсман. Защищая парадоксальный тезис, что «философ, желая избавиться от вопроса, не должен делать одной вещи: давать ответ», он считал возможным лишь «устранение» вопроса через прояснение значения слов, использованных при формулировке вопроса. Именно таким образом происходит «освобождение от чар», которыми околдовывает нас философский вопрос [6]. Но ведь речь идет всего лишь об «освобождении от чар» языка. Философ действительно желает избавиться от всегда бессмысленной формулировки своего вопроса, предопределяющей бессмысленность ответа. При этом осмысление вопроса ведет его от языка к источнику философствования, «пребывающему в вопросе» беспокойному разуму. Разуму, конституирующему себя через соотнесенность с существующим знанием. Разуму, бесконечно свободному в постановке вопросов, но добровольно ограничивающим себя позитивным знанием, расширяющимся и подвергающимся сомнению. Разуму, нуждающемуся в борьбе с равным себе противником. Ay!

Литература:

1. Щуцкий Ю.К. Китайская классическая “Книга перемен”. – М., 1993. – С.86.
2. Делез Ж. Различие и повторение. - СПб., 1998. - С.195.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Он же. Философские работы. – Часть I. – М., 1994. – С.58,72.
4. Там же. – С.70.

5. См. противопоставление Г.-Г. Гадамером вопрошания, которое «всегда уже содержится в ответе», и постановки вопроса, означающей «пребывание в вопросе, пока еще не заданном», «некое пребывание в том, что уже имеется до всякого ответа». (Гадамер Г.-Г. Диалектическая этика Платона: феноменологическая интерпретация «Филеба». – СПб., 2000. – С.122.)

6. Вайсман Фр. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. – М., СПб., 2001. - С.90,92.

КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ XXI ВЕКА

М. А. Абрамова

Современное общество все более и более становится единым целым. Философия глобалистики исходит из идеи целостности и единства планеты, населяющих ее живых существ и должна найти фундаментальные принципы человеческого бытия, исходя из которых, протекающие социоприродные процессы [1], стали бы способствовать достижению идеи целостного единения.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на еще одну тенденцию - усиление в обществе гуманистических идей. Гуманизм, характеризуя человека, означает, прежде всего, его человечность и апеллирует к значимости, самости личности, индивидуальности, к осуществлению индивидуально-личностного начала. Гуманистическое миропонимание связано с определенной системой ценностей и самоценностей, оно реализуется в отношениях человека к Природе, Обществу, Самому Себе. Антиподом гуманизму выступает насилие над личностью.

В философии глобалистики имеется два подхода к проблеме существования человека. Первый подход можно обозначить как **сциентистско-технократический**. Он рассматривает проблему человека утилитарно-прагматически, т.е. предполагает дальнейшее совершенствование человека путем развития в нем “новых качеств”. Такой подход развивается в рамках Римского клуба и был первым в историческом плане.

Второй подход возник как альтернатива первому. И хотя исторически он выглядит как более поздний, но, по сути, он более древний, ибо он исходит из сути самой философии. Этот подход предполагает вернуть человеку его подлинность, которая была утрачена в ходе его исторического развития. Основная идея второго подхода лежит в ответственности человека за все, т.е. за свое бытие. Это направление в глобалистике исходит из философии **экзистенциализма** [2].

В результате всего содеянного современный мир на исходе XX в. оказался исключительно сложным, в конечном счете, он столкнулся с проблемой выживания человечества. Перед лицом грозящих уничтожением опасностей человечество вынуждено будет пойти, и надеемся пойдет, по пути роста культуры, повышения образования, научного развития, укрепления здоровья (физического и духовного) и, следовательно, по пути установления и утверждения гуманизма, и миросозидания в обществе. Иного ему не дано, поскольку это движение к гибели. Знаменитый поэт писал:

Меняя реки, страны, города...Иные двери... Новые года...

А никуда нам от себя не деться. А если деться - только в никуда
(О. Хайям.)

Мировое сообщество в III тысячелетии ожидает либо монополисное движение с одним центром и подчинением всех стран и народов этому центру, либо поливариантное движение, но с внутренними и внешними конфликтами, войнами, агрессией, озлобленностью людей, либо новое, гуманистически ориентированное развитие - развитие в духе Ренессанса [3].

Гуманитарная культура возникает как результат и высшее проявление духовной, идеальной деятельности человека, она, пронизывая все уровни культурного организма, концентрируется вокруг идеальных, духовных основ человеческого бытия. М. Каган под гуманитарной культурой понимает тот «массив способов и плодов деятельности людей, который ориентирован экзистенциально, то есть, направлен на воплощение, утверждение и развитие человеческой духовности. В отличие от тех форм деятельности, которые, подобно науке и технике, экономике и способам социальной организации, имеют собственную логику существования и развития, независимо от того, благоприятны или враждебны человеку их достижения» [5].

В XXI веке мы являемся свидетелями и участниками формирования нового типа культуры, которая на основе выдающихся достижений всех предшествующих культурных эпох (культур геоцентрических, социоцентрических, техноцентрических и антропоцентрических, натуралистических, обогативших историю мировой культуры уникальным опытом) получает возможность обретения своей целостности. В связи с этим начинает все ярче проявляться ее культурную направленность. Федерико Майор, Генеральный директор ЮНЕСКО, отмечал, что "пришло время признать культуру непосредственной вдохновляющей силой развития, отвести ей центральную роль социального регулятора..." [6]. Таким образом, в конце XX - начале XXI века, человечество пришло к третьей концепции гуманитарного знания, которую можно озаглавить как культуроцентрическую.

Данная концепция гуманитарного знания позволяет снять противоречия между человеком и техникой, человеком и природой. Специфика методологии культурологического, социогуманитарного знания заключается в главенстве интегративных, синтезирующих тенденций. Целостное видение многомерно, позволяет уловить не только их последовательный, но и одновременный характер, когда в одном присутствует все: в миге — вечность, в точке — полнота бытия. Как говорил японский поэт Сэн-Цань (VII век): "Нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего—все в одном, одно во всем". Мир, возникший когда-то из точки, — сингулярен, он присутствует в каждой точке, и в этом основа его единства.

В современной науке все чаще разрабатываются темы на стыке дисциплин. Создание междисциплинарных учебных курсов, построенных на взаимодополнении естественнонаучной и гуманитарной картин мира [7], обусловлено новым видом гуманистического знания. «Пожалуй, в полный рост проблема диалога двух культур естественнонаучной и гуманитарной, встала в нашем веке. <...> "Физики" и "лирики" по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе» [8]. Обусловленные общим движением, в наши дни гуманитарные науки (science morales) и естествознание сближаются друг с другом, обретая надежность и возможность прогресса» [9].

Литература

1. Абдуллин А.Р. Основы глобалистики: Учебное пособие. Уфа, РИО БАГСУ, 1999. – С. 7
2. Глобализация как социальный процесс: возможности и перспективы // РЖ (сводный реферат) Социальные и гуманитарные науки. 1994. - № 3. С.39-54.
3. В.Т.Пуляев. О гуманизме, будущем России и социально-гуманитарном знании.
4. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика.- М.. Наука, 2002.- С. 258
5. Каган М.С.О понятии "гуманитарная культура и роли гуманитарности на современном этапе истории человечества // День науки в Санкт_Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: Матер. Конф. - СПб., 1996.- С. 98-101
6. Курьер Юнеско за 30 лет: Антология. С. 180.
7. Одним из практических способов решения данной проблемы является создание нового поколения учебников по курсу «Современные концепции естествознания», методологией которых стала бы идея единства естественнонаучного и гуманитарного знания (Борзенков В. Указ соч.-С.20)
8. Капица С. П., Курдюмов С. П.. Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. — М.. 1997. — С. 11-12.
9. Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке.— М., 1998.— С. 163-164.

**ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ЗАПАДА И ВОСТОКА**
Д. В. Белобородов, С. Я. Джаяров

Любая диалогическая коммуникация культур в действительности проявляется себя как диалог традиций, актуализирующий их взаимопознание. Эта точка зрения на сущность межкультурной коммуникации кажется нам вполне оправданной, поскольку уже до начала ситуации диалога культур, в которой одна культура начинает полнее осознавать себя в глазах другой культуры (М. Бахтин),

эта культура должна изначально обладать некоторой исконной самобытностью, иначе ей просто будет нечего отдавать и взаимного обмена ценностями просто не состоится.

Поэтому одним из наиболее перспективных направлений в исследовании проблемы современного диалога художественных культур Запада и Востока мы считаем процесс изучения того нового усилия в осмыслиении собственной традиции, к которому приходит каждая из этих культур после выпадения из своего изначального состояния.

В этом смысле немалый интерес для исследователя вызывает японская культура. В частности, возникающий на ее почве экзистенциальный роман, который выходит из-под пера таких выдающихся писателей XX века как Ю. Мисимы, К. Оэ и К. Абе. В отличии от западноевропейского экзистенциального романа, в котором далеко не всегда просматривается причастность главного героя и авторского сознания к традиционному мышлению (как это происходит в романах "Посторонний" А. Камю, "Путешествие на край ночи" Л. Селлена, "Замок" Ф. Кафки, "Бойня № 5" К. Воннегута, "Огонь" А. Барбюса и т.д.) романная эстетика японских писателей отдает последнему очень большую дань. И это далеко не случайно, если учесть, что японская культура сравнительно недавно подверглась тотальной вестернизации, повлекшей за собой ломку национального мировоззрения традиционного типа. В то время как при обращении к истории западной литературы мы можем обнаружить, что симптомы кризиса традиционного мышления начинают довольно ярко себя проявлять уже на рубеже 18-го века в "Философских повестях" Вольтера.

Все это говорит о том, что западноевропейское искусство, в отличии от искусства Востока, уже в предверии XX века имело богатый опыт экзистенциального переживания кризиса гармонического мироощущения и традиционной культуры, поэтому пессимистическая тональность современной западной литературы и ее представления о будущей судьбе человека являются скорее не какой-то ее оригинальной чертой, а своеобразным продолжением уже имеющихся традиций, что сопровождается значительным усилением элегического мышления, порой доходящего до пределов своего ожесточения, что имеет место у Ю. О Нила, Т. Уильямс, Д. Осборн, А. Барбюса и т. д.). Именно в следствии такой традиционной "зацик-

ленности" западного искусства на изображении процесса деградации человеческой личности, современное отношение к разным степеням кризиса общественной морали, культуры, этики поведения, эстетических эталонов обретает свою индифферентность. Как совершенно точно отмечают эту ситуацию авторы энциклопедического словаря по культуре XX века : "инфраструктура и общество перестали сопротивляться : никакой вызов силам порядка и красоты, разума и морали не вызывает никаких особых волнений. Если в начале века прикрепление куска старой газеты к поверхности живописного произведения могло вызвать в художественной среде фурор, то в его конце никакие самые неописуемые по своей программной бессмысленности жесты и артефакты не вызывали сопротивления [1]".

В японской литературе все обстояло иначе. Кризис традиционного мышления в ней изображается не как какое-то плавное падение, в которой проявляет себя кривая регресса, затрагивающая нравственное и эстетическое сознание героя (в этом смысле, особенно примечательно "Путешествие на край ночи" Л. Селина), а именно как резкий слом, радикальная деформация мировоззрения, обязательно сопровождающаяся мощным чужим или личностным волеизъявлением в форме насилия. Здесь следует вспомнить и поджог Золотого Храма монахом Мидзогути в романе Ю. Мисимы, и та поистине жуткая жестокость, к которой прибегают подростки в романах К. Оэ ради индивидуального самоутверждения и борьбы с окружающим миром, поначалу главный герой из романа Кобо Абе "Женщина в песках" тоже вынужден отгребать песок не по собственному желанию.

Поэтому экзистенциальное мышление в современном романе японских писателей проявляет себя гораздо более жестче, чем в западноевропейской культуре, которая в течении долгих веков уже выработала опыт борьбы с тем, с чем японская традиционная культура столкнулась только впервые.

Впрочем, такой экстремизм может являться также одним из субстанциальных проявлений чисто восточного менталитета, относительно которого советский востоковед И. С. Брагинский высказывал следующее любопытное наблюдение по поводу "безмерного" мышления Востока : " Большое на Востоке – это безмерно большое, грандиозное : таковы и пирамиды , и наскальные надписи, и огром-

ные изваяния, и эпос. Персидский эпос "Шах-наме" по объему во много раз превосходит "Илиаду" и "Одиссею", вместе взятых, насчитывая ста тысяч строк. Народный таджикский эпос "Гургули" в записи лишь одного сказителя Хикмато Гизо превосходит "Шах-наме" на 10000 строк, а киргизский "Манас" в его трех частях больше таджикского "Гургули" раз в пять! А индийская "Махабхарата"? "Гигантофильство" – явно одна из черт восточного искусства. Но и малое на Востоке – это безмерно малое, крошечное: миниатюра в живописи и миниатюра в поэзии. Четверостишие стало популярнейшей жанровой формой в персидской (рубай), и в малайской (пантун), и в тюркской (кошук), и во многих других литературах Востока. Но и трехстишие утвердилось в японской поэзии (хокку), и в таджикской (мусаллае), и во многих других. Однако миниатюрность доходит и до двустишия (разрозненного – бейт) и одностшия (самостоятельного – фард) в поэзии арабской, персидской, турецкой. Значит, и "миниатюрофильство" – также одна из черт восточного искусства [2]."

Человек западной цивилизации выходит из ничто, проживает свою жизнь бесцельно и автоматически и так же в это ничто уходит, не будучи ни к чему привязан и ничего после себя не оставляя (А. Камю "Посторонний"). Он не знает традиции и потому разрушение ее фундамента оставляет его равнодушным. Поэтому западноевропейский экзистенциальный роман делает акцент на изображении личности как таковой, а не на ее включении в традиционный уклад жизни. Экзистенциализм интересуется тем как человек выпадает из мира, изображая его одиночество, заброшенность индивида в бытии. Таким образом, западноевропейский экзистенциализм не интересуется традицией, так как главным предметом его внимания становится человек, выпавший из традиции, стоящий вне ее.

Изучая художественные произведения наиболее выдающихся представителей японской литературы, мы сталкиваемся с противоположной тенденцией. Здесь раскрытие внутреннего мира героя напрямую связано с его отношением к традиции. Человек вынужден либо резко расстаться с ней, чтобы затем осознать великую истину о том, что традиция бессмертна (Ю. Мисима), либо вновь обрести традиционное мышление с помощью которого он только и может достичь подлинной самореализации, стать кому-то нужным (такова

этическая позиция Кобо Абе, заявленная в его романе "Женщина в песках").

Однако даже при учете всех самобытных особенностей разных национальных литератур, в западноевропейском, русском и восточном традиционализме существует целый ряд общих черт, одной из которых, на наш взгляд, является персонализация традиционного мировоззрения, сказывающаяся в том, что в основе традиции лежит нравственно-этическое сознание человека, позволяющее осмысливать и воспринять ее как индивидуально значимую культурную ценность. Это значит, что по мысли таких широко известных писателей-традиционалистов как Г. Гессе, М. Булгакова и Ю. Мисимы основное бытие традиции проявляется в духовной интенции индивидуального человеческого сознания и в экзистенциальном диалоге сознаний родственно мыслящих людей, а не в виде какого-то материального накопителя информации, обязательной к постоянному воспроизведству.

Именно против такого институциализированного восприятия традиции и выступил Йозеф Кнехт, покинувший замкнутое пространство замкнутого кастильского мира с тем, чтобы реализовать свое традиционное мышление в хаотичном и прагматически ориентированном внешнем мире. Там он находит своего ученика, который берет на себя обязательство пройти тот же духовный путь, что завершил погибнувший на его глазах учитель." И теперь, когда больше не надо было сохранять гордость и оказывать сопротивление, он почувствовал сквозь боль своей испуганной души, как полюбил он уже этого человека. и в то время как он, всем доводам вопреки, ощущал свою совиновность в смерти учителя, его охватил священный трепет от предчувствия, что эта вина преобразит его самого и его жизнь и потребует от него куда большего, чем он когда-либо от себя требовал [3]"

Все эти приведенные нами примеры помогают понять ноогенетический механизм прироста эвристического начала в художественно-консервативном мышлении, выяснить, каким образом осуществляется внутреннее обновление старого, вступающего в борьбу с радикально новым, вне заимствования в себя идущих от него эвристических тенденций. На наш взгляд, это происходит тогда, когда консервативное мышление вместо пребывания в своем спокойно-статическом репродуктивном состоянии начинает выступать в ак-

тивный конфликт с отрицающими ее инновационными формами мышления, развиваясь в духе диалектического закона "отрицания отрицания". Когда консервативное мышление становится умеренно-агрессивным ради того, чтобы попытаться как-то сдержать другую агрессию тех маргинально-эвристических форм эвристического преобразования окружающей жизни, которое влечет за собой НТР или какие-либо другие формы излишне радикального экспериментирования, которой, например, может считаться церковная реформа в России 17-го века, породившая возникновение довольно интересных тенденций в жанровой системе письменных памятников древней Руси.

В отличие от демократической литературы 17-го века ("Горе - Злосчастье", " Повесть о Ерше Ершовиче"), характеризующейся массовым ростом индивидуалистического начала за счет интенсивной деструкции старых канонических форм письменного повествования, "Житие проповедника Аввакума", наоборот, показывает нам как духовное развитие личности проявляет себя через ортодоксальную приверженность к традиции. Мятежный проповедник осмысливает свою жизнь в жанре жития – той канонической форме, с которой так усиленно борется демократическая литература 17-го века. Личностное самосознание Аввакума проступает через свое самоосмысление в контексте некоторой сокрально-сверхличностной тенденции , оппонирующей всему маргинально-новому и чуждому миру Традиции. Заметим, что в истории русской культуры Аввакум оригинален именно своим консервативным мировоззрением. В принципе, это и есть то, что выделяет его творчество из потока других текстов древнерусской литературы. В то время, как, например, " Житие Сергия Радонежского" лишено некоторых черт оппозиционности мышления, оно не агрессивно, и остается в рамках репродуктивного традиционализма, функционирующего в форме постоянно-го воспроизведения установленного канона.

Итак, мы видим, что внутренне обращение исходного субъекта диалога к традиционному мировоззрению не менее эвристично, чем движение вглубь культуры другого субъекта-собеседника. Ибо диалог помимо открытия нового в экзистенциальном мире другого есть к тому же еще и постоянное возвращение к себе, к той традиции, что стоит за любым из субъектов диалогической коммуникации, той культуры, представителями которой они являются и богат-

ства которой передают друг другу через создание меж собой экзистенциальной ситуации "глубинного общения" (Г.С. Батищев). Поэтому современное выживание художественной культуры возможно только через интернациональный диалог традиционных мировоззрений, цель которого – увеличение художественно-эстетических и духовно-нравственных ресурсов памяти человечества.

Литература

1. Культурология. XX век. Словарь. Санкт-Петербург.1997. С.220.
2. И.С. Брагинский. Проблемы востоковедения. М. 1974. С. 438.
3. Гессе Г. Игра в бисер.// Собр. соч. Т. 4. СПб.1994.С. 408.

МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, КАК ПАРАМЕТР ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА **О. Ю. Молородов**

Мир входит в информационную эпоху, трансформируя общество и политические институты. Политическая культура становится массовой, вслед за возникновением массового человека. Массовый характер приняли и демократизированные политические процессы участия в политической жизни страны, города, местного самоуправления. Две важных составляющих, характеризующих современную политическую организацию общества, – это массовость политических процессов и влияние коммуникации на эти процессы.

Политическая культура складывается из исторически сложившихся политических традиций, убеждений, ценностей, идей и установок практического политического поведения, обеспечивающая воспроизведение политической жизни общества.

Алмонд и Верба выделяют четыре основных типа политических культур [1]:

1. Англо-американская – светский, прагматичный характер, понимание политики как процесса столкновения интересов, которые всегда можно примирить. Общенациональный консенсус по проводу основополагающих ценностей, что придает культуре

выраженную гомогенность, тяготение избирателей к политическому центру. Линейный характер политического времени.

2. Континентально-европейская – поляризованный политический центр, ценностно-ориентированный избиратель, циклический, прерывистый характер политического времени, сочетание гетерогенных начал в политике.

3. Авторитарно-патриархальная – патриархальный архетип «большой семьи» во главе с «царем-батюшкой», высокая значимость традиций и ценностных ориентаций.

4. Тоталитарная – ключевым в политике являются представления о политическом «механизме» и специфической рациональности, что уподобляет человеческое действие действию автомата. Полный политический контроль над всеми сторонами жизни общества. Использование насилия в качестве инструмента политического регулирования.

Соответственно можно утверждать, что информационная культура берет свое начало в Англо-американской и Континентально-европейской политических культурах, чем Авторитарно-патриархальной и Тоталитарной. Так как правительству тоталитарного строя нет нужды убеждать граждан в чем-либо, он может просто приказать.

Информационная политическая культура начала свое развитие под влиянием гражданского общества, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. «В политическом порядке западной демократии сувереном, то есть обладателем всей полноты власти, объявляется совокупность граждан, (то есть тех жителей, кто обладает гражданскими правами). Эти граждане – индивидуумы, ... наделенные равными частицами власти в виде голоса. Данная каждому частица власти осуществляется во время периодических выборов через опускание бюллетеня в урну» [2].

Вторая не менее важная характеристика, характеризующая современную политическую культуру, это массовость. С конца XIX одной из главных проблем психологии, философии и культурологии стало массовое сознание. Масса (и ее крайняя, времененная и неустойчивая форма – толпа) не есть часть общества, хотя и образует коллективы. В ней отсутствует структура и устойчивые культурные системы, которые, например, присутствуют у класса. Ортега-и-

Гассет в книге «Восстание масс» описывает следующим образом этот феномен: «...политические события последних лет означают не что иное, как политическое господство масс. ...Сегодня же мы присутствуем при триумфе гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы. Не следует объяснять новое поведение тем, что им надоела политика, и они предоставить ее специальным лицам. Именно так было раньше при либеральной демократии. Тогда массы полагали, что, в конце концов, профессиональные политики при всех их недостатках и ошибках все же лучше разбираются в общественных проблемах, чем они, массы» [3].

Если повести итог, то человек массы – это индивид, склонный стать человеком массы и влиться в толпу, - это человек, выращенный в школе определенного типа, обладающий определенным складом мышления и живущий именно в атомизированном гражданском обществе массовой культуры.

Мир перешел в парадигму постиндустриального типа общества, что произвело настоящую революцию в политике и политической культуре. Резко возросло значение информационной составляющей политики. Политическая коммуникация выступает своеобразным социально – информационным полем политики. Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение. Одно из наиболее полных толкований сущности политической коммуникации было предложено Р. Ж. Шварцбергером. Он определил это понятие как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [4].

Представители структурно – функционального подхода, рассматривают политическую коммуникацию как одну из функций политической системы, характеризуют ее в четырех аспектах: гомогенность политической информации, ее мобильность, объем, направленность. Коммуникативную функцию осуществляют партии, группы интересов, средства массовой информации. Неразвитость политической коммуникации является одной из причин низкой сте-

пени адаптации политической системы, ведет к утрате поддержки и нестабильности.

Западная футурология прогнозирует в сфере политической культуры постепенный переход к от представительной к полуплебисцитной или даже плебисцитной форме демократии (концепции «теледемократии»).

Взаимодействие «выборной демократии», новых информационных технологий и массовости современного общества привело к появлению нового типа политической культуры – «информационной». Активно внедряясь в сферу политики, не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и сломали многие формы поведения, модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами. Политика осуществляется, прежде всего, в информационном пространстве. Известный тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» сегодня приобретает важнейшее значение – информация становится не только технологической основой коммуникации, но и субстратом человеческих отношений, в том числе и в политике, а в последствии и политической культуре.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. Том 2. М., «Мысль» 2001. с.349.
2. С. Кара-Мурза. Манипуляция сознанием. М., 2001. с. 33.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – Ж.-л. «Вопросы философии», 1989, №3, 4., с122.
4. Шварцбергер Р.-Ж. Политическая социология. М., 1992.Ч.1.с174.

ДУМАТЬ В ТЕМПЕ ВРЕМЕНИ **А. Б. Аникина**

В наше время много и часто говорят о кризисе гуманитарного знания и науки вообще. Да и о других кризисах можно услышать: кризис культуры, окружающей среды, экономики в России, совре-

менной цивилизации, школьного образования. Но ведь люди всегда жаловались на жизнь, считая, что раньше было лучше, и надеялись, что в будущем все уладится. Однако, по некоторым признакам, наше время действительно можно назвать кризисным. Если мы посмотрим на ход исторического развития, то легко заметить, что темпы изменений в общественной жизни и техногенной среде обитания современного человека постоянно увеличиваются. А человек и его внутренний мир изменяются гораздо медленнее, а потому очень нервно реагирует на ситуацию постоянного ускорения темпа жизни. И довольно сложно сказать, к чему это приведет и как именно человек приспособится к этим изменениям: то ли сам научится быстро реагировать, то ли снизится скорость изменений. Эту ситуацию, на наш взгляд, необходимо учитывать при обсуждении перспектив гуманитарных исследований.

В этой связи перед гуманитарными науками встает двоякая задача: с одной стороны адекватно реагировать на эти изменения, то есть менять свои методы или даже формы существования, а с другой стороны осмысливать изменения, происходящие в обществе, и предлагать ответы на вопросы, которые возникают в процессе развития. Впрочем, мы не настаиваем на том, что это непременно две отдельных задачи, возможно, что это просто разные аспекты одного и того же процесса развития человеческой мысли. По крайней мере, многие склонны понимать философию, историю, да и другие гуманитарные науки как форму развития человеческой мысли. "Философию нужно изучать не ради определенных ответов на ее вопросы, поскольку никакие определенные ответы, как правило, нельзя назвать истинными, но скорее ради самих вопросов: потому что эти вопросы расширяют наше представление о том, что возможно, обогащают наше интеллектуальное воображение."^[1] Таким образом, не важно, что говорят гуманитарные науки, какие суждения они выдают, конечным их результатом является не конкретное знание, но сама форма их существования, иначе говоря – форма существования человеческой мысли. Однако, такое отождествление ничего не дает нам для решения поставленных задач, хотя, на первый взгляд, уменьшает работу вдвое. Ясно, что с практической точки зрения методы исследований и знания, которые дают детям в школе – не одно и тоже, а потому вопрос в своем диалектическом единстве ставиться двояко: как организовать гуманитарное познание, чтобы

получать результаты, адекватные происходящим в обществе изменениям, и собственно, получать результаты – знания.

Конечно, не стоит ожидать, что, предложив "апрельские тезисы" по дальнейшему развитию науки, можно решить все ее проблемы. Ведь ясно и то, что, несмотря на разницу тактических задач, они не решаемы по отдельности, но с чего-то все равно надо начать. Видимо, пока нам придется следовать тому, как понимал философию Рассел в вышеприведенной цитате, и в основном ставить вопросы, не заостряя внимания на ответах.

Если мы отталкиваемся от организации самой науки, то главный вопрос такой: сколько можно накапливать знания, в смысле – теории, концепции, новые понятия, гипотезы, ведь их становится все больше и больше, они одновременно опровергают и дополняют друг друга и при обучении их все труднее и труднее охватить. Один выход – экстенсивный – увеличивать время обучения (благо, и продолжительность жизни увеличивается, по крайней мере, в развитых странах), но есть ли другой, интенсивный? Может быть, ответ лежит в сфере нанотехнологий? Следующий вопрос из разряда вечных: какими методами можно получать достоверное знание, за ним следует другой – что значит достоверное, за ним снова – надо ли это кому-нибудь и зачем, и так далее, но необходимо где-то остановиться. Возможный выход заключается в том, чтобы признать, что нет так называемого достоверного знания или, что все знание субъективно-достоверно и «делать» науку исходя из этой посылки, благо идей по этому поводу уже предостаточно. Тогда сразу отпадут вопросы по поводу достоверности знания, на которых наука буквально «стопориться». Тогда не будет нужды в спорах, и целью ученого, высказывающего свою точку зрения в книге или в устном выступлении, будет не доказать свою правоту, но быть понятым.

Второй аспект вопроса о перспективах развития гуманитарных наук заключается в том, какие проблемы являются наиболее актуальными в современном мире. Впрочем, как раз ответ на этот вопрос более очевиден, поскольку время само выдвигает задачи, и уже зависит от интеллектуальной прозорливости исследователя, подхватит ли он актуальное направление.

В целом, ясно, что необходимо некоторое качественное изменение в гуманитарных науках, чтобы выжить и не утерять своей значимости в обществе. Причем это качественное изменение должно

касаться не только конкретных результатов исследований, но и самих принципов организации наук, их эпистемологических оснований.

Литература

1. Цит. по: Кротков Е.А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемологические заметки // Вопросы философии 2002 г., № 1

МОДЕЛЬ ВИРТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ **И. П. Сухова**

Вопрос о культуроцентричности как основы качества образования в современной России не может быть рассмотрен без виртуальной культуры. Если традиционный тип активности был ориентирован на обладание, то новый тип активности виртуальной культуры направлен на равноправное существование субъекта в мире (именно поэтому субъекту в виртуальной культуре отказывают в существовании, т. к. его невозможно выделить из этого культурного целого). В современной науке это выражается в том, что ведущими дисциплинами являются такие, которые нельзя рассматривать с точки зрения классификации научного знания: гуманитарного или технического. Междисциплинарные науки не разрушают ни бытийную сферу человека, ни окружающую его среду. Появление этих наук – это решение системного кризиса рациональной культуры. Они являются прерогативой виртуальной культуры, формирование которой началось с века мультикультурализма и еще полностью не оформлено в теоретических аспектах, которые нужны для современного образовательного процесса.

Исходя из вышесказанного, следует развести понятие культуры как таковой (ибо, смею заметить, сейчас раскидываются, тем самым дескриптивные знания становятся недоступными для большинства людей, т. к. теряется ясность герменевтического круга).

На сегодняшний день существуют только две модели культуры: модель национальной культуры, которая закреплена за материаль-

ными артефактами, и модель виртуальной культуры, закрепленная за ментальными образованиями, которые сейчас начинают закрепляться не только в книгах, архитектуре и т.п., но и на интерактивном уровне современной техники. Многочисленные культуры на практике оказываются культурной формой – продуктом адаптации к основным двум моделям культуры. Из этого следует, что не компьютер породил виртуальность, а виртуальность породила компьютеризацию. Такое дихотомическое деление связано с человеческой природой. По большей части человек – существо иррациональное. Это проявление еще толком никто не пытался уложить в определенную систему (здесь – то и начинается культурологический разброд, когда культурой называется все, что угодно). Еще не было предложено ни одной оптимизации иррационального проявления человеческой надвигательности. Поэтому я хочу отнести иррациональные проявления надвигательного существования в модель виртуальной культуры, которую предложу в своей работе.

Не стоит определять виртуальность всего лишь способом моделирования рациональной культуры, как отражение или перенос реального мира. Виртуальность отрефлексирована как объект для изучения совсем недавно, хотя существует уже на протяжении истории человечества. Сейчас существует целая среда виртуальности, где ее идеи, которые многим кажутся просто отображением реальности, воплощенные в интерактиве, могут быть доступны каждому. Определились и некоторые свойства виртуальности. Например, ценность информации как свойства виртуальной культуры заключается не столько в истинности, сколько в новизне предлагаемой идеи. Отсюда и множество быстроисчезающих истин. Отличие же свойств виртуальности, которые были замечены еще в книгах, от современного компьютерного пространства в том, что через компьютерное пространство, которое можно охарактеризовать здесь и сейчас, передается мысль, выведенная из опыта, но не сам опыт. Книжное же пространство виртуальности в том, что сам опыт остается личным достоянием того, кто его пережил. Он может транслироваться как основанная на опыте теория, но из-за неразграниченности интерактивностью он будет передаваться, как основанная на опыте теория с изменяющимся смыслом, который рано или поздно станет абсурдом. Иллюзия удвоенности мира была первым симптомом того, что в мир приходит новая парадигма культуры, которая

существовала всегда, но не была востребована естественной человеческой витальностью, по законам которой строится история. Поэтому не стоит определять виртуальность, как всего лишь способ моделирования реальной культуры, путем удвоения мира. Виртуальность через компьютеризацию отрефлексирована как объект изучения. Значение же четкого теоретизирования в том, что оно предлагает даже в фрагментарном видении новые решения социальных, философских и даже личных проблем, т. е. появляется возможность построения новой теоретической модели культуры, которая может предложить в данный промежуток исторического времени гармонию поликультурных мировоззрений, т.е. порождает способность к диалогу. К примеру, Интернет снимает догмы культурных адаптаций, общение осуществляется без избыточности, языковой и культурной, т.е. становится более гармоничным. Изменение же приоритета модели культуры происходит потому, что меняется принцип существования человеческих особей, т. е. происходит обесценивание повседневности. При этом рациональная культура становится лишь предметом переработки со стороны обновления. Что мы видим сейчас. Компьютеризация уже имеет не столько материально-онтологический статус, сколько возможность развивать свои исключительно ментальные способности. Задача любой модели культуры – выживание и сохранение человеческого рода. Кризис рациональной культуры приводит к формам техногенных адаптаций, которые себя исчерпывают и перерождаются. Это перекраивает интеллектуальное окружение человека, то как он думает и смотрит на мир.

Появление виртуальной реальности – это ответная реакция на кризис рациональной культуры. То, что разворачивается в виртуальности развивается за пределами обозримого пространства, где в свою очередь возникает мир вещей, не имеющий физического воплощения, то есть в полном смысле слова их нельзя назвать существующие. А между тем они влияют на развитие новых информационных технологий, в которых сейчас больше реальности, чем в продуктах рациональной культуры. В этой ситуации для построения модели виртуальной культуры следует обратиться к следующим вопросам онтологического характера – как существует не реальный объект? Чем их существование отлично от существования реальных вещей. Гносеологического характера – как отличить виртуальный

объект от реального? Каковы критерии истинности суждения о виртуальном? Антропологического характера: «Куда исчезает человек после захвата его виртуальным миром? Как должен реальный социум реагировать на это исчезновение. Сможет ли человек беспрепятственно возвращаться из виртуальной реальности или же с ним происходят какие-либо существенные изменения?»

Все эти вопросы имеют самые существенное значение для философии культуры, ибо спрашивая виртуально, мы задаем вопрос и о самой объективной реальности, в существовании которой мы ранее и не могли сомневаться. В этом смысле эпоха уникальна! Именно стремительное развитие технологий и глобальная виртуализация современного мира с наибольшей остротой, неизвестная людям прошлых эпох, предлагает человечеству избрания новой модели культуры. То связано с главным философским вопросом, которым Аристотель открыл свою «Метафизику»: «Что есть сущее как таковое?» Учитывая новизну тематики нужно признать, что каких-либо устойчивых традиций осмысления виртуальной реальности в современной философии еще нет. В англоязычной философии с 50-х годов 20-го века бурно развивается традиции искусственного интеллекта, имеющее отношение к виртуальной реальности, но не покрывающая ее полностью, как модель. По философии искусственного интеллекта есть конференции, журналы, газетные статьи. В отношении темы виртуальной реальности такого в философском мире еще нет. Есть раздробленные работы, которые пытаются вписать виртуальную реальность в известные философские традиции, такие как феноменология, герменевтика и т.д. Интересная ситуация в последние годы в России. В институте философии РАН, где несколько лет есть НИИ центр виртуалистики. В своей работе я пытаюсь опираться на разработки отечественных ученых. Однако, по преимуществу, построение теории философской модели виртуальной культуры представлю собственную позицию онтологически, гносеологических и антропологических вопросов, которая будет полезна для преподавания спецкурса по виртуальной культуре для гуманитарной специальности и представить значительно для современной философии культуры в плане изучения перспектив современной культурной адаптации.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РОССИИ: НОВЫЙ ТЕРМИН ИЛИ НОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ?

Н. В. Форрат

В последнее десятилетие дискурс толерантности активно перенимается российскими учеными, политиками, и СМИ от своих западных коллег. Появилось множество научных публикаций на эту тему, на протяжении уже нескольких лет реализуется Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Является ли, однако, проблема толерантности чем-то новым для России или это лишь модное название давно существующих проблем?

Для ответа на этот вопрос полезно сравнить понимание толерантности в западной и российской традициях. В эмпирических исследованиях, проводимых западными обществоведами, объектами толерантного отношения выступают группы, отличающиеся по этнической и расовой принадлежности, конфессии, сексуальной ориентации и т.п. Эти группы образуют горизонтальную структуру общества, они не находятся в отношениях соподчиненности или функциональной связанности. Критерии их различия по преимуществу связаны с культурой и ценностями этих групп.

Российские исследователи, в отличие от западных коллег, уделяют больше внимания таким объектам толерантного отношения, как чиновники, политики, преступники, наркоманы, проститутки, «новые русские» и т.п. Эти группы различаются в первую очередь по своему положению в социальной иерархии, т.е. образуют вертикальную структуру общества.

Важность исследования отношений внутри вертикальной структуры общества в российских условиях вполне понятна в связи с идущими процессами трансформации общества и возросшей социальной мобильностью. Однако, в данном случае, вряд ли имеет смысл говорить о толерантности или интолерантности. Отношения между иерархически выстроенными группами вполне удачно описываются и объясняются в терминах социальной напряженности и социального самочувствия.

Проблема же толерантности связана в первую очередь с ситуацией множественности культур. Культура здесь понимается в шир-

роком смысле и не тождественна этничности. Идущие в мире процессы глобализации, развитие информационных и коммуникационных технологий, все более усиливающаяся миграция приводят к тому, что интенсивность взаимодействия различных культур и ценностных систем резко возрастает.

Толерантность в этой ситуации не является просто «миролюбием» и «бесконфликтностью». Толерантность предполагает новые способы взаимодействия с Другим, принципиальную открытость человека для восприятия чужих ценностей. При этом подобная модель поведения совсем не предполагает отсутствия конфликтов. Скорее для нее характерно признание различных интересов и возникающих противоречий и стремление их обсуждать. Понимаемая таким образом толерантность должна являться частью гражданской культуры и повседневного поведения населения, чтобы обеспечивать эффективное социальное взаимодействие.

Для России проблема толерантности важна как по причине влияния вышеописанных мировых тенденций, так и по причинам специфически российским. После распада СССР и разрушения советской идентичности стала чрезвычайно востребованной тема этничности, суверенитета этносов и самоценности этнических культур. И здесь не важно, отражает ли публичный дискурс реальность или формирует ее. Главное в том, что политические деятели и СМИ часто рассуждают в категориях этничности при описании современного российского общества.

Культурное многообразие в российском обществе проявляется не только в возросшей ценности национальных культур. Очевидно также и увеличение жизненно-стилевого разнообразия, связанное с утратой монополии советской культурой и широкими потребительскими возможностями, предоставляемыми рыночной экономикой.

Несмотря на эти важные тенденции, экономико-политическое измерение общества, его восприятие как иерархии социальных групп намного важнее для населения, чем проблема культурного многообразия. Согласно, например, данным эмпирического исследования, проведенного мной среди молодежи г. Томска в 2002 г., в целом достаточно высокий уровень толерантности к культурно отличающимся группам уменьшался, если данная группа представляла потенциальную угрозу интересам или идентичности респондента.

Таким образом, описывая отношения внутри вертикальной структуры социума, российские исследователи, несомненно, затрагивают важные для понимания современного общества проблемы. Однако, модное слово «толерантность» в данном случае является лишь ширмой для рассмотрения традиционных проблем социальной напряженности и общественного мнения.

Актуальность собственно проблемы толерантности для России отмечается пока только обществоведами, которые исходят из существующих тенденций российского и мирового развития. Толерантность, уважение интересов и ценностей другого являются насущными потребностями для развитых демократических обществ с высоким уровнем гражданской культуры. Если Россия будет приближаться к модели такого общества, то и толерантность станет проблемой, не чуждой рядовому гражданину.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ

В. В. Петров

В рамках современного образования достаточно давно установилось четкое разграничение курсов в области точных, гуманитарных и естественных наук. Такой подход к образованию оправдан и дает свои результаты. В то же время существует необходимость разработки и внедрения курсов, которые, находясь «на границе» разделов, связывают в единое целое знания из разных областей.

Рассмотрим подобную взаимосвязь на примере специального курса «Наука о Земле», который разработан автором и рассчитан на учащихся 9-10-х классов школ физико-математического и химико-биологического профиля. В рамках спецкурса предпринята попытка связать воедино знания и достижения таких наук, как философия, история, физика, химия, астрономия, география, биология и геология.

Основная цель спецкурса - мобилизовать ранее полученные знания по перечисленным дисциплинам на освещение важнейших геологических параметров.

При работе с учащимися используется хорошо зарекомендовавший себя многоуровневый подход [3]. В зависимости от глубины проработки и сложности усвоения информации, весь подготовленный материал разбивается на три условных уровня.

Первый уровень, являясь общегуманитарным, содержит лишь те сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому грамотному человеку.

На втором – технологическом – уровне учащийся приглашается для обсуждения пройденного материала с попыткой разумий и последующей привычкой использовать полученные знания в практической деятельности.

На специализированном третьем уровне производится углубленное изучение предмета, рассматриваются конкретные природные и техногенные ситуации, которые побуждают учащихся производить сложные логические рассуждения.

Целесообразно отметить, что в процессе работы учащиеся последовательно овладевают знаниями на всех трех уровнях. При по-даче материала учитываются психологические особенности учащихся каждой конкретной группы или класса. Например, при изучении внутреннего строения Земли, учащиеся с образным типом мышления лучше воспринимают классическую модель в виде разрезанного шара с выделением внутренних сфер. В то же время, учащимся с символическим типом мышления проще представить внутреннее строение Земли в виде сводной таблицы.

При подготовке и изложении материала необходимо придерживаться следующих принципов:

1. От общего к частному – изучение каких-либо отдельных фактов или процессов возможно лишь только после того, как нарисована и усвоена общая схема процесса или явления. Бессмысленно, например, изучать тектонические процессы, не зная хотя бы упрощенного внутреннего строения Земли.

2. От абстрактного к конкретному и наоборот, в частности, при изучении горных пород (абстрактное понятие) мы опираемся на минералы (конкретное) [2].

3. Обучение по «спирали» – систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам [3].

Спецкурс разделен на несколько частей по принципу «от общего – к частному». От общей модели строения Вселенной, первых представлений о Земле, как о центре мироздания, ее положения в космическом пространстве, истории возникновения и развития, осуществляется постепенный переход к тому, с чем человечество связано наиболее тесно – поверхности Земли и соприкасающимся с ней «оболочкам».

Автор придерживается представления Е.И. Биченкова, что по мере научного познания приходит большая глубина понимания внутренней взаимосвязи ранее казавшихся явлений и событий; соответственно основные законы или теории упрощаются, а число их уменьшается [1].

Поскольку на данном этапе необходимые базисные знания уже получены, необходимо их частично освежить и грамотно объединить в целостную систему. Обеспеченные систематизированными базисными знаниями, учащиеся могут и должны пытаться самостоятельно воссоздавать образование и эволюцию Земли, строить возможные модели дальнейшего ее развития и прогнозировать взаимоотношение человеческого общества с планетой в целом и ее отдельными сферами.

Спецкурс построен в полном соответствии с требованиями и в согласии с одним из основных принципов СУНЦ НГУ – «...обучение наших учеников деятельности, умению понимать, видеть и пользоваться минимумом фундаментальных знаний для получения новых и порой неочевидных результатов» [1].

Необходимо отметить, что при изучении новых тем и разделов курса, учащимся приходится неоднократно возвращаться к ранее пройденному материалу. Таким образом закладывается фундамент «сетчатой структуры восприятия». Смысл ее заключается в том, что к одному и тому же можно прийти разными путями. То есть, знание системы в целом может освобождать от знания некоторых отдельных фактов.

В качестве логичного завершения спецкурса рассматриваются такие вопросы, как происхождение и развитие жизни на Земле, проблемы существования и взаимоотношения организмов, как между собой, так и с планетой в целом. По сути дела, разбирается взаимосвязь всех рассмотренных «оболочек» - биосфера, литосфера, атмосфера и гидросфера. При этом особое внимание уделяется эко-

логическим проблемам, взаимоотношению человека с живой и неживой природой и перспективам развития земной цивилизации.

Рассмотренный спецкурс «Наука о Земле» читается с 1999 года. В зависимости от состава и индивидуальных склонностей учащихся в каждой группе, программа спецкурса может корректироваться и частично изменяться внутри отдельных блоков. При этом общая схема и подход к обучению остаются неизменными. Полученный опыт показывает, что у учащихся существует устойчивый интерес и потребность изучения курса, который находится на границе раздела традиционных предметов, преподаваемых в школе, а система современных взглядов на возникновение и развитие нашей планеты и цивилизации непосредственно связана с формированием общей культуры каждого грамотного человека[4].

Литература

1. Биченков Е.И. Принципы обучения физике в новосибирской физико-математической школе //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.
2. Заварицкий А.Н. Изверженные горные породы. М., Издательство АН СССР, 1956
3. Никитин А.А., Белоносов В.С., Зеленяк Т.И. и др. Новые подходы во взаимодействии средней и высшей школы в математическом образовании //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.
4. Чиков Б.М. Земля познаваемая и таинственная. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2001.

ГЕНДЕРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ Ю. С. Исаева

Одна из проблем гендерных исследований как на Западе, так в современной России является проблема иерархии полов. Почему во

все времена женский пол был вторичен по отношению к полу мужскому, и как этого избежать? Многие исследователи использовали различные подходы к этой проблеме: биологизаторский подход (место женщин и мужчин в мире определяется их физиологией); эссециалистский подход (мужчины и женщины представляют собой принципиально различные сущности); и т.д. Эти исследования как оправдывали, так и осуждали «верховенство» Мужчины в социальном мире. Одним из самых интересных подходов стал анализ истории человечества, осуществленной С. де Бовуар, в основу которого положена концепция женщины как Другого. Бовуар в своей книге «Второй пол» пишет: «Категория Другой изначальна, как само сознание. В самых примитивных обществах, в самых древних мифологиях всегда можно найти дуализм Одного и Другого». Бовуар объясняет этот феномен вслед за Гегелем тем, что в самом сознании кроется фундаментальная враждебность по отношению к любому другому сознанию; субъект мыслит себя только в противополагании; он утверждает себя как существенное и полагает все остальное несущественным, объектом. Бовуар считает, что женщина является другим в сознании мужчины, в этом кроется природа подчинения. Человек осознает себя только в противопоставлении Другому; человек воспринимает мир сквозь призму дуализма, причем первоначально дуализм этот не имеет половой окраски. Но поскольку женщина отличается от мужчины, который полагает себя в качестве самотождественного, она, естественно, попадает в категорию Другого; так понятие «Другой» включает в себя женщину.

Попытаемся взглянуть на этот подход с точки зрения теории психоанализа. Здесь мы в действительности находим теорию защитных механизмов, которая объясняет данное противополагание особенностями человеческой психики.

Защитный механизм – прочный поведенческий защитный паттерн (схема, стереотип, модель), образованный с целью обеспечить защиту «Я» от осознавания явлений, порождающих тревогу.

Но то, о чем говорит психология, не имеет «половой» принадлежности и данные механизмы могут работать в сознании как мужчины, так и женщины. Однако Бовуар говорит о социальной природе того, что изображения мира, как и сам мир, стало делом мужчин; они описывают его со своей точки зрения, которую они путают с абсолютной истиной. Именно эту посылку мы возьмем за

основу, хотя ее можно и оспаривать, однако именно защитные механизмы психики мужчины определяли стереотипы, роли и место женщины в социуме на протяжении многих веков.

В основе теории Бовуар «женщина как Другой» лежит механизм проекции. Проекция – механизм выделения и локализации в другом лице или объекте тех качеств, желаний, действий, т.е. внутренних объектов, которые субъект не признает или отвергает в самом себе. При проекции мы переживаем внутренний грех как внешнее зло, т.е. наделяем значимых людей теми пороками, которые на самом деле принадлежат нам.

Если женщина рассматривается как абсолютно Другой, то есть — несмотря на всю свою магию — как несущественное, совершенно невозможно воспринимать в ней другого субъекта. То есть мужчина вытеснил из своего сознания те качества, которые сложнее всего признать в себе и наделил ими объект, который постоянно рядом. Женщина как объект познания мужчины всегда вызывала страх и чувство беспокойства. Процессы, происходящие в женщине, особенно связанные с деторождением, внушали священный ужас мужчинам с древнейших времен.

«Кочевники воспринимают рождение детей как явление случайное, а о богатствах земли и вовсе ничего не знают; земледелец же восхищается тайной плодородия, кроющейся в борозде пашни и в материнском чреве; он знает, что сам порожден так же, как скот или хлеб, и хочет, чтобы его род продолжался в новых людях, которые увековечат его, увековечивая плодовитость полей; вся природа представляется ему матерью; земля — это женщина, а в женщине живет та же неведомая мощь, что и в земле!»

Но при всем своем кажущемся могуществе женщина постижима только в понятиях, выработанных мужским сознанием. А точнее, еще одним механизмом защиты — механизмом идеализации. Именно с ним связано появление божеств женского пола, чей кульп обусловлен поклонением идее плодородия. Женщина была почитаема в той мере, в какой мужчина пребывал рабом собственных страхов и потакал собственной беспомощности — ужас побуждал его поклоняться женщине, а вовсе не любовь. И чтобы осуществить себя как личность, ему нужно было прежде всего скинуть ее с престола. Теперь в созидающей силе, свете, разуме и порядке он признает гла-венство мужского начала. А потому многие религии и законы столь

враждебны по отношению к женщине. Закрепляя господство над женщиной, законодатели сами ее боятся. В ее амбивалентных свойствах выделяют один лишь пагубный аспект: из священной она становится нечистой. Сознание вновь и вновь применяет механизмы психической защиты, - в данном случае отрицания, изоляции и рационализации. Эти механизмы устраниют саму важность контакта с предметом, вызывающим страх. Вводится запрет на прикосновение к данному предмету, или обусловливание этих прикосновений формулами и ритуалами. С помощью рационализации мужчина находит приемлемые причины или основания для оправдания уничижения женщины.

Современный мужчина, казалось бы, освободился от всех предрассудков относительно женщины, однако до сих пор сознание мужчины пользуется защитными механизмами в отношении к женщине, прибегая к более сложным интеллектуальным защитам рационализации и интеллектуализации.

Интеллектуальные защиты в некоторых случаях могут становиться доминирующим "ответом" человека на внутреннее или внешнее напряжение и даже чертой характера. О некоторых людях вообще можно сказать, что "защитность" является чертой их личности: такие люди очень чувствительны к малейшей критике или ее возможности, они часто действуют по принципу "нападение - лучший вид обороны", они не умеют разрешать конфликты путем переговоров и вместо этого предпочитают силовые или манипулятивные техники и т.п. В современном мире данные качества являются типичным проявлением «маскулинности».

Современный мужчина может узнать все о женской физиологии. Он может получить любую информацию о прихотях «женского» образа мышления и других особенностях «женского» сознания. Однако это лишь позволяет использовать данную информацию для создания очередного барьера, порожденного механизмами психической защиты.

Литература:

1. Симона де Бовуар. Второй пол. СПб. 1997
2. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 2001
3. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993

ИНТУИЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В АНТИЧНОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Л. В. Подшибякина

Интуиция телесности в античной культуре определялась ее пластичным характером. Как показал А.Ф.Лосев, телесная пластика лежала в основе античного космоса и античного символизма, определяла характер философии, искусства и мира повседневности античного человека [1].

Античная пластика, характеризующая античную интуицию телесности, основывалась на таком восприятии, в котором доминирует осязание. Именно поэтому в античности и средневековые зрение рассматривали как разновидность осязание. Это доминирование определило доверие тактильному ощущению и внутритеlesному чувству, в соответствии с которыми были приняты основные поступаты античного птолемеевского космоса.

Античная пластика определяла единство восприятия и интуиции присутствия. Это сформировало объективистскую ориентацию античной культуры. Античный человек не знал никакого «субъективного мира», помимо космоса, в который была тесно вплетена человеческая душа, все, что человек обнаруживал в себе, он находил в космосе и наоборот.

Интуиция присутствия предполагает символичность тела, выражение внутреннего во внешнем. Это позволяет представить весь космос как воплощение платоновских идей или стоического логоса. Тело служит символом разумного начала, а красота его форм выражает высший этап воплощения мирового разума в космосе, поэтому изображение нагого тела явилось основной целью античного искусства [2].

В основе античного символического восприятия тела, также как и в основе всего платоновского космоса лежит эротическое чувство. Если сексуальность направлена на удовлетворение собственной потребности, то эротика - на сопреживание другому, переживание его чувств, в котором имеется момент отрещения от себя. Эта направленность на внутренне содержание другого осуществляется через тело, которое должно стать прозрачным для внутреннего, что

позволяет раскрывать в нем символическое содержание, божественную мудрость, мировой логос или платоновскую идею.

Переход к новоевропейской культуре ознаменован недоверием тактильному восприятию, что связано с радикальным изменением отношения к телесной интуиции. Если ранее человек в ней открывал присутствие мирового разума и человеческой души, то теперь она сведена к тактильной фиксации внешних материальных предметов, пространственность которых подчиняется законом зрительного восприятия. В связи с этим новоевропейская картина мира собирается на доминировании зрительного восприятия. Выражением этого нового однородного перспективного пространства стало пространство коперниканской планетарной системы, подчиненной закону всемирного тяготения Ньютона [4].

Изменение интуиции телесности тесно связано с утратой единства мировосприятия в интуиции присутствия. Мир перестал быть телесно выраженной первичной очевидностью, теперь он становится, всего лишь наблюдаем с определенной «точки зрения», однако правильность этого наблюдения не самоочевидна. В связи с этим возникает концепция отражения, где восприятие вещи трактуется не как ее непосредственное постижение, но как отражение в субъективном образе сознания: самоочевидность телесного присутствия подменяется субъективностью зрительного отражения.

Переход от средневековой к новоевропейской культуре может быть истолкован как психическая регрессия, возвращение к инфантальному восприятию мира, когда интуиция присутствия еще не достигла собственной осознанности. Если переход от античности к средневековью был ознаменован обретением тесно связанного с интуицией присутствия нового духовного опыта, (христианское откровение), то при переходе к новому времени этот духовным опытом релятивизировался, утратив свое значение. Произошло упрощение духовного мира человека, а вместе с этим - возвращение к более ранним стадиям его психического восприятия, в частности – подросткового восприятия.

Это обусловило доминирование архетипа мироописания сформированного в подростковом возрасте, когда в период полового созревания юноши теряют контроль над своей либидозной энергией и вынуждены направлять ее на собственные фантазии в виде визуализации образов определенного характера. В результате этого проис-

ходит нивелирование интуиции присутствия и ценности непосредственного тактильного восприятия. Доминирование осязания в чувственном восприятии заменяется доминированием зрительного восприятия, что обеспечивает реалистичность восприятия либидозных фантазий. Однако на определенной стадии напряжения либидозной энергии юноши начинают нуждаться в подтверждении реальности своей фантазии. Это приводит к неадекватному их поведению с противоположным полом[3]. Для юноши становится важным убедиться, что его фантазия может быть воплощена, и он не обращает внимание на то, что при этом испытывает девушка.

Нечто подобное произошло в масштабе целого общества при переходе к Новому времени. Этот период характеризуется психической регрессии, проявляющейся в охватившей Европу пандемии страха, ксенофобии и охотой на ведьм. Новый архетип подросткового восприятия начинает определять всю картину мира. Подобно тому, как юноша создает собственный мир сексуальных фантазий, новоевропейский человек трактует свое восприятие мира как субъективное отражение. Так возникает внутренний субъективный мир европейца. Внутренние субъективные чувства превращаются в предмет изображения новоевропейского писателя-романиста и художника портретиста, а тело становится функциональным дополнением лица, выражающего внутренние эмоции. Им непонятен интерес к красоте телесных форм самих по себе, характерный для античного мировосприятия.

Подобно тому, как у юноши встает проблема, во что бы то ни стало хоть как то подтвердить реальность хотя бы каких-нибудь своих либидозных фантазий, в философии возникает проблема обоснования реальности мира и правильности его отображения в процессе познания. Над этой проблемой безуспешно бьется Декарт, о своем бессилии ее разрешить заявляет Лейбниц и Кант.

Подобно тому, как юноша подходит к женщине с заранее заданной моделью поведения, созданной в его собственной фантазии, никак не сообразуясь с тем, что женщина чувствует и что ей действительно надо, также и ученый стремиться подтвердить свою теорию, являющуюся субъективным конструктом его ума, в эксперименте, то есть, в некоторых искусственно созданных условиях. Ориентация на эксперимент также игнорирует реальность присут-

ствия мира, как неуклюжее поведение подростка игнорирует реальность чувств женщины.

Все это позволяет судить о том, что основные черты новоевропейской науки, в частности ее ориентацию на эксперимент, на удовлетворение практических потребностей, подчинение принципу верифицируемости, отражает инфантильное либидозное отношение подростка к другому полу [3].

Поскольку в европейской культуре доминирует архетип, сформированный именно юношеской либидозной ориентацией, женщины от нее свободны и могут непредвзято оценить сложившуюся ситуацию. Абсолютизация мужчиноцентристского взгляда на мир как единственно возможного не позволяет понять условность и ограниченность новоевропейской картины мира и искажает смысл античной и средневековой науки и философии. Эта ограниченность может быть преодолена только целостным взглядом, учитывающим уникальность женского мироощущения, свободного от «подростковых» предрассудков.

Литература:

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. - М.: Искусство, 1963.
2. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
3. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: МЦ "Система", 1990.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М.: Мысль, 1993.

Раздел III

Теоретические проблемы права

МОДЕЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. Б. Дикин

Интеллектуальная собственность (далее - ИС) становится одним из основных факторов культурного, правового, экономического и социального развития современного общества. Становление инновационной экономики немыслимо без эффективного правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности. Между тем многие вопросы ИС остаются дискуссионными и это связано с глубиной научных исследований нематериальной сферы жизнедеятельности общества. Поэтому основной задачей является поиск методологии исследования. В методологии юридической науки метод моделирования позволяет воспроизводить основные теоретические положения в законодательстве, объединять правовые нормы в единую систему законодательства на основе кодификации. Законодательство формулирует модели надлежащего поведения субъектов правоотношений. Это уровень прикладных исследований, на котором модели правового регулирования создаются, по мнению С.С.Алексеева, на основе диспозитивного (дозволительного) и императивного (обзывающего) построения правового материала. Особенность ИС состоит в сочетании публично-правовых и частноправовых начал (общественного значения результатов творчества и их неразрывной связи с личностью авторов). На уровне теоретических исследований моделирование – это одна из форм научного познания и модель ИС на этом уровне представляет собой систематизацию и обобщение существующих знаний об ИС. Фактически модель – идеальный объект, с помощью которого происходит познание юридического и фактического состава интеллектуального правоотношения. Оценка модели осуществляется на уровне фундаментальных исследований (метатеоретического подхода к анализу сформулированной теории). С.С.Алексеев указывает на различия

языка и метаязыка в юридической науке. В качестве языка выступает язык права, а в качестве метаязыка – язык науки права.

Методология исследования предполагает применение системного подхода к анализу сущности ИС. В этом смысле интеллектуальная собственность лежит в основе вещной собственности, отражает полезные свойства и ценность идей, на основе которых создаются материальные блага. Здесь проявляется информационная сущность объектов ИС, которые являются носителями информации в форме идей. Процесс создания интеллектуальной собственности (креативность) – это творческая деятельность с момента накопления информации до появления объекта ИС. Свойства информации как нематериального объекта проявляются в том, что она непотребляема (не исчезает при потреблении) и неотчуждаема от передающего субъекта (сохраняется за ним), а значит может использоваться неограниченным кругом лиц. Информация повышает свое качество с добавлением новой информации. С помощью интеллекта информация перерабатывается мыслящим субъектом через осознание значений языковых конструкций, которые применяются в суждениях и волевых действиях. Переработка информации оформляет ее в идеи материальных объектов. Идеи преобразуются в знания как представления об объектах. Креативность в широком смысле – это создание нового знания в процессе творческого мышления. Особенностью интеллектуального труда является то, что реально может отчуждаться лишь информация о знаниях, а интеллект как средство труда и знания неотделимы от субъекта. Однако информация может существовать объективно без фиксации на материальном носителе. В момент устного сообщения или передачи по каналам связи информация существует в виде физического поля различных электромагнитных, электрических, акустических и иных сигналов. И пользователь информации имеет дело лишь с материальным носителем и свойствами информации, которые определяют фактический состав интеллектуального правоотношения. При этом объекты ИС подлежат воздействию правовых норм лишь после фиксации на материальном носителе (письменная форма, вещь и т.д.). Материальный носитель используется в экономическом обороте, а также требуется для правовой охраны объекта ИС. Авторское право охраняет лишь форму произведения науки, литературы, искусства. И за пределами правового регулирования остаются многие результаты

творчества. Поэтому необходимо создание правового режима для широкого круга нетрадиционных объектов ИС, в частности для элементов научного произведения, имеющих самостоятельное значение (научный метод, научный факт, теория, иные результаты научного мышления), промежуточных и конечных результатов НИОКР (формулы, методы, процессы, образцы и т.д.). Признание и обеспечение личных неимущественных прав на эти объекты ИС будет основой их правовой охраны.

Модель ИС состоит из следующих параметров: 1.объект ИС 2.условия правовой охраны 3. права на объект ИС 4.срок действия прав 5.субъект права ИС. Модели ИС России и зарубежных стран целесообразно рассматривать на основе патентного права как более формализованного института ИС.

Определение объекта ИС является начальным этапом при создании системы законодательства. Основной объект патентной охраны – изобретение, сочетающее в себе технический, экономический и юридический аспекты. Это техническое решение задачи в любой отрасли экономики, состоящее в применении научно – технических знаний при преобразовании вещества природы и материальных благ. Изобретение – это открытие новых благ на основе сочетания имеющихся знаний и материалов. То есть изобретение нематериально по своей сути. Но для правовой охраны необходимо объективное воплощение изобретения и получение патента. Условия правовой охраны – это требования законодательства, которым должны соответствовать свойства объектов ИС. В патентном праве такими условиями являются критерии патентоспособности (новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость), совпадающие в моделях ИС России и зарубежных стран. Правообладатель имеет личные неимущественные права на творческую идею, исключительные (имущественные) права на использование объекта ИС и право собственности на материальный носитель и на документ, удостоверяющий права из ИС. Субъектный состав интеллектуального правоотношения характеризуется “субъект - субъектным” взаимодействием, когда передаваемая информация сохраняется у обоих субъектов и целью выступает познание результатов творчества через восприятие, осознание и использование.

Российское законодательство об ИС во многом соответствует законам развитых стран, но не образует единую систему, в которой

должны быть отражены основные положения об этом правовом явлении.

Литература

1. Пиленко А.А. Право изобретателя. М. 2001
2. Проблемы теории государства и права (под ред. С.С.Алексеева). М. 1987
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М. 1994
4. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула. 2001
5. Диодикин А.Б. Право интеллектуальной собственности: теория, законодательство, практика // Труды XL международной научной студенческой конференции “Студент и НТП”. Новосибирск. 2002

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ С ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ В НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ

Д. Н. Шмелева

Объектами гражданских прав в нефтегазовом комплексе признаются такие объекты, которые тесно связаны с поиском, разведкой и разработкой полезных ископаемых и не свойственны другим видам хозяйственной деятельности человека. Среди таких объектов следует назвать недра, участки недр и горное имущество. Предметом нашего изучения являются сами недра, как непосредственный объект недропользования, и их составные части, коль скоро действующее законодательство оперирует понятием «собственность» в их отношении.

Особенность таких объектов заключается в том, что в правовое регулирование таких объектов не исчерпывается нормами гражданского права. В отношении такого имущества действуют нормы иных отраслей права, и в первую очередь права административного, природоресурсного права. То обстоятельство, что недра и связанное с ними горное имущество могут выступать в качестве объектов гражданского права, быть предметами сделок, объектами вещных прав вызывает необычайный интерес для исследования. Рыночная

экономика, стремление к которой декларировано в нашем обществе, строится в основном на принципах гражданского права – равенство сторон, диспозитивность и т.п. Правильное применение к отношениям недропользования норм гражданского права имеет значительный потенциал как собственно для благоприятствования развитию этих отношений, так и для топливно-энергетического комплекса в целом.

При характеристике объектов гражданского права с особым правовым статусом необходимо уяснить, что такое объект права вообще и объект гражданского права в частности. Определение объекта гражданского права интересный и спорный вопрос в цивилистической науке.

Философская наука понимает объект в противопоставлении субъекту, объектом признается то, на что направлена предметно-практическая и познавательная деятельность человека [1]. Однако, общефилософского понимания того, что является объектом не выработано.

Объект права в юриспруденции, в общих чертах, – то, отношения по поводу чего урегулированы правом. Соответственно объектом гражданского права признается то нечто, отношения по поводу которого, урегулированы гражданским правом. Важно определить, тождественны ли понятия «объект права» и «объект правоотношения» или нет.

Необходимо учитывать, что понятие «право» неоднозначно. Мы не будем рассматривать различные трактовки права, поскольку это не является предметом нашего исследования. Но право, независимо от того, что вкладывается в его сущность, рассматривается в объективном и субъективном смыслах. В первом случае под правом понимается система правовых норм, которые выступают государственным регулятором общественных отношений или, иными словами, система государственного социального регулирования посредством правовых норм. Во втором случае право – мера возможного поведения конкретного субъекта.

Гражданское право также может рассматриваться аналогично в субъективном и объективном смыслах. Однако если мы говорим о гражданских правах, то, очевидно, что имеем ввиду субъективные права, а не множественность «систем государственного социального регулирования посредством гражданско-правовых норм». Субъ-

ективное гражданское право – это предоставленная законом возможность вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, а в случае необходимости – использовать меры государственного принуждения, обратившись за защитой в судебные органы [2].

В теории права под правоотношением понимают отношение между людьми и их организациями, урегулированные нормами права и состоящие во взаимной (либо односторонней – для простейших отношений) связи субъективных прав и юридических обязанностей, предусмотренных нормами права [3].

Право регулирует не вещи и не явления, а социальные связи, то есть общественные отношения, и, соответственно объектами права эти отношения и являются. Правоотношение – это общественное отношение, урегулированное правом. Объект правоотношения – это нечто, по поводу чего возникает отношение, урегулированное правом. Поэтому, здесь объект права не тождествен объекту правоотношения.

Но когда мы говорим о субъективных гражданских правах, то их объектом является то нечто, по поводу чего это субъективное право существует, в то же время, презюмируется, что по поводу этих же самых объектов у противоположной стороны правоотношения имеется субъективная обязанность. Здесь очевидно, что объект гражданского правоотношения и объект субъективного гражданского права един.

Объектами гражданских прав является то, на что направлены права и обязанности субъектов гражданских правоотношений [4].

Специально-юридическое определение категории объекта правоотношения не однозначно. В научной литературе встречается несколько основных теорий понимания категории объекта.

В соответствии с первой теорией, которую принято называть вещной, объектами гражданских прав признаются вещи – пространственно ограниченные предметы материального мира. В частности, по мнению Р.О. Халфиной, «под объектом понимаются реальные предметы материального мира, продукты духовного творчества в объективированной форме»[5]. Сторонником этой теории является и М.М. Агарков: «Во избежание путаницы лучше было бы рационализировать терминологию и считать объектами права то, на что направлено поведение обязанного лица, прежде всего вещь..., пове-

дение же обязанного лица, характеризуемое теми или иными признаками..., назвать содержанием правоотношения»[6].

Вторая теория признает в качестве объекта гражданского права сами действия, человеческое поведение и, соответственно называется поведенческой теорией. В защиту поведенческой теории приводят следующий довод. Правоотношение как связь, устанавливаясь между людьми в результате их взаимодействия, может воздействовать только на поведение человека, а, следовательно, сами вещи реагировать на правовое воздействие не могут. Следует различать поведение субъектов права в процессе их взаимодействия между собой, которое образует содержание правоотношения, и их поведение, направленное на материальное благо (именно такое поведение признается объектом гражданского правоотношения, а значит и объектом права). Поведенческая теория нашла свое обоснование в работах О.С. Иоффе, В.Н. Хропанюка. Так в учебнике «Теория государства и права» В.Н. Хропанюк пишет, что объектом правоотношения является фактическое поведение его участников (в отличие от объекта правовых норм – абстрактного волевого поведения людей, здесь объект конкретен). В имущественном правоотношении, по его мнению, объектом является такое поведение людей, которое направлено на удовлетворение определенных жизненных благ, например, объектом правоотношения купли продажи будет поведение его участников, связанное с покупкой и продажей вещей[7].

Существует также промежуточная теория, объединяющая две предыдущие, согласно которой объектом гражданских прав считаются, во-первых, вещи, а во-вторых, действия. По мнению Г.Ф. Шершеневича объектом юридического правоотношения является средство осуществления интереса. Такими средствами являются а) вещи как часть внешнего мира, б) действия других лиц. Развивая это положение, Г.Ф. Шершеневич пишет, что когда объект правоотношения составляют вещи, то отношения носит название вещного права, когда объектом являются действия других лиц – то обязательственного или права личной власти, или, наконец, исключительных прав. По его мнению, юридическое представление об объектах права соответствует экономическому представлению о благах.

Третья и наиболее популярная в последнее время теория понимания объекта гражданского права связывает сущность объекта с благом. Объект – «материальные и духовные блага, предоставлением и использованием которых удовлетворяются интересы правоочной стороны правоотношения»[8]. «Вещи, предметы, явления материального и духовного мира есть абсолютные блага, блага вообще. В качестве таковых они выступают лишь в том отношении, аспекте, в котором они оказываются полезными применительно конкретным потребностям»[9]. Причем понятием «благо» охватываются и вещи и результаты деятельности людей, в том числе интеллектуальная собственность, и действия обязанных по правоотношению лиц [10]. По нашему мнению всеобщее отождествление объекта правоотношения и объекта субъективных прав с благом ничего не дает в раскрытии сущности объекта, поскольку категория «благо» настолько широка, что может охватывать собой все, что угодно. Благо – добро, благополучие или то, что дает достаток, благополучие – спокойное и счастливое состояние, удовлетворяет потребности, как духовные, так и материальные [11]. То, что сегодня не признается благом, может являться таковым завтра, также как и то, что является благом для одного человека может быть злом для другого.

Интересная точка зрения была высказана В.И. Сенчищевым. Критикуя все описанные выше теории, он выступил с собственной теорией понимания объекта гражданского права. По мнению В.И. Сенчищева «точкой приложения правового воздействия и, следовательно, объектом правоотношения является не поведение обязанного лица и не вещь, как таковая, но правовое значение (правовая характеристика) вещи, поведения или иных категорий имущества (в цивилистическом значении этого термина) и неимущественных прав, иными словами, их правовой режим»[12]. Правовой режим, в свою очередь, по мнению В.И. Сенчищева, представляет собой «совокупность всех позитивных правовых предписаний, содержащихся в императивных и диспозитивных нормах, и основанных на них (или им не противоречащих) субъективно-правовых притязаний, существующий в действительности с точки зрения права и в соответствующих случаях определяющих права, обязанности, дозволения, запреты и предписания абсолютно всех лиц (или в отношении абсолютно всех лиц) по поводу того предмета (явления), в отноше-

нии которого он установлен»[13]. Элементом правового режима является правовой статус вещи, иного имущества, нематериального объекта, поведения, который урегулирован императивными нормами явления. Эта теория близка как поведенческой теории, так и теории вещной, но выходит на новый качественный уровень, объединяя их.

Полагаем, что эта теория объекта прав в полной мере отражает его сущность. Поскольку правоотношение как общественная связь возникает не по поводу вещи как таковой, а по поводу всех возможных действий по поводу вещи. Кроме того, субъективное право также существует не на вещь, а на неограниченный круг правомочий, который можно извлечь из вещи. Например, субъективное гражданское право собственности на вещь заключается в том, что собственник обладает относительно неограниченным господством в отношении вещи. Объектом субъективного права собственности будет являться правовой режим вещи, то есть совокупность действительных с точки зрения права всех субъективно-правовых притязаний по поводу вещи, поскольку право – социальное явление и все его составные части могут иметь только социальную направленность. Собственно сам процесс изменения вещи или какого-либо физического воздействия на вещь право не регулирует, предметом регулирования являются именно воздействие, например, на некого субъекта, предписывающее ему осуществлять физическое воздействие на вещь определенным образом.

Легального определения понятия «объект гражданских прав» не существует. Статья 128 ГК РФ гласит, что к объектам гражданских прав относятся «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права»; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Таким образом, действующий ГК все объекты делит на несколько групп: 1) имущество (в эту группу включаются вещи, разновидностью которых являются деньги и ценные бумаги, иное имущество и имущественные права), 2) работы и услуги, 2) информация, 3) результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность); 4) нематериальные блага.

По нашему мнению при определении объекта гражданских прав нужно отталкиваться именно от приведенного в статье 128 Граж-

данского кодекса перечня объектов, по поводу которых возникают субъективные гражданские права. Иными словами, необходимо выяснить общественные отношения по поводу чего урегулированы гражданским правом. Этот круг объектов уже не вписывается ни в вещную, ни в поведенческую теорию понимания объекта, поскольку в рамках указанных теорий нет места ни информации, ни интеллектуальной собственности. Однако не подлежит сомнению, что правоотношения и по поводу информации и по поводу интеллектуальной собственности существуют.

Другая категория объектов, предусмотренных статьей 128 Гражданского кодекса - имущественные права. Такие объекты сами по существу являются субъективными правами. То есть по смыслу статьи 128 Гражданского кодекса получается, что объектом гражданских прав являются, в том числе, и имущественные гражданские права. Очевидно, по закону и само субъективное право является объектом другого субъективного права.

На основе круга приведенных в статье 128 Гражданского кодекса объектов правоотношений, урегулированных гражданским правом, и разделяя описанную выше точку зрения В.И. Сенчищева, сформулируем понятие объекта гражданских прав.

По нашему мнению, объектом субъективных гражданских прав является *правовой режим* следующих категорий: имущества (включая вещи и имущественные права), работ и услуг; информации, результатов интеллектуальной деятельности; нематериальных благ. Например, объектом субъективного гражданского права является не просто вещь, а вещь в юридическом смысле слова, юридическое значение вещи - совокупность всех позитивных правовых предписаний, содержащихся в императивных и диспозитивных нормах, и основанных на них (или им не противоречащих) субъективно-правовых притязаний по поводу данной вещи.

Вещи в юридическом значении – самый распространенный объект гражданского права. Вещь - предмет внешнего (материального) мира, находящийся в естественном состоянии в природе или созданный трудом человека, в юридическом своем значении являющийся основным объектом в имущественном правоотношении. Вещи предполагают наличие их в гражданском обороте. И ключевым моментом здесь является возможность нахождения вещей в собственности. Необходимо отметить, что право собственности - вещное

право, то есть право собственности может существовать только по поводу вещей.

Переход к рыночной экономике обусловил то обстоятельство, что объекты, которые ранее были полностью изъяты из гражданско-правового оборота, теперь подпадают под сферу правового регулирования в том числе и гражданского законодательства. Пережитки административно-командного регулирования отношений недропользования действуют и до сих пор. Причем, декларируя переход к рыночной экономике в стране законодатель принимает ряд шагов в этом направлении. Но в результате на практике получается дисбаланс между нормами административного и гражданско-правового регулирования, и там, где должны действовать один метод регулирования действует противоположный. Улучшению состояния дел в экономике нефтегазового комплекса, как и экономике страны, вообще, это никак не способствует.

Полагаем, что недра и их участки не должны быть объектами гражданских прав, и соответственно объектами собственности. В.С. Удинцев еще в начале прошлого столетия писал, что нельзя вести речь о праве собственности на недра, поскольку недра не являются вещью [14]. Собственность на недра и соответственно их участки должна быть заменена суверенитетом государства в отношении недр.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Авенинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989 С.с. 437-438.
2. Миргазизова Р.Н. Гражданское право. Том 1. Общая часть: Учебное пособие/ под научной ред. В.Е. Севрюгина. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2001. С. 22.
3. Теория государства и права. Под ред. проф. Г.Н. Манова. Учебник для вузов. – М. Изд-во БЕК, 1995 г. 336 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук, профессор О.Н. Садиков. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1998 г.С. 69.

5. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 202.
6. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1974. С. 23.
7. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для высших учебных заведений/ под ред. профессора В.Г. Стрекозова. С. 313.
8. Общая теория права. Учебник / под ред. Пиголкина М., 1995. С. 249.
9. Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 89.
10. Теория государства и права. Под ред. проф. Г.Н. Манова. Учебник для вузов. – М. Изд-во БЕК, 1995 г. С. 139-140.
11. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская АН, Российский фонд культуры; 3-изд., испр. И доп. – М.: АЗЪ, 1995 г.. – 928 с. С. 46-47.
12. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права /под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М.: «Статут», 1999. С.139.
13. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права /под ред. М.И. Брагинского; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. – М.: «Статут», 1999. С.145.
14. Удинцев В.С. Русское горно-земельное право. Киев, 1909 г. С. 32.

ЗАКОН О ВЫЯВЛЕНИИ ЛОББИЗМА 1995 ГОДА **С. С. Костяев**

США – единственная страна , имеющая столь разработанное законодательство , регулирующее деятельность групп давления в отношении федеральной власти. Изучение данного опыта безусловно полезно для формирования нормативной базы совершенствования российской политической практики.

Основой американского лоббистского законодательства является Первая поправка к Конституции США, принятая в 1791 г. Она гласит, что Конгресс не имеет права издавать законы, ограничивающие право народа обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб.

После каждого коррупционного скандала в правящих кругах, Конгресс США предпринимал тщетные попытки создать закон о лоббизме. Наконец, он был принят в 1946 г. , но не как самостоятельный акт, а только часть общего положения о реорганизации Конгресса. Его суть заключалась в требовании лоббистам регистрироваться в аппарате Конгресса в период своей деятельности. Н.Г. Зяблюк отмечал три крупных лакуны в этом законе: 1. лоббизмом считалась деятельность групп давления направленная только на Конгресс, 2. косвенный лоббизм (кампании писем, звонков избирателей конгрессменам, пропаганда в СМИ) был исключен из сферы его действия, 3. ответственность за исполнение закона возлагалась на аппарат Конгресса, который и сейчас не обладает необходимым для выполнения этой функции штатом сотрудников.

Многочисленные попытки усовершенствовать этот документ оканчивались неудачей вплоть до 1995 г. , когда был принят «Закон о выявлении лоббизма», в котором первая вышеуказанная проблема была решена. Так ст.3 помимо Конгресса США и даже его технических сотрудников (пункт 4(с)) в сферу действия закона вводит и исполнительную власть (пункт 3).

Были даны четкие определения таким базовым понятиям как лоббистская деятельность (пункт 7), лоббистский контакт (пункт 8), лоббист (пункт 10). «Термин «лоббист» обозначает любого индивида, нанятого клиентом за финансовую или иную компенсацию для оказания услуг, включающих более чем один лоббистский контакт, кроме того лица, чья лоббистская деятельность составляет менее 20% времени предоставления услуг, оказываемых таким лицом данному клиенту в течение 6 месяцев».

Ст.4(а) предписывает клиенту лоббистской фирмы зарегистрировать своего лоббиста у секретаря Сената и клерка Палаты представителей не позднее 45 дней после первого лоббистского контакта. Ст.4(3)(А) определяет два случая , освобождающие клиента от необходимости регистрировать своего лоббиста при прочих равных условиях (а именно, что он а) подпадает под данное законом опре-

деление лоббиста и б) имел лоббистский контакт с категорией лиц , указанных в ст.3(3-4)). Первый случай: если общий доход лоббиста от предоставления услуг клиенту не превысил \$5 000, второй – если общие затраты клиента на лоббистскую деятельность не превышают \$20 000. В регистрационной форме LD-1 согласно ст.4(b) должны содержаться подробные сведения о нанимателе лоббиста ,его форме собственности, доле иностранного капитала (в случае с акционерным обществом), сфере лоббистских интересов , а также детальная информация о нанятом лоббисте.

Ст.5 предписывает лоббисту каждые полгода направлять в аппарат Конгресса США отчеты установленной формы (LD-2) о результатах своей деятельности.

Ст.7 определяет штраф в размере \$50 000, который может быть наложен на лоббиста и/или его клиента при уклонении от регистрации или предоставлении неверных сведений в отчетах , в случае если нарушение закона не будет им (лоббистом или его клиентом) устранено в течение 60 дней после того, как аппарат Конгресса США установил этот факт.

В 1998 г. Конгрессом был утвержден ряд поправок, совершенствующих отдельные положения данного закона. Так поправка к ст. 3(8)(B)(ix) вывела за пределы понятия «лоббистский контакт» коммуникацию между федеральным подрядчиком и госзаказчиком по поводу уже заключенного контракта, а поправка к пункту 15(F) той же статьи вывела международные организации из сферы действия данного закона при их контактах с федеральным правительством.

Несмотря на то, что закон 1995 г. в отдельных моментах более совершенен, чем закон 1946 г., многие проблемы регулирования лоббизма так и не были решены. Косвенный лоббизм по-прежнему де-юре не является лоббизмом из-за ст.3(8)(B)(iii).

Как и ранее, ответственным за его реализацию является аппарат Конгресса США. Причем, если контроль за ситуацией в самом Конгрессе он еще как-то может осуществлять, поскольку находится там же, то ситуация в недрах исполнительной власти очевидно гораздо менее транспарентна для него.

Появилось много новых лазеек, дающих возможность лоббистам на вполне законных основаниях уклоняться от регистрации. Например, если в случае с законодательной властью, контакт лоббиста с любым сотрудником Конгресса США, вплоть до технического сек-

ретаря, может при определенных условиях считаться лоббистским, то в случае с исполнительной властью, а именно такой ее частью как вооруженные силы, контакт лоббиста с чиновником ниже ранга О-7 (бригадный генерал, контр-адмирал) ни при каких условиях не будет считаться лоббистским (из-за ст.3(3)(E)), и соответственно не будет подлежать выявлению.

Далее, исследователями установлено, что слушания в Конгрессе являются весьма востребованной лоббистами точкой доступа, но по ст.3(8)(B)(vii) лоббистского контакта в этой ситуации быть не может.

И последняя самая очевидная лазейка заложена в 20% временном лимите в определении понятия «лоббист»(см. выше). В этой связи Н.Г. Зяблюк указывает, что опытному washingtonскому юристу, сотруднику лоббистской фирмы, зачастую не нужно тратить более 20% своего рабочего времени от общего времени оказания услуг конкретному клиенту на решение его проблемы. А раз так, то несмотря на то, что и лоббистская услуга оказана, и гонорар может быть много больше \$5 000, и издержки клиента могут быть больше \$20 000 (пороговых значений установленных ст.4(a)(3)(A)), этот лоббист по ст.3(10) не является таковым, а следовательно и не подлежит регистрации, несмотря на наличие вышеперечисленных условий.

Таким образом, мы видим, что с учетом отмеченных дефектов, данный нормативно-правовой документ может быть использован при создании российского закона о лоббизме, работа над которым в Государственной Думе РФ идет уже много лет.

Научное издание

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В XXI ВЕКЕ

Материалы региональной научной конференции молодых ученых
Сибири в области гуманитарных и социальных наук

Сборник печатается в авторской редакции

Подписано в печать 10.06.2003
Формат 60x84 1/16. Уч.-п. л. 10.9
Тираж 100 экз. Заказ № 327

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998г.
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.